

Ольга Валентеева

РОМАШКА ДЛЯ ВЕДЬМЫ

ГЛАВА 1

Началось все с крыс. То есть как с крыс... Может, и гораздо раньше, но именно тот день оставил неизгладимое впечатление в памяти, а значит, его можно считать отправной точкой моей истории. Было утро как утро. Я проснулась поздно, потянулась, свешивая ноги на пол, и ойкнула. Крыса сидела на полу и смотрела на меня. Я же, поджав ноги, сидела на кровати и смотрела на крысу. И, как назло, под рукой не было ничего тяжелого. Ничего такого, что позволило бы честной светлой ведунье победить в неравной борьбе с рыжим чудовищем. Дотянуться бы до тапки, но вот в чем дело: вчера я до полуночи собирала травы в лесу и разувалась в полусонном состоянии. Теперь мои тапки стояли у самой двери, а значит, не могли служить средством борьбы.

— Пошла вон! — попросила я непрошеную гостью по-хорошему.

Крыса таращилась на меня, будто вот-вот сожрет. Какая незадача! Я не боялась вампиров, поднятых мертвецов, летучих мышей, зато до одури боялась крыс.

— Эй, ведьма! — забарабанили в дверь.

Вот сколько раз объяснять необразованному деревенскому народу, что не ведьма я, а светлая ведунья? Нет, конечно, проклясть чесоткой могу при необходимости, но мне же потом придется эту чесотку снимать. Себе дороже.

— Марьяна, померла, что ль?

Точно, сосед. И точно — за зельем от похмелья. А вот шиш ему!

Дверь скрипнула. Вот курица, еще и дверь забыла запереть. Зато теперь появился шанс, что сосед поможет мне в неравной борьбе с врагом. Дядька Улан был большим, как гора, и тяжелым на руку, если верить супруге. Он распахнул настежь дверь в спальню, покраснел, увидев меня в ночной сорочке, затем перевел взгляд ниже, на крысу... И взвыл! Запрыгнул на стол. Стол, не выдержав такого веса, захрустел и треснул, проваливаясь под соседом. А на полочках под столом стояли мои зелья...

В воздух взметнулось зеленоватое облачко. Я вовремя зажала нос, а крыса и дядька Улан вдохнули глубоко, смачно. Отчаянно попыталась понять, что именно смешалось при падении дядьки и стола, и не могла. Ой, мама! Зато крыса куда-то юркнула, и я понеслась стремглав к двери.

Упала на зеленую травку, раскинув руки. Фух! Можно дышать.

— Ой, бесстыдница! — послышался голос тетки Фески, жены дяди Улана. — Хоть бы срам-то прикрыла. Тут честные люди живут, на красоту твою проклятую не падкие.

Спасибо за комплимент. Я не считала себя особо красивой. Волосы тонкие, темные, столько зелий на них перевела, а им хоть бы хны. На носу — веснушки, ровно три. И тоже несводимые. Глаза, правда, большие. Ведьмовские, как вторили соседи, да только не зеленые, а серые. Девка как девка, одним словом.

— Поглядите, люди добрые! — продолжала взывать Феска. — Срамота-то какая!

И вдруг заткнулась на самой отчаянной ноте. А все потому, что на пороге появился дядька Улан.

— Ах ты кобель! — Тетка Феска подбоченилась и приготовилась к обороне. — К ведьме повадился? Уж я-то ее жиденькую косенку повытреплю. Слюнки по лицу поразмазываю.

Почему мне-то? Это же ее муж вышел из моего дома. Непонятная женская логика. И вдруг дядька Улан взревел:

— Дорогая, не убегай от меня! Ты ж мой это... свет ночной.

И какой ночью свет? Луна, что ли? Или лучина — единственное, что можно найти в захудалой деревушке, куда меня отправили отработать три года после получения диплома. Хорошо же его зельями приложило. Но сказано ведь: не лезь к ведьме, не полетишь к черту. Я уже приготовилась отбиваться от излишне разгорячившегося соседа и его супруги, когда он вдруг согнулся в три погибели и что-то подхватил с земли.

— О, крысуля, любовь моя! — Сосед сжал в пальцах-сардельках ошалевшую от «счастья» крысу и поцеловал в нос.

Та, похоже, не осознала, чем заслужила этот подарок судьбы, и тяпнула Улана прямо за кончик носа.

— Эй, ты что там, упился? — раздался бодрый голос соседки. — С кем лобызаешься, пьянь? Крыса ведь!

— Это ты крыса, — грозно обернулся дядя Улан. — А она мне слова дурного за всю жизнь не сказала.

— Вы с этой... кхм... дамой знакомы всего-то минут пять, — вмешалась я ради приличия.

— А вы помолчали бы, милочка. Идем, дорогая. Я посажу тебя на подушку и угощу сыром.

И дядя Улан зашагал домой с вырывающейся крысой в руках. Теперь уже вопила тетушка Феска. Ее явно не порадовало, что хвостатая «соперница» будет жить рядом с ними. Она попыталась заставить мужа выпустить крысу, но с этим зверюшка справилась и сама. Укусила дядю Улана за руку и была такова. Улан загрузил, а тетя Феска развернулась ко мне.

— Это ты! — ткнула прямо в мою сторону грязным пальцем. — Ты моего мужика к крысятине мерзкой приворожила. Ведьма!

— Я? Мне что, делать нечего? — Не знаю, чего в моем голосе было больше — возмущения или удивления.

— Она! Она меня с любимой разлучила, — взвыл дядя Улан и зарыдал так, что защемило сердце.

— Эй, ты, или отворачивай его, или я тебе волосенки-то повыдергаю. — Феска уперлась руками в бока.

— Послушайте, тетя Феска...

— Плешивый заяц тебе тетя. Держи ведьму!

Зычный голос тетки Фески полетел по округе. Из окрестных домов начали выглядывать люди, пытаюсь понять, что же происходит. А тетка Феска уже наступала на меня с кулаками. Но мать-магия меня силушкой-то не обидела. Ничего дурного я Феске не хотела, но испугалась, взмахнула руками, и та закрутилась на месте, а когда остановилась, открыла рот и... хрюкнула. Кажется, пора бежать.

Я кинулась в дом. На дверь тут же обрушился град ударов, а я поспешно собирала вещи. Да уж, не задалась практика. Надо ненадолго поехать... да вон в соседнее село, пока меня тут не побили. Раньше я слышала, что ведуньи частенько бьют, но саму магию миловала. Зато сейчас дверь вздрагивала под яростью тетки Фески и дяди Улана. Кажется, к ним присоединились соседи, и количество желающих лишит меня двери резко увеличилось.

— Эй, девица, выходи! — требовал, кажется, кузнец, который жил дальше по улице. — Расколдуй Улана и Феску, бить не будем.

Так я ему и поверила. Выглянула из окошка на задний двор. И там уже дежурили двое деревенских мужиков. И что мне делать? Вернулась обратно.

— Эй, что происходит? — А это уже незнакомый голос. — Откройте дверь именем закона.

Какого закона? В этой глухомани отродясь стражей не было, всем известно, княжеская стража только в городах обитает. Э нет, мы так не договаривались!

— Марьянка, открывай! — призывали соседи.

— За несанкционированное воздействие магией на человека полагается штраф, — вторил невесть откуда взявшийся страж.

Какой еще штраф? У меня в кошельке дыра. Увы, деревенские — народ небогатый, платят натуральным продуктом: яйцами, молоком, мясом. Это всегда пожалуйста, а деньги у них не водятся.

Я вытащила из шкафа дорожную сумку, быстро побросала туда самое необходимое, и дверь содрогнулась. Выбить решили, гады! Лишить меня законного жилья. Нет уж, ни за что! Я взяла в руки большую склянку, резко распахнула дверь, ударив по носу стража — кстати, довольно-таки симпатичного, — и кинула ему под ноги бутылку. Теперь к штрафу прибавятся исправительные работы... Но я уже бежала прочь со всех ног, надеясь скрыться в лесу. За спиной что-то грохотнуло, я припустила быстрее и, лишь когда скрылась среди вечнозеленых елей, остановилась, упала на свежую хвою и задалась очень правильным вопросом: а что я, собственно говоря, делаю? Надо было просто открыть дверь и поговорить со стражем. Но, увы, страх оказался сильнее. Конечно, причина этого страха была мне хорошо известна, но легче от этого не становилось.

Что сделано, то сделано. Задержат — начнут выяснять, кто такая. Поднимут документы. Это в деревенской глуши мое имя никому ничего не скажет, а если хорошенько поискать, все и выяснится. А встречаться со старыми знакомыми уж никак не хотелось. Я и учиться пошла, потому что школы местные — заведения закрытые, информацию об учениках никому не выдают, как и самих учеников. Жаль, практику так и не прошла. А если диплом аннулируют? Как тогда? У-у-у.

Запустила пальцы в волосы. Выход виделся один: идти в столицу и падать в ноги директору, который меня сюда и направил. Просить, чтобы пощадил и перевел в другое место. Он был мужиком строгим, но отходчивым. Авось не прибьет, если за годы учебы не прибил.

А пока я сидела на поляне в лесу, вытирала слезы обиды и поражалась собственной глупости. Надо было делать лицо бревном, и пусть страж попытается выяснить, кто я. А теперь что уж хвататься за голову? То-то же, что нечего. В деревню возвращаться нельзя.

Открыла дорожную сумку. И что я тут захватила? Пару колб с зельями, травы, минимум одежды. А главное — конспект со всеми рецептами зелий и заговорами, изученными в светлой школе. Они-то уж точно пригодятся и уже не раз спасали шкуру одной непутевой ведуньи. А потом взвыла — деньги! Деньги-то, родимые, остались лежать на полочке в банке. Красивой такой, с железной крышечкой. Придется возвращаться. Потому что без пары склянок с зельями я могла обойтись, а вот без денег — ну никак. Их у меня было мало, и тем больше я ими дорожила.

Но нужно дождаться темноты. Уселась на травяной ковер и задумалась о превратностях жизни. Превратностей было много, а жизни — всего двадцать один год. Пока все вспомнила, начало темнеть. Я подхватила сумку и двинулась обратно к деревне. Постояла на опушке, дождалась, пока погаснут в избах огоньки, и медленно, пригибаясь к земле, чуть ли не поползла к своей избенке.

В двери, конечно, входить не стала. Убедилась только, что рядом никого нет, и осторожно приоткрыла окошко. Конечно, в мое отсутствие никто не стал его запирать, поэтому створка протяжно скрипнула, а я замерла. Досчитала до пяти. Никто не выбегал, чтобы схватить меня и призвать к ответу. Аккуратненько забралась в окно, сделала пару шагов и вдруг споткнулась о тело. Тело заорало, хватая меня за ногу. Я цапнула первый попавшийся пузырек и вылила стражу на голову. А в том, что это был страж, уже не сомневалась — разглядела-таки в лунном свете приметный светлый плащик.

Страж орать перестал, только почему-то забулькал, засипел. Бедненький. Кажется, я наградила его настойкой для роста волос. Будет кудрявый, шелковистый. А пока он не опомнился, я схватила банку с деньгами и снова выскочила в окно.

— Ведьма, стой! — долетело в спину, и вдруг что-то упало.

А что поделаешь? От настойки волосы растут быстро. Свобода! И я побежала быстрее, пока страж не привык к новой шевелюре. Это мы, девушки, умеем уживаться с длинными волосами, а мужчина пока опомнится, пока додумается намотать их на руку... Послышался стук ставен. Быстро опомнился, гаденыш! Но меня было уже не остановить. Я, отрываясь от преследователя, запетляла по лесу, в котором и ночью нашла бы дорогу. Надо теперь дождаться утра, выйти из леса подальше от деревни и шагать себе в город, а оттуда на дилижансе — в столицу, в ножки к директору. В который раз?

А сейчас я устала, поэтому нашла большую полянку, вооружилась склянкой с зельем, радуясь, что крупного зверья тут отроду не водилось, поставила магические маячки и мирно уснула.

ГЛАВА 2

Утро радовало теплым светом. Хорошо на дворе — конец весны. А если бы зима? Зимой в лесочке не спрячешься, нос отморозить можно. И не только нос, что уж там. Но я не жаловалась. Жизнь научила, что надо искать в любой ситуации положительные стороны. Вот не сбежала бы я от родителей — не окончила бы светлую школу. А школа дала мне многое: запас заклинаний, зелий и, как в старой шутке, дергающийся глаз. Впрочем, от последнего приобретения жизнь на природе избавила. Увы, ненадолго. А ведь конец практики был так близок! Еще два года — и здравствуй, свобода! Но ничего, все еще поправимо.

Я вышла из леса и направилась вдоль опушки. Даже если и встречу кого, так кто там в соседних деревнях знает, что у нас приключилось? Плохо только, что мое личико известно им слишком хорошо. Пока было свежо, я куталась в прихваченную накидку с капюшоном, а вот как потеплело, пот градом покатился по лбу, и накидку пришлось убрать в сумку. К счастью, сумка была зачарована — я не чувствовала ее веса. Подарок поклонника, кстати. Он учился на курс младше и не терял надежды, что обращу на него внимание. Увы, не сложилось. Он оказался совершенно не в моем вкусе. За свою любовь бороться надо, а не вздыхать под окнами, пока соседки по комнате не начали смеяться. Но сумку приняла в подарок на выпускной, слишком уж полезная вещь и достаточно вместительная. Мне иногда казалось, что внутрь можно засунуть и слона. Здесь проблема другая: где слона найти?

Об этом я и думала, шагая, пока не устали ноги. Посидела немного, перекусила скудными запасами и зашагала дальше. А чтобы было не так скучно, начала петь песни. Кто меня услышит? Разве что зайцы.

Был в государстве нашем князь, Завиднейший мужчина. И государство в честь него Назвали Альбертина. Ведь звался бравый князь — Альберт, И только в нем причина. Спросили: «Чья земля?» В ответ Сказали: Альбертина. Конечно, путаница есть, Придраться можно к слову. Но ударенье — не порок, И случай тут не новый. Звучит по разным городам И даже на чужбине: «Прекрасный край, цветущий край» — О нашей Альбертине.

Я прокашлялась и запела другую песню, куда более фривольного содержания, о любовных похождениях того самого князя Альберта, который подарил свое имя нашей стране. А мужчина был любвеобильный, прославился и на военном поприще, и на любовном, так что песенка о нем сложили немало.

Увы, ночевать снова пришлось в чистом поле. В деревеньки я заглянуть не рискнула. Там все всех знают и слишком много моих клиентов. А вот к вечеру следующего дня впереди показался город. Назывался он Сурт. Почему? А кто его знает? Я в местную историю не вникала. Сурт и Сурт. Зато здесь всегда было очень оживленно. Горожане славились керамикой, и, чтобы купить их изделия, съезжались обитатели всех окрестных земель.

На воротах позевывала стража. Зачем она была нужна, если даже не проверяла приезжих? Наверное, для устрашения. Поэтому я без проблем и вопросов миновала городские ворота. Запасы провианта подошли к концу, и первым пунктом в списке значилась покупка чего-то, что можно взять с собой и съесть по дороге, и плотный обед в какой-нибудь корчме. Огляделась по сторонам. М-да... Куда бы направиться? Решила, что пойду вперед. Рано или поздно найдется что-то подходящее.

— Яблоки! — кричал на высокой ноте один торговец.

— Вишня, спелая вишня, — вторил другой.

— Пироги домашние!

Желудок требовательно заурчал, и я кинула монетку в руки торговки, а сама получила ароматнейший пирог с мясом. Мм, вкуснотища какая! Пирог таял во рту, я съела не менее половины, а вторую бережно завернула и спрятала в сумку.

— Госпожа, купите чайник! — вдруг перехватил меня мужичок чудаковатого вида.

— Зачем? — уставилась я на него.

— Так вы ж это... ведунья, видимо. Вам чайник — самая нужная вещь в хозяйстве. Купите чайник, скажу секрет, — прищурился мужичок и выпятил зубы с щербинкой.

— Нет уж, — покачала головой. — Я путешествую. Как мне его с собой тащить?

— Так вот, взгляните. Ремешок имеется, чтобы удобнее чайник таскать.

Я наконец-то взглянула на предлагаемый товар. Красиво, что уж там! Чайник был выполнен в восточном стиле и казался не грубой кухонной утварью, а изящным предметом, который не стыдно показать гостям. И секрет узнать хотелось...

— Сколько вы за него хотите? — спросила торговца.

— Да всего-то три медяшки, — ответил тот.

— За этот старый чайник?

— Госпожа, мой секрет стоит гораздо дороже! Считайте, что чайник идет в подарок.

— Ну, хорошо. — Я согласилась, больше чтобы странный субъект отстал, и протянула ему монетки, проредив свои запасы. Ненужная покупка перекочевала в мои руки. — А как же секрет?

— Вы бы капюшончик опустили пониже, госпожа. — Торговец перешел на шепот. — Ищут вас, портреты на всех столбах. Шибко вы обидели чем-то любимого сына командующего стражей Альбертины.

— Что?

Душа ушла куда-то в пятки, а грязный палец торговца указал на мой размноженный, видимо, с помощью магии портрет, который действительно украшал собой каждый столб. И, как назло, портрет был крайне удачным, будто я сама смотрела на себя с каждого угла. Да чтоб мне провалиться!

— Благодарю, — пробормотала я торговцу и сорвала ближайший листок. «Разыскивается светлая ведунья Марьяна из деревни Тихие Углы. Ведунья обвиняется в разбойном нападении на капитана Итена Хардинского и причинении ему тяжелого морального и физического ущерба. Нашедшему премия — десять медяшек», — значилось на нем.

Тяжелого физического ущерба, говорите? Надо было этого капитана Итена Хардинского мужским бессилием проклясть. Кто сказал, что светлые ведуньи не проклинаят? Тот солгал. Нам не полагается, конечно, но мало ли кому что полагается? Я сложила листок и опустила в свою сумку. Как теперь поступить? О том, чтобы пообедать где-то, придется забыть. Куплю еду, а ночевать уж как-нибудь устроюсь. Ночевать... А дилижанс? Меня же в нем сразу узнают! Может, стоит пройти до другого города? Или до соседнего княжества? Вся Альбертина состояла из мелких княжеств, а в столице восседал верховный князь, потомок того самого Альберта, о котором шла речь в песенке, и тоже, как несложно догадаться, Альберт.

Вот только топать мне до соседнего княжества дней пять, а потом перебираться через границу. Что же делать? Мучимая тяжелыми раздумьями, я надвинула капюшон пониже, купила немного яблок, булку, припрятала в сумку, а вот бумажный сверток с копченым мясом туда уже не влез, его я несла в руках. Шла, глаза по сторонам, чтобы найти вывеску постоялого двора, и заметила, что портретик-то мой не один. На соседнем столбе и вовсе устрашающая рожа. «Разыскивается неизвестный, — значилось под ней. — Обвиняется в многочисленных кражах, а также лишении чести добродетельных девиц. Крайне опасен, некромант».

Ух ты! Вымирающий вид. Некромантию в Альбертине не любили и когда-то всех некромантов истребили на корню. Но это ведь не мешало мертвым бедокурить. Пришлось отыскивать последних забившихся в норы специалистов по мертвецам и создавать благоприятные условия для их размножения. То есть срочно женить. Учитывая, что не все дети унаследовали дар, то таких специалистов оставалось маловато. А главное, какая примечательная физиономия! Бандитская прямо-таки. Волосы короткие, торчат дыбом. Глаза с коварным прищуром, внушительный нос и козлиная бородка. Вот ты какой, некромант!

Я зазевалась, исследуя соседа по столбам, и не сразу поняла, что случилось, когда какой-то парень выхватил у меня сверток с мясом и бросился бежать.

— Стоять! — закричала я, видя, как обед убегает от меня. — Люди добрые, имущества лишают!

И помчалась следом, позабыв обо всем на свете. Думает, я бегать не умею? Как бы не так! Прибавила скорости и уже почти догнала вора, когда дорогу нам преградили стражи порядка. Вор затормозил, я врезалась ему в спину, но быстро опомнилась и выхватила свой сверток.

— Что происходит, госпожа? — миролюбиво поинтересовался у меня стражник.

— Обокрасть пытались, — запыхавшись, отвечала я. — Вот этот тип и пытался.

И вдруг поняла, что во время бега капюшон слетел. Стражники уставились на меня, потом перевели взгляд на ближайший столб, на котором тоже красовался мой портрет, затем снова на меня.

Бежать! Я кинулась прочь. Парень по непонятной причине тоже понесся следом. Теперь получалось — я убегала, а он меня догонял. Что за несправедливость судьбы? Ноги запутались, и я упала. Парень подхватил одной рукой меня, другой — сверток с мясом.

— Шевели ногами! — рявкнул на меня странный вор, и мы понеслись быстрее, свернули в какой-то двор, забились за сарай и замерли.

Я поняла, что дольше бежать не могу. Легкие разрывало на части, да и спутник мой щеголял красной физиономией. Знакомой такой физиономией... Конечно, портрет на столбе был несколько утрированным, но не настолько, чтобы не узнать своего невольного спутника.

— А ты...

— Тсс! — Парень зажал мне рот ладонью. Мимо, переговариваясь, прошли стражи, а я разглядывала физиономию с трехдневной щетиной, всклоченные пшеничные волосы, знакомый прищур голубых глаз. На лице написано — бандит. А если верить сводкам, еще и некромант. Шаги стихли. Рука, зажимавшая рот, исчезла.

— Спасибо, — пробормотала я. — Мясо отдай.

Вместо ответа парень зашелестел оберткой и откусил огромный кусок от моей покупки!

— Отдай, кому говорят! — Дернула сверток на себя и едва не уронила в грязь. — Не один ты тут голодный.

И тоже откусила кусок, быстро прожевала, пока нас не нашли. Затем бережно завернула обратно и попыталась устроить остатки в сумке. С трудом, но получилось. После этого снова надвинула капюшон на нос и поднялась на ноги.

— Счастливо оставаться, господин вор, — пожелала я новому знакомому.

Кстати, не представляю, на чью честь он там мог покушаться. Выглядел мой брат по несчастью весьма помятым.

— И вам также, госпожа ведьма, — ответил тот, поднимаясь и отвешивая шутовской поклон.

— Ведунья, — поправила я.

— Одной палки концы.

— Хам!

— Я бы на вашем месте говорил потише, стражи где-то поблизости.

Я пошла прочь. Стражи поблизости не было, а мне нужно выбраться из города. Переночевать тут вряд ли удастся. Разве что выбрать какую-нибудь убогую забегаловку на окраине города, где за гроши предлагают койку в общем зале и миску супа за столом.

Парень шел за мной. Преследует он меня, что ли? А вдруг обвинение не лишено оснований? Я обернулась, тот даже не поморщился.

— В чем дело? — спросила прямо.

— Ни в чем. Мне просто в ту же сторону, — ответил он.

Так я и поверила. Не иначе как мясо по вкусу пришлось. Ну и пусть покупает сам. Я ускорила шаг, парень тоже. Бежать не рискнула — привлеку слишком много внимания.

— Послушай, тут неподалеку есть место...

Я обернулась и устало спросила:

— Какое место?

— Где можно поесть и отдохнуть и никто не задает лишних вопросов. Только у меня денег нет. Там всего-то полмедяшки надо. Одолжишь?

— А как отдавать будешь?

Конечно, я понимала, что никак. И в кошельке была огромная такая дыра, и всего-то пять медных монеток. А спорила больше для вида, потому что безумно устала.

— Натурой, — усмехнулся наглый некромант. — То есть могу служить тебе охраной в пути. Ты ведь

куда-то идешь. Я тоже иду... куда-то. А куда именно, давай обсудим на полный желудок.

— Ты и так мое мясо надкусил! — возмутилась я.

— Да? Извини. — Некромант удивленно вскинул брови. — А я-то думал, это свинина.

Я только тихонько зарычала, но усталость брала свое, и я согласилась пойти за проклятым некромантом, соблазнителем девиц. Меня-то он уж точно соблазнил возможностью выпастись.

Так мы и дошли до маленького то ли трактирчика, то ли гостевого домишки, вся примечательность которого состояла из огромной вывески «Приют петуха». Зачем петуху приют, уточнять не стала. Судя по печи, нарисованной на вывеске, приют его — в кастрюле.

— Прошу, госпожа. — Некромант распахнул передо мной двери. В общем зале было темновато, несмотря на то что на улице царил белый день. Зато пахло ух как вкусно! Я втянула носом аромат и блаженно зажмурилась.

— Чем могу служить? — Полный добродушный хозяин тут же возник передо мной.

— Питер, нам нужна комната на двоих и обед, — за меня ответил некромант.

— А, это ты. — Хозяин мигом помрачнел. — Сначала деньги, потом еда.

— Вот, — протянула ему полмедяшки.

— Так это за вас, девушка. А за него?

Вздыхнула и протянула еще одну мелкую монету. Ох уж этот некромант! Слишком дорого мне обходится. Но комнатуха, вопреки опасениям, оказалась достаточно уютной. Здесь было две кровати, небольшой стол и шкафчик. Чисто, тихо. Что еще надо? А некромант уже тащил меня обратно в общий зал. Хозяин подал нам две тарелки супа, и мы заработали ложками. Да, маловато, но лучше, чем ничего. Покончив то ли с обедом, то ли с ужином, мы вернулись в комнату. Парень тут же упал на свою кровать, вытянул ноги и довольно потянулся, как большой кот. Я же поставила на стол чайник, засунула сумку на верхнюю полку шкафа и подумала, что неплохо было бы вымыться. Увы, уборная, она же банная комната оказалась одна на этаж и представляла собой большую бочку.

— Хватит разлеживаться, — сказала я некроманту, вернувшись в комнату. — Наноси в бочку теплой воды.

— С чего бы это? — Тот приподнялся на локте.

— Я за тебя заплатила, отрабатывай вложенные деньги.

Парень недовольно поморщился, но возражать не стал, поэтому полчасу спустя я все-таки смогла сбросить пыльную одежду и насладиться горячей водой и душистым мылом. Затем в банную направился мой спутник, а я забралась под одеяло. Ну и пусть солнце в окно светит. Устала я, вот как.

Некромант вернулся четверть часа спустя. Теперь он тоже выглядел не так угрожающе, и щетина вроде бы стала короче. Парень как парень.

— Как тебя хоть зовут? — спросила его, высунув нос из-под одеяла.

— Ромашка, — ответил некромант.

— Как? — Я даже села.

— Ромашка, — повторил тот. — Вообще Ромаш, но так меня никто и никогда не называл. Еще от родителей повелось: Ромашка, и все тут.

Какая-то жутковатая ромашка получается, щетинистая, а главное — хищная, мясо любит.

— А меня Марьяна зовут, — сказала я, подумав.

— Знаю, на столбе прочитал.

— Давай спать, Ромашка?

А сама чуть не захихикала. Хорошо хоть сдержалась.

— Давай, — согласился тот, запирая дверь на щеколду и забираясь под одеяло.

— Чур, на мои припасы не покушаться.

И кому я это сказала? Мой странный спутник уже сопел и видел сны, а я раздумывала, что делать дальше, пока не уснула.

ГЛАВА 3

— Просыпайся! Вставай давай!

Кто-то пытался за ногу стащить меня с кровати. Вот не везет мне с пробуждениями в последнее время. Сладко зевнула и запустила во вредителя заклинанием чесотки. Очень милое заклинание. Что значит, не светлое? Очень даже светлое: как снимешь с несчастного, он чесаться перестанет, и жизнь кажется яркой и красочной.

— Ведьма, — выругался кто-то сквозь зубы.

— Но-но! Ведунья. — Я приподняла голову с подушки и увидела почесывающегося Ромашку.

Вздохнула и заклинание убрала, пока не расчесал кожу до крови. Мне еще надо решить, что делать с таким подарком судьбы.

— Ты чего с утра пораньше заклинаниями швыряешься? — поинтересовался парень недовольно.

— Потому что девушек надо будить мягко, нежно и трепетно, — ответила я, опуская босые ноги на пол. Обувь нашлась под кроватью, вот только обуваться ой как не хотелось! За дни пути башмаки сильно набили пяточки.

— Мягко, нежно и трепетно, говоришь? — недобро поинтересовался некромант. — Ну-ну.

— И не нукай на меня, я тебе не лошадь. — Я зевнула во весь рот. — Ладно, переночевали — это хорошо. Пора прощаться.

— Рановато, — буркнул Ромашка.

— Почему это? — Да потому что в этом городе оставаться нельзя. Куда ты идешь?

— В столицу, — решила я не скрывать.

— И я тоже. Почему бы нам не объединить усилия? Столица далеко. Отсюда ехать — не вариант. Нас обоих ищут. А до княжества Листвин проще будет дойти вдвоем.

— А зачем тебе понадобилась попутчица? — спросила я, подозревая некроманта в самых плохих побуждениях. — И ребенку понятно — девушка будет только замедлять твой путь. И потом читала я, что о тебе на столбах пишут.

— И что же там пишут? — Некромант откровенно смеялся.

— Что ты покушаешься на девичью честь.

— Ведьмам ли говорить о чести?

— Ведуньям! — не удержалась я. — Еще раз назовешь ведьмой, я тоже тебе прозвище придумаю.

— Так у меня оно уже есть. — Ромашка пожал широкими плечами. — Другого не надо. А вот если ты пойдешь одна, то, того и гляди, попадешь в лапы закона. Кстати, раз уж мы идем вместе...

— Пока еще не идем.

— Раз уж мы идем вместе, — Ромашка будто меня и не услышал, — расскажи-ка мне, Марьяна, что ты сделала сыночку этого гада Хардинского?

— Ну... — Я покраснела, вспоминая несчастного стража. — Вырастила ему косу до пояса.

— Что? — Некромант удивленно заморгал.

— Косу. Волосы у него теперь растут пышно и буйно, и даже если он их обрежет, через час они вырастут снова. Снадобье такое есть у меня, экспериментальное.

— Любопытно... А если не голову им помазать, а, допустим, ноги?

— Никогда над этим не задумывалась, — пробормотала я. — Стражу точно об голову разбила. Поэтому, с одной стороны, я понимаю, зачем он меня ищет. А с другой — снадобье обратного действия я только начала разрабатывать, поэтому и не показывала никому. А знаешь, Ромашка, ты прав. Пойдем-ка вместе. Слишком уж подозрительно выглядит девушка, которая куда-то бредет в одиночестве. А на твое лицо взглянешь — и связываться расхочется.

— Это чем же тебя мое лицо не устроило? — хмыкнул Ромашка.

— Так на лбу же написано, что ты разбойник. Или наемник, на худой конец. Ладно, стоит выйти из города, пока окончательно не рассвело. — Я перевела взгляд за окно. — Чем меньше людей нас увидит, тем лучше.

— Я тебе уже полчаса пытаюсь об этом сказать, но ты ведь слушать не хочешь, — развел руками Ромашка. — Идем?

Мы прошли через общий зал, пустой в такое время. Неплохо бы позавтракать, но час ранний, можно сделать это и позднее.

— А ты уверен, что хозяин заведения нас не выдаст? — шепотом спросила у Ромашки.

— Надо было спрашивать об этом вчера, — усмехнулся он. — А сегодня уже поздно. Тем более мы уходим. И да, пока мы под его крышей, он будет держать язык за зубами. А как только уйдем, он тут же продаст нас страже. Деньги, и ничего, кроме денег. Так что шевели ногами, Марьяна.

Я и шевелила. Мы быстро шли по сонным улочкам. Было настолько рано, что даже ремесленники еще не выходили из домов, чтобы отправиться на работу. А Ромашка ориентировался здесь как рыба в воде. Он будто знал каждый проулок, каждый поворот, и я почувствовала себя спокойнее.

Впереди показались городские ворота — как назло, запертые в такой час. Но Ромашка свернул не к ним, а вглубь зеленых кустов.

— Ты что творишь? — перехватила его. — Я туда не полезу.

— Полезешь, милая. — Он сверкнул белозубой улыбкой. — Еще как полезешь.

И толкнул меня к ближайшему кусту. Я неуклюже взмахнула руками, но упасть мне не дали, перехватив за талию. Зато подтолкнули под мягкое место, и я наконец увидела дыру, скрывавшуюся за кустом. Пришлось лезть. А что еще оставалось? Зато спустя пять минут позора я стояла по ту сторону ворот, а следом за мной из зарослей выбирался Ромашка с колючками в волосах. Я тихонько хихикнула.

— Сама не лучше, — буркнул некромант. — Идем уже.

А сам даже не предложил понести мою сумку или, допустим, чайник, который, как ни странно, оказался очень удобным для ношения. Действительно, ремень через плечо — и любой чайник становится предметом гардероба. А Ромашка ведь не знает, что сумка ничего не весит. Хам!

Но указывать на его промахи не стала, вместо этого быстрее зашевелила ногами, стараясь догнать убежавшего вперед некроманта.

— Не лети! — крикнула в спину.

— Хочешь попасться на глаза страже? — Он обернулся, даже не замедлив шага. — Право твое, тогда иди одна.

— Вот зря тебя вчера обедом кормила, — буркнула я под нос.

Ромашка только пожал плечами и пошел еще быстрее. Догнала его и постаралась идти вровень, а затем и вовсе вырвалась вперед.

— Вообще-то нам тут повернуть надо было, — окликнул меня некромант на перекрестке. — Но, если ты настаиваешь, можешь идти дальше.

Вот гад! Я развернулась и с гордым видом прошествовала мимо него. На этот раз Ромашка не отставал, а шел вровень. Он заметно наслаждался солнечными лучами, которые в это время суток еще не жарили, а лишь приятно согревали кожу.

— Люблю весну, — сказал он, заметив мой взгляд.

— Ты неправильный некромант, — ответила я. — Некроманты должны любить темные подземелья, старые склепы.

— Ненавижу подземелья!

— О чем я и говорю. Ромашка, а ты уверен, что некромант? Может, на столбе того... ошиблись?

Мой спутник промолчал, только странно передернул плечами.

А я даже начала находить в прогулке некое удовольствие. А что неприятного? Солнышко светит, птички поют. Спину есть кому прикрыть, хоть я и не слишком доверяла случайному спутнику.

Пешие прогулки я любила, а когда собирала травы, и вовсе могла бродить целыми днями. Так почему нет?

Солнце было уже высоко, когда желудок требовательно заурчал. Пора завтракать.

— Давай выберем место и перекусим, — обернулась я к Ромашке. До сих пор было дико называть этого жуткого типа таким милым именем. Ромашка — вообще цветок полезный, от многих хворей помогает. И от простуды, и от нервов. Впрочем, мой новый знакомый от нервов вполне может помочь. Упокоить, например, чтоб не... нервничали.

— Ты как-то странно на меня смотришь, — прищурился Ромашка. — Мы, кажется, шли искать удобную полянку. Нет?

— Да, — ответила я. — Идем.

И свернула к березкам, росшим неподалеку. В тенечке можно было сесть на свежую травку, достать сверток с мясом, оценить, что он стал на треть меньше...

— Я тебе что говорила? Не лезть к моим припасам! — накинулась на Ромашку.

— У-тю-тю, какие мы грозные. — Он улыбнулся во все зубы. — Тебе жалко, что ли?

— Не жалко, но идти нам еще долго, а есть будет нечего.

Мясо спрятала, оно подождет, а вот пирог доесть надо. Разломилла остатки на две равные части и одну протянула этому проглоту, а от второй с удовольствием откусила большой такой кусок. Эх, хорошо! А на сытый желудок и думается лучше, поэтому я миролюбиво спросила у Ромашки:

— А если честно, за что тебя ищут?

Он только усмехнулся.

— Поделишься мясом — расскажу.

— Тебя что, вообще не кормили? — Я улыбнулась в ответ, но достала сверток Ромашке, а себе — флягу с водой. Хорошая ведунья — запасливая ведунья.

— Почему? Иногда кормили. — Он сделал большие глаза. — Конкретно в этом городе меня ищут за то, что я наставил рога одному очень влиятельному господину. Точнее, меня угораздило попасться, а рога у него давно уже ветвистые. Мне было негде переночевать, а супруга градоначальника пригласила на ужин.

— Я так понимаю, не в первый раз? — усмехнулась я.

— Не в первый. Зачем отказываться? Женщина красивая, еда вкусная, муж — дурак.

И Ромашка, проглотив последний кусочек, упал на траву и закинул руки за голову. Счастливый человек: не думает о будущем, не вспоминает о прошлом, живет сегодняшним днем. Вот Ромашка очень похож на счастливого человека.

— Ладно, идем. — Он поднялся на ноги и протянул мне руку. — Путь неблизкий. Как смотришь на то, чтобы заночевать в Сосновихе?

— Неплохо смотрю, — ответила ему. — Тем более в Сосновихе меня точно никто не знает, потому что мне неведомо, где это.

И мы зашагали дальше. Я даже приноровилась к быстрому шагу Ромашки, и наш путь приобрел особую прелесть и скорость. Мы еще раз остановились на обед, а когда вечером впереди показались покатые крыши деревушки Сосновихи, я чувствовала себя вполне довольной жизнью.

— Надеюсь, здесь не найдется соблазненных тобой девиц? — поинтересовалась у спутника.

— Нет, — усмехнулся он. — Здесь — нет. Я был в Сосновихе всего однажды, и то давным-давно.

— Вот и ладненько, идем искать ночлег.

Мы ступили на единственную в деревушке улицу и осмотрелись по сторонам. Я выбрала домик среднего достатка и свернула к нему. Постучала в двери.

— Здравствуйте! — выглянула оттуда женщина в домотканом платье и сером переднике. — Чего вам?

— Добрый вечер. — Я постаралась мило улыбнуться. — Не примете ли двух путников на ночлег?

— Места нет.

И дверь закрылась, а настроение поползло вниз. Ниже, ниже... Кажется, ночевать мы будем в кустах. Обернулась — Ромашка уже шел к двери куда более бедного домика. Постучал, белозубо улыбнулся, сказал пару слов и махнул мне рукой. Надо же! А у него талант. Я не стала артачиться и следом за ним вошла в небольшой домик. Внутри умопомрачительно пахло хлебом. А хозяйка, миловидная женщина лет сорока, тут же усадила нас за стол. Пока мы ели, узнали о ее жизни все: что муж помер, детишек двое, старший взрослый совсем, у него уже свой дом, младший зарабатывает на жизнь в городе. При этом Ромашка быстро жевал и кивал, успевая расспросить обо всем на свете.

— А на той неделе беда у нас случилась, — сказала хозяйка дома. — Староста помер. Похоронили его, а он ночью возьми и приди домой. Теперь каждую ночь по деревне шастает. Мы скинулись, кто сколько может, чтобы некроманта в городе отыскать, так только где его сыщешь? И денег маловато будет.

— А сколько платите? — поинтересовалась я.

— Двадцать медяшек.

Я уставилась на Ромашку. Сумма-то немалая. Он зажевал быстрее.

— Ромаш. А Ромаш? Может, поможем людям? — спросила у него.

— А вы что, некромант? — Глаза женщины тут же зажглись надеждой.

— Ну... да, — брякнул Ромашка. — Вот только не знаю... Я давно не практиковался.

— Ромаш, миленький! — Хозяйка вцепилась в него железной хваткой. — Помогите, мочи нет! Мало того что приходит, старый греховодник, так еще и девушкам житья не дает! В окна подглядывает, стучится, свистит. Мы вам и денег дадим, и еды на дорогу!

— Хорошо. — Кажется, Ромашка был не рад подвернувшейся удаче. — Где, говорите, похоронили старосту?

— Так на деревенском погосте, тут недалеко. Взглянете?

— Взгляну. Идем, Марьяна, ассистировать будешь.

За окнами стремительно темнело. Я? Ночью и на погост? Испуганно икнула, но тихо ответила:

— Хорошо. Идем.

Вот зря я в это ввязалась. Ой как зря!

ГЛАВА 4

Кто никогда не видел деревенских погостов Альбертины, тот многое потерял. Они выглядели почти живописно: ровные ряды колышков, на которых колышутся веночки, сплетенные из трав и цветов. На колышках гвоздем нацарапано, кто и где покойся. Но то, что кажется мирным при свете дня, в сумерках навеивает суеверный страх, а ночью и вовсе пугает. Поэтому я вцепилась в надежный локоть Ромашки и не отставала от него ни на шаг, а хозяйка дома вела нас меж нескольких свежих холмиков.

— Вот! — указала она на самый высокий. — Тут он и лежит, староста наш, Эваш. Видите, какая земля рыхлая? Мы уже тут и заклинания произносили, и по-хорошему просили, и еду оставляли. Ан нет! Шастает, тать проклятый. И девок пугает.

Мы покивали, и тетушка оставила нас наедине с могилкой, а сама поспешила к дому.

— Что будем делать? — спросила у Ромашки.

— А мне почем знать? — нахмурился тот.

— Как это — почем? Ты же у нас некромант, — напомнила я спутнику.

— И что с того? Сила не спрашивала, кому доставаться. Пришла, и все. Но я не говорил, что являюсь практикующим некромантом. Ладно, по твоей глупости придется ночевать тут. А утром заберем вещи, деньги, скажем, что староста навеки упокоился, и пойдем дальше.

— Подожди! Это ведь нечестно, — возмутилась я.

— Нечестно — за меня решать, братья мне за работу или нет. Ты у нас кто, ведунья? Вот своими делами и ведай.

И демонстративно отвернулся. Ой, не очень-то и хотелось беседовать! Но мне, откровенно говоря, было страшно, поэтому я отошла от Ромашки на четыре шага, села на поваленное бревнышко и тихо запела. И даже не про похождения князя Альберта, прошу заметить. А вот когда старческий тоненький голосок начал мне подпевать, вздрогнула и замолчала. Стало совсем темно, только лунный свет разливался по погосту.

— Ты слышал? — шепотом спросила у Ромашки.

— Твой вой? Конечно, — недовольно ответил тот.

— Какой мой вой? Со мной кто-то пел. Что? Вой? — Я запоздало подскочила, и вдруг кто-то схватил меня за щиколотку. Я заорала и кинулась к Ромашке. Но никак не ожидала, что Ромашка заорет еще громче и бросится наутек. А следом за нами помчит староста в белой рубаше и черных штанах на завязках.

— Постой, милочка! — кричал мертвый дедуля. — Ух, какая пряткая!

— Ромаш, спасай. — Я перегнала Ромашку у крайней могилки.

— Сама спасайся, — вторил он, вдруг споткнулся, упал и растянулся на чьем-то месте упокоения.

— Эх, ладно, и ты сойдеешь, — склонился над ним дедок, и в темноте сверкнули зубы.

Ой! Я завизжала, перехватила чайник и опустила на голову умертвию. Дедок потер затылок и посмотрел на меня. Недобро так посмотрел...

— Ты чего дерешься, девица? — спросил с присвистом.

— Извините, случайно, — ответила я торопливо, покрепче перехватывая чайник, и еще раз опустила его на голову умертвия. И еще, и еще, пока тот не взвыл и не попытился к могилке.

— Слушай меня, — рявкнула я на старосту. — Сейчас ты ложишься и смирно лежишь. И чтобы больше тебя в деревне не видели! А вернешься — я тоже вернусь, голову тебе оторву и на колышек повешу, чтобы все знали, где лежишь, и на могилку твою плевали.

— Постой, девица. — Дедок примиряюще поднял руки. — Я не хотел дурного.

— Так и я не хочу, дедуля. Поэтому советую прислушаться к доброму совету. Или, может, есть какое условие, чтобы ты упокоился с миром?

— В том-то и дело — есть, — вздохнул дедок. — Жена моя, Сейка, изменяла мне всю жизнь и до сих пор изменяет. Как подумаю, так из могилы и подскочу.

— И чего ты хочешь? Сам ведь понимаешь, что после смерти прав на нее ты не имеешь.

— Понимаю, — снова вздохнул мой собеседник. — Пусть хоть срок упокоения выждет, а потом уже что хочет, то творит.

— Я передам. Поэтому ложись и спи себе с миром, а мы пойдем.

— Спасибо тебе, девица.

Дедок поклонился в пояс, а стоило подойти ближе, так ущипнул ниже спины. Только занесла руку, чтобы пощечину дать, как он растаял, будто и не было.

— Ромашка? — обернулась я, поняв, что стою одна посреди погоста. — Ромашечка, ты где?

Побежала туда, где видела некроманта в последний раз, и едва не споткнулась о его ногу.

— Ромашка? — Склонилась, затрясла за плечи. — Очнись, миленький. Ты хоть живой?

Похлопала по щекам, а когда тот открыл глаза, прямо камень с сердца свалился.

— Что такое? — спросил он сипло. — Староста где?

— В могилке лежит, — ответила я. — Ты как? Что случилось? Он тебя околдовал?

— Да нет. — Ромашка сел и потер лоб. — Просто, видишь ли, я с детства мертвецов боюсь до одури, а они ко мне шастают.

— Ромаш, ты же некромант. — Я удивленно уставилась на него. — Как может некромант мертвецов бояться?

— А вот так, — фыркнул тот. — Скажем, не сильно приятные воспоминания у меня с ними связаны. Идем уже, что ли?

Я тяжело вздохнула и протянула спутнику руку, помогая подняться. Мы пошли обратно в деревню. Несмотря на поздний час, в окнах домов горел свет. Либо боялись старосту, либо наша хозяйка всем разнесла вести. И я подозревала второй вариант, потому что, стоило ступить на деревенскую улочку, как из домов начали выходить люди и собираться вокруг нас.

— Ну что? — спрашивали они.

— Как староста? Упокоился?

— Что делать-то?

— Позовите сюда Сейку, жену старосты, — приказала я, а Ромашка благоразумно держался у меня за спиной.

— Сейку сюда! Сейку! — загудели люди.

— Ну, я Сейка. — Ко мне шагнула видная, молодая еще женщина. — Че надоть? Че вам мой хрыч старый наплел?

— Слушайте все! — Я заговорила еще громче. — Староста согласился упокоиться с миром, если супруга его Сейка в срок траура не станет ему изменять. А если изменит, он вернется снова.

— У! — Толпа загудела, заволновалась. — Да мы сами за ней проследим! А кто будет к Сейке шастать, тому ноги свяжем.

— А мне теперь, что, пропадать? — Сейка развернулась к ним, уперев руки в бока. — Я еще молодая, для себя пожить хочу!

— Пройдет два месяца, так и живи для себя, — раздалась возгласы. — А пока не смей!

— Спасибо, люди добрые. — Хозяйка домика, в котором остановились на ночлег, наконец-то пробилась к нам. — Вот деньги, все как обещано. Еду к утру соберем. А теперь пожалуйста отдыхать.

Мы с Ромашкой переглянулись — и потащились за ней. Спать хотелось до безумия! Я только вошла в дом, добрела до указанной лежанки, разделась — и тут же упала. Спать!

А проснулась от тихого голоса в соседней комнате:

— Вы знаете, в Бобылицах тоже мертвяк завелся, буйный. Вы бы наведались туда, там хорошие деньги платят.

— Хо-о-шо, — отвечал Ромашка, который, несмотря на ранний час, уже что-то жевал.

— Да, не держит мать-земля их, — сокрушалась хозяйка дома, даже имени которой я не спросила. — Так что ваша работа сейчас ой как нужна.

— Ага.

Вот проглот еще! Я так его до столицы не прокормлю. Интересно, а зачем Ромашке в столицу? За окнами светало, поэтому пришлось подниматься с лежанки, умыться холодной водой, которая нашлась тут же в тазу, и шлепать в соседнюю комнатушку.

— Доброе утро. — Хозяйка лучилась благодушием. Видимо, с упоением старосты деревня воспрянула духом.

— Доброе утро, — пробормотала я, едва сдерживаясь, чтобы не зевать, и плюхнулась на скамью рядом со слишком бодрым для раннего часа Ромашкой.

— Вот, я оладушек испекла. — Передо мной появилась тарелка, которая пахла так ароматно, что даже остатки сна слетели. — Или, может, похлебки вчерашней подогреть?

— Нет, не надо, я лучше оладушек поем. — Рука сама потянулась к ближайшему румяному красавцу.

— Вот сметанка, вареньице, компот.

Я уже не слушала, только уплетала за обе щеки. А еще раздумывала, как будем делить заработанные вчера деньги. Пока финансовые средства хранились у меня, но не поделиться с Ромашкой будет неправильно. Он ведь тоже в упоении умертвия участвовал, пусть и в виде бревна.

Но пока я отдавала должное восхитительной еде и чувствовала себя довольной и счастливой. Увы, откладывать наш путь дальше не получится. Хозяйка, как и обещала, завернула нам столько еды в дорогу, что Ромашка едва не прогнулся под ее весом, а я так и не стала обсуждать финансовый вопрос, просто спрятала деньги под потайное дно сумки.

— Еще бы в чайник положила, — ехидничал мой спутник.

— Надо будет — и положу, — ответила я. — Кстати, чуть не забыла чайник.

— Не пойму, зачем ты его тащишь? — спрашивал Ромашка, глядя, как я надеваю ремешок через плечо.

— Как это? За него деньги заплачены, между прочим, — напомнила я товарищу по несчастью. — Так что поташу с собой. Он старинный. Может, представляет какую-то ценность?

Наполнила флягу свежей колодезной водой, и мы двинулись в путь. Провожали нас всей деревней. Кроме разве что Сейки, которая вряд ли была довольна требованиями покойного мужа. Денек снова выдался ясным, и шагалось легко и весело.

— Слушай, Ромашка, — спросила я, когда гостеприимная деревушка давно скрылась за пригорком, — а зачем тебе в столицу?

— Много будешь знать — морщины появятся, — перефразировал он народную мудрость.

— И все-таки?

— А тебе зачем?

Я тут же насупилась.

— Вот видишь, Марьяна. О себе ты рассказывать не желаешь, а обо мне испытываешь.

Стало совестно.

— В светлую школу мне надо, к директору, — ответила откровенно. — Я в деревушке на практике была, а потом появилась крыса.

— Кто? — вытаращился на меня Ромашка.

— Крыса, и сосед, дядька Улан, к ней приворожился. Тут и появился тот страж, которого я косой наградила. Считаю, практика провалена. Но мне подтверждение диплома очень нужно! Что я, зря училась? Пойду к директору, он у нас строгий, но отходчивый. Пусть меня на другое место

практики переведет.

— И то верно, — кивнул Ромаш. — А если не переведет?

— Значит, прямая дорога в поломойки, — невесело улыбнулась я.

— Что, ни кола ни двора?

— Похоже на то. Есть где-то и кол и двор, только нельзя мне туда. Поэтому нужно защитить диплом, мне всего-то два года оставалось, год я уже отбыла. А теперь что? Из-за глупой крысы и соседей...

Стало горько и обидно. И день уже не казался таким радужным, и спутник — приятным.

— Выше нос, — усмехнулся Ромашка. — Может, и назначит твой директор другое место практики.

— А ты так и не рассказал, зачем тебе в столицу, — напомнила я.

— Со мной все проще. Буду искать работу. Увы, в провинции все хлебные места заняты, а у меня та же история: никто нигде не ждет. Поэтому я подумал и решил, что уж в столице найду себе место.

— В вышибалы точно возьмут, — кивнула я. — Хотя почему в вышибалы? Ромашка, ты же некромант. Слышал, сколько работы для некромантов?

— А ты слышала, что я вчера сказал? — нахмурился Ромашка. — Не могу я мертвецов упокаивать.

— Так учиться надо.

— Не хочу! Ты и то с умертвием лучше справишься, чем я.

Вдруг Ромашка остановился и к чему-то прислушался, а потом схватил меня за локоть и толкнул за ближайшие деревья, росшие вдоль дороги.

— Ложись! — приказал шепотом.

Я и легла, еще и Ромашка спину рукой придавил, чтобы точно не поднялась, а несколько минут спустя мимо проскакал конный отряд стражей. Неужели нас ищут? Все может быть.

— Пусти, — шепотом попросила Ромашку, задыхаясь. — Как ты вообще их услышал?

— Привычка, — подмигнул мой спутник, протянул руку, помогая подняться, и вернулся на дорогу.

Привычка? Ну-ну. Кажется мне, что у кого-то слишком много тайн. Понятное дело, никто не станет делиться ими с первой встречной, но любопытно ведь! Ничего, я выберу другой момент и выведаю подробности.

— Интересно, они за нами или нет? — спросила Ромашку.

— Как знать? — Он уставился на горизонт, где уже исчезали точки-всадники. — Ты точно только соседа к крысе приворожила?

— Я не привораживала! — возмутилась для справедливости. — Но точно, больше ничего. А ты?

— И я, — ответил Ромашка, но почему-то я ему не поверила. Понадобилась ведь ему зачем-то спутница. И скрывает он многое. А еще боится кладбищ, несмотря на то что некромант. Ой темнишь ты, цветочек лекарственный! Ой темнишь!

Но я по своему опыту знала: хочешь выведать что-то, сиди тихо-тихо, кивай, и человек сам проговорится. А пока мы снова зашагали вперед, надеясь к вечеру добраться до очередной гостеприимной деревушки.

ГЛАВА 5

Увы, к вечеру ни одной деревни нам не попало. При этом было так жарко, будто не весна, а разгар июля. Хотелось вымыться или хотя бы облиться холодной водой. А еще запасы во фляге стремительно таяли, оставалась всего-то пара глотков.

— Ромашка, если мы не найдем воду, сойду с ума, — призналась спутнику.

— Я тоже, — угрюмо ответил он и вдруг свернул в лесок, тянувшийся вдоль дороги. Неужели опять отряд? Но Ромашка не ронял меня на землю и не просил не двигаться. Значит, все в порядке. Может, рассчитывает найти воду? Или надеется, что в лесочке будет прохладнее?

Как бы там ни было, я пошла за ним, а он будто прислушивался к чему-то, вглядывался в полумрак, царивший в лесу, чуть ли не принимавался.

— Туда, — указал некромант направо, и мы зашагали вперед, пока из-за стволов не блеснуло зеленоватой водой озерцо. А рядом с ним бил родник, такой чистый, что, казалось, можно рассмотреть каждую песчинку на дне. Пить! Я упала на колени рядом с родником, черпала ледяную воду ладонками и быстро глотала, а Ромашка только посмеивался.

— Вода холодная. Заболеешь — чем лечиться будешь, ведьма?

Я показала ему кулак, а сама ответила:

— Настойка в сумке есть, вылечусь.

А сама отошла от родника, давая напиться и Ромашке. Вот бы искупаться... Но чтобы искупаться, надо раздеться, а при постороннем парне неприлично это. Зато посторонний парень, утолив первую жажду, бодро скинул рубашку, штаны и в одном белье нырнул в озеро.

— Хорошо! — поделился он. — Иди сюда, Марьяна.

— Ага, а потом в мокром идти? — Я мялась на берегу.

— Ничего, жарко, обсохнешь быстро. Ну давай! Я не смотрю.

И поплыл прочь, а я торопливо сняла свой походный наряд и забралась в воду. Нательная сорочка облепила, как вторая кожа. Уф! Но вода действительно была удивительно теплой, и я наслаждалась каждой секундой такого желанного купания. Ромашка подплыл ближе.

— Откуда ты знаешь это место? — спросила я.

— А я не знаю, — ответил тот.

— Врешь. Ты прямо к нему шел.

Спорить не хотелось. Хотелось плыть, ни о чем не думая, но природное любопытство требовало ответа.

— Ну шел, — усмехнулся Ромашка. — Я много путешествовал, воду везде найду.

— Ой, врун! — фыркнула я и поплыла прочь.

Ромашка не ответил. Он выбрался на берег и лег на зеленую траву. С его светло-русых волос стекала вода. Сама я тоже сейчас хороша буду, когда выберусь. Аки дева морская. В нашем случае — озерная. Но выбирать пришлось. Я выждала момент, когда Ромашка закрыл глаза, и быстро кинулась к своим вещам.

— Угомонись, — сказал мой спутник, пожевывая травинку. — И обсохни сначала. Уж твои формы меня не удивят.

Я даже обиделась почему-то. Не то чтобы хотела удивить его своими формами, но... обидно ведь! Хотя он вон градоначальниц соблазнял. Конечно, ведуньи ему ни к чему. Поэтому тоже растянулась на травке прямо в сорочке, подставила солнышку нос. Хотя, справедливости ради, солнышка не было видно за кронами деревьев, оно давно клонилось к закату.

— Предлагаю спать здесь, — сказал Ромашка. — Сначала ты подежуришь, потом я. Деревня далековато. Я рассчитывал, мы пройдем больше.

— А говорил, что не знаешь здешние места, — подловила я.

— Нельзя верить всему, что сказано, — усмехнулся Ромашка. — Но я действительно почти их не

знаю. В деревню как-то заходил, поэтому если настаиваешь, можем и идти, но доберемся туда только к полуночи.

— Я не настаиваю.

После купания в озере захотелось спать. А еще здесь нас никто не увидит, никакие отряды стражи нам не страшны. Так что...

— Остаемся, — приняла я решение, выжала волосы и все-таки оделась.

А Ромашка уже собирал ветки, чтобы развести костер.

— Может, не надо? Еще привлечем внимание, — засомневалась я.

— Надо. Вскипятим воды в твоем чайнике. А с дороги нас не видно, мы ушли достаточно глубоко в лес. Поэтому набирай воду, а я пока обустрою очаг.

Я попыталась открыть крышку чайника — не тут-то было. Подергала ее — крышка держалась, будто кто приклеил.

— Ромаш, открой чайничек, — протянула ему приобретение.

Ромашка тоже подергал крышку — и ничего. Ни на волосок не сдвинулась.

— Давай через носик наберем? — предложил он. — Тут носик достаточно широкий. Долго, конечно, будет, но как иначе? Не в фляге же воду греть.

Через носик так через носик. Я подошла к бьющему роднику и окунула чайник в его чашу. Что-то забулькало, запыхтело, и вдруг повалил пар. Ручка чайника так разогрелась, что я чуть не обожгла ладони. Отшвырнула бесполезный предмет. Тут его и оставлю! Но пар продолжал валить из носика. А самое забавное, у меня появилась галлюцинация: пар соткался в мужскую фигуру. Ромашка тут же кинулся между мной и галлюцинацией, а дух откашлялся и пророкотал:

— Вы что, демоны, утопить меня решили?

Кстати, дух попался очень даже миловидный. Темноволосый, темноглазый, типичной восточной внешности, а еще — очень молодой. Может, даже младше Ромашки. Хотя я понятия не имею, сколько Ромашке лет...

— Ты кто такой? — грозно спросил мой защитник.

— Альден Фарах Бирин...

— Короче!

— Али, — фыркнул дух. — Короче Али. Повторяю вопрос: зачем вы решили меня утопить?

— Мы хотели вскипятить в чайнике воду, — робко призналась я.

— Вскипятить? — ужаснулся Али. — В раритетном кувшине? Да вы умом тронулись! Оба!

— Какой это кувшин? — хмыкнул Ромашка. — Чайник и есть.

— Сам ты — чайник дубинноголовый, — обиделся дух. — Так вот, я...

— Джинн? — вспомнились мне восточные сказки.

— Нет, — поморщился Али. — Джиннов не существует. Просто волшебник. Увы, оказался временно привязан к кувшину. Лет так сто уже.

Вот тебе и юноша. Да тут уже дедуля.

— И за что тебя так? — поинтересовалась я у своего приобретения.

— За красоту, — подмигнул тот. — Приревновал один правитель к своей супруге, ну и...

— В кувшин? — подсказала я.

— Да, — бодро согласился волшебник. — А что это мы в лесу делаем? Ягодки-грибочки собираем?

— Нет, идем в столицу, — пояснила я.

— О, прекрасная дева, прошу простить мою невежественность. — Али сверкнул черными глазами. —

Но столицу чего?

— Альбертины.

— У-у-у, эк меня занесло. В последний раз с кем-то общался в Дальрабии. А вот когда?

И принялся что-то высчитывать на пальцах.

— Эй, уважаемый, — окликнул его Ромашка. — А практическая польза от вас есть?

— Что вы имеете в виду? — уставился на него Али.

— Говорю, назовите мне хоть одну причину тащить ваш чайник дальше, а не оставить его здесь у ручья. Видите ли, он тяжеловат. Для подогрева воды, как мы выяснили, не годится, а вы не кажетесь мне приятной компанией.

Али нахмурился, пар вокруг него закрутился сильнее.

— А вы вообще-то не мой владелец, — процедил он сквозь зубы. — Деньги за кувшин платила милая девушка. Только она будет задавать мне вопросы и решать, избавиться от меня или нет.

Ромашка зыркнул на меня.

— Извини, — пробормотала я, — но ответь, пожалуйста, на вопрос Ромашки.

— Как? — Али уставился на меня. — Как-как? Ромашки?

И рассмеялся, хватаясь за живот, а я разглядывала его рубашку с широкими рукавами и свободные штаны, украшенные вышивкой. Дорогая ткань. Значит, наш Али не из бедняков вышел.

— Кто ж тебя обидел так, парень? — спросил Али у Ромашки.

— Не твое песье дело, — рыкнул тот, сжимая кулаки.

— Эй, мальчики, — встряла я между ними, — хватит! Али, вернись, пожалуйста, в кувшин.

— И не подумаю, — заявил дух.

— Вернулся, быстро! — рявкнул Ромашка, и волшебник исчез, только марево закружилось вокруг кувшина.

— Ну зачем ты так? — спросила я. — Мы же его обидели.

— А тебе не кажется, что это он обидел меня? — угрюмо поинтересовался мой спутник. — Видал я таких волшебников. Сначала начнет обещать тебе золотые горы. Или, допустим, предложит исполнить желания в обмен на свободу. А потом так исполнит, что ты его проклянешь, а не освободишь.

— Я не совсем понимаю...

— А что тут понимать? Он — раб кувшина, как в сказаниях. И ты, как хозяйка, можешь его освободить за определенную плату. Только он в кувшинчике уже сколько? — Ромашка так размахивал руками, что едва не зарядил мне в глаз. — Сто лет. С его слов. Возможно, и больше. Так почему же за сто лет его никто не отпустил? А потому, что подобным проклятием награждают за дело. И чаще всего человек полностью его заслуживает и, даже став частью этого кувшина и его магии, продолжает делать гадости.

— Сам ты гадость, — донеслось из кувшина.

— Заткнись, когда не спрашивают. Так вот, Марьяна, предлагаю оставить кувшин здесь, на полянке, и дух уснет, пока его кто-нибудь не найдет и не станет новым хозяином.

— Врет он, — раздалось меланхоличное. — Пока меня никто не найдет, ты будешь числиться моей хозяйкой. Я буду лежать здесь, страдать и мучиться, потому что не смогу уснуть. Но ты, конечно, можешь оставить несчастного Али.

И дух картинно всхлипнул.

— А можно просто тебя освободить? — поинтересовалась я устало.

— Ну как тебе сказать? — прогудело из кувшина. — Сначала я должен исполнить три твоих желания, а потом, если захочешь, я расскажу тебе о способе вернуть мне свободу. Но обычно никто не хочет.

— То, о чем я говорил, — буркнул Ромашка. — Не проси ничего, пожалеешь.

— Ромаш, если ты такой умный, зачем идешь со мной? — спросила я. И почему твой портрет украшает все столбы? Каждый ошибается. Возможно, и Али просто ошибся.

— Ты, — постучал Ромашка по боку чайника, — рассказывай условия пользования твоей магией.

Али снова возник перед нами, только уже не улыбался, а выглядел серьезно донельзя.

— Так все просто, — сказал он, зависая в воздухе. — Любые три желания. Если не смогу исполнить хоть одно, теряю шанс на свободу.

— А что ты не можешь исполнить? — допытывался Ромашка с утраченным видом.

— Надо же. — Али невесело усмехнулся, и мне стало его жаль. — За сто лет ты первый, кто об этом спросил. На самом деле я далеко не всемогущ. Например, не умею воскрешать мертвых. Не могу пойти против законов природы: то есть летом вьюгу не вызову. Не верну молодость, не выращу выпавший зуб. Не передам вам свою магию.

— Сплошные «не», как видишь. — Ромашка обернулся ко мне. — Так что, Марьяна? Оставим чайничек на полянке? Посмотри, как тут хорошо: вода, прохлада. Хотя, я советовал бы зашвырнуть его в озеро, чтобы не всплыл и больше не морочил людям голову.

Я только тяжело вздохнула. Может, Ромашка и прав. Али казался подозрительным. Условия его служения — какими-то мутными. Но оставить его вот так? А если он и правда будет бродить по этой поляне годами? Нет, так нельзя.

— Поташим чайник дальше, — сказала я. — Али, а если я сейчас загадаю три самых элементарных желания и тебя отпущу?

— Такого мне тоже еще никто не предлагал, — изумился волшебник. — Увы, Марьяна, не более одного желания в день.

— Вот, еще одно ограничение, — встрял Ромашка. — Потом выяснится еще одно, пятое, десятое. И ты опомнишься, когда он сядет тебе на шею.

— Ромаш, угомонись, — попросила спутника. — Али, а ты возвращайся в кувшин. Я подумаю, что бы пожелать.

— Благодарю, о добрая госпожа.

Волшебник поклонился и исчез.

— Ну и? — уставился на меня Ромашка. — Ты всегда не слушаешь хороших советов?

— Чаще всего, — вздохнула я. — Иначе не шагала бы в столицу с подозрительным типом, а спокойно проходила практику в каком-нибудь небольшом городке.

— Но выбрала глухую деревню.

А Ромашу в уме не откажешь. Я только пожала плечами. Уж делиться фактами своей непростой биографии точно не собиралась. Он ведь не делится.

— Ладно. — Кажется, Ромашка смирился с присутствием чайника в нашей жизни. — Я посплю немного. Как поднимутся звезды, буди.

И даже есть не стал, а лег у импровизированного костерка. Я наскоро перекусила тем, что было в моей сумке, так как на нашей провизии дремал Ромашка, напилась из родника, наполнила флягу и покосилась на кувшин. Это, наверное, страшно — оказаться привязанным к вот такому предмету, лишиться собственной воли. Мне хотелось помочь Али, но, как и говорил Ромашка, мои решения частенько выходили боком. И я не была уверена, что на этот раз все обойдется.

Костерок медленно догорал. Я добавила в него веток и смотрела, как их лижут яркие язычки пламени. Всегда любила огонь, от его вида и на сердце становилось теплее. А когда взошли яркие звезды и небо стало напоминать большой, вышитый искусной рукодельницей платок, я разбудила Ромашку и легла. Слышала, как он возится у костерка, как ужинает, а затем мой спутник затих. Только треск пламени и крики ночных птиц. Как хорошо! Как спокойно.

С этой мыслью я и уснула.

ГЛАВА 6

— Давай установим некие правила совместной жизни, — слышала я сквозь сон. — Руки свои загребушие к Марьяне не тянешь. О запретах в выполнении желаний предупреждаешь. Без зова из кувшина не вылезаешь.

— А то что? — звонко поинтересовался Али.

— А то я носик запечатаю, в воду кувшин выкину, и никто тебя никогда не найдет. Так и будешь сидеть до скончания веков.

— Больно ты борзый, как я погляжу. — Али шипел, как змей.

— На себя посмотри, ущербный. Из нас двоих в кувшине именно ты. Поэтому советую по-хорошему: не лезь на рожон. Я человек добрый, но злопамятный.

— Я учту, цветик.

— Прибью заразу!

Послышалась возня. Я вскочила вовремя, чтобы эти двое не упали прямо на меня.

— Эй, вы что тут устроили? — налетела я на парней, пытаюсь оттащить Али от Ромашки. Дух? Да как бы не так! Готова поспорить, у него даже сердце билось. А еще он вцепился в Ромашку, как обезьянка, и я никак не могла его отцепить.

— А ну прекратили оба!

Моему терпению пришел конец. Я схватила кувшин и занесла над озером.

— Прощай, Али! — крикнула ему, и волшебник тут же отпустил Ромашку и кинулся ко мне. Думала, сейчас будет бить и отбирать кувшин, но Али упал на колени и бухнулся лбом мне в ноги:

— Прошу, добрая госпожа, не надо!

Швырять кувшин в озеро расхотелось. Да, я этого парня второй раз в жизни вижу, но жалко ведь. То, что Али испугался, было заметно даже без подобного коленопреклонения.

— Ладно, на первый раз прощаю. — Сразу давать задний ход тоже не годится. — Но будешь задевать Ромашку, выброшу!

Ромашка расправил плечи и даже стал казаться выше, хоть его и так природа ростом не обидела.

— А ты, Ромашка, тоже не трогай Али, — добавила, чтобы не зазнавался.

— А то выбросишь? — уточнил мой спутник с ухмылкой.

— Все может быть. Прикажу Али перенести тебя на необитаемый остров.

— Это противоречит законам природы.

— Но я могу, — встрял Али, все еще сидящий у моих ног.

— Рот закрой!

— Тише, — сказала обоим. — Солнце встает, нам пора двигаться дальше. Давайте позавтракаем, и в путь.

— Хорошо хоть твоему новому приобретению не нужна еда.

Вот жади́на! Я вздохнула и принялась «накрывать на стол». Достала сыр, мясо, хлеб. Мы с Ромашкой разделили еду по-братски, собрали вещи, а Али вернулся в свой кувшин, который все равно больше похож на чайник. Так мы и двинулись в путь.

Солнце палило нещадно. Я готова была натянуть на голову старую юбку, но не при парнях ведь. Ромашка, наоборот, довольно щурился и подставлял солнышку хитрую физиономию.

— Ромаш, а как можно заключить человека в кувшин? — задала наиболее интересующий меня вопрос.

— Да есть методы. — Он безразлично пожал плечами. — Ритуал, конечно, долгий, но, если человек сильно насолил, на что только не пойдешь, правда?

Я не знала. Мне пока никто так сильно не насолил, чтобы желала ему вечных мук. Нет, кандидаты, конечно, были, но им я желала максимум провалиться под землю. А сто лет в кувшине? Это слишком.

— А ты бы... Ты бы смог кого-то заточить в кувшин? — спросила у Ромашки.

— Да, — без колебаний ответил он, а у меня в груди завозился червячок сомнения.

— Ромаш, ты ведь с виду простой такой парень. Откуда столько знаний? Где ты учился?

— Жизнь научила. — Ромашка махнул рукой и ускорил шаг. Понятно, разговор окончен. Обидно, конечно. Все-таки уже который день вместе идем, а доверия не прибавилось ни на грамм. Хорошо хоть Али притих, иначе бы точно подрались.

К обеду впереди показалась очередная деревушка. Та самая, до которой мы могли бы добраться к полуночи, но остановились мы только для того, чтобы пополнить запас воды. Еды пока хватало, а от предложения узнать, нет ли здесь неуспокоенных старост, Ромашка отказался с таким видом, будто посылала его на казнь. Он был забавным, мой новый друг. Но еще больше — таинственным, и его тайны очень хотелось разгадать.

Уже к ночи впереди показалась березовая рощица.

— Заночуем здесь, — сказал Ромашка.

— Опять ночевка на природе, — вздохнула я. — Надеюсь, что после учебы они прекратятся.

— Как видишь, ты ошибалась, — ответил Ромаш, сворачивая к рощице и разыскивая место, которое не будет видно с дороги. Все шло так же, как и вчера: он разводил костер и обустраивал для нас ночлег, а я занялась нехитрым ужином.

— Может, позовем Али? — шепотом спросила у Ромашки. — Ему, наверное, скучно в кувшине.

— Пусть сидит, где сидит, — отрезал Ромаш. — Видеть его не желаю.

— Взаимно, — донеслось из кувшина.

— Подслушиваешь?

Ответом стала тишина. Понятно, Али обиделся.

— Если хочешь, присоединяйся к нам, — позвала волшебника.

— Спасибо, добрая госпожа. Мне и тут хорошо, — последовал ответ. — Если ты, конечно, не определилась с желанием.

— Али, а как у тебя с переносом людей на большие расстояния? — поинтересовалась я.

— Перенести — перенесу, но не факт, что живыми, — прогудел кувшин.

— Нет, этот вариант нам не подходит, придется топать до границы. А на границе сможешь сделать так, чтобы нас пропустили без лишних вопросов?

— Смогу, — пообещал волшебник.

— Хоть какая-то польза, — пробурчал Ромашка.

— Молчи, некромант-недоучка, — недовольно ответил Али.

— От такого же слышу.

— Мальчишки, не ссорьтесь! Али, а ты выбирайся из кувшина. Иначе такое ощущение, что мы разговариваем с воздухом.

Мрачный волшебник появился прямо перед носом Ромашки, и тот едва не поперхнулся.

— Вот идиотина! — взвыл некромант, швырнув в волшебника редисом, а попал в меня. — Ой, Марьяна, прости.

Значит, Али может становиться бесплотным по своему желанию. Как интересно! На языке крутилось столько вопросов, но пока рядом язвит Ромашка, их лучше не задавать. Пришлось замолчать и жевать. Вокруг стремительно темнело. Подул холодный ветерок, и я чихнула.

— Будьте здоровы, — раздалось из-за спины.

— Благодарю, — откликнулась я, а потом поняла, что и Али, и Ромашка-то передо мной. Резко обернулась — и отскочила, запрыгнув Ромашке на руки.

— Эй, ты чего? — спросил тот удивленно.

— Там... там... — ткнула я пальцем в полумрак.

— Что? Змея? Паук?

— Призрак!

Ромашка переменялся в лице, резко побелел и едва не сполз в спасительный обморок. Зато Али бодро вскочил на ноги и сунул нос в указанном направлении.

— Здорово, милоч, — раздалось оттуда.

— Здравствуйте, дедушка, — ответил волшебник. — Подходите ближе.

— Э нет. Пламя нас пугает, рядом с пламенем нашей братии делать нечего.

— Марьяна, это не призрак, — обернулся ко мне обитатель кувшина, — а хранитель березовой рощи.

— Слава свету, — прошептал за спиной Ромашка, что для некроманта было, в общем-то, странно.

— А призрак там, в тени, — «обрадовал» его Али. — Думаю, дедушка нас и потревожил из-за него.

— Так и есть. — Хранитель склонил косматую голову. — Видите ли, разбой у меня в роще случился. Путники шли, с десяток человек, что-то не поделили, одного ограбили и убили. Тут и прикопали, собственно. Он теперь ходит, стонет ночи напролет. А я что? Я силы упокоить его не имею. А как почуял, что темный среди вас есть, так и вышел. Уж не обессудьте, помогите. Совсем покоя нет, устал я. За это тоже вам пособлю.

— Мы попытаемся, дедушка, — пообещала я. — Правда, Ромашка? Ромашка?

Ромашку трясло. Он пытался что-то мне сказать, но не мог и только таращился невозможными глазами.

— Чего это с ним? — озадачился хранитель.

— А он призраков боится.

Похоже, именно для Али придумали кляп.

— Я сам могу ответить, — просипел Ромашка. — С радостью бы помог, но не умею.

— Так я расскажу как, — вмешался Али. — Я очень много полезного знаю и некромантам тоже служил. Для того чтобы упокоить мятежный дух, берем одного некроманта...

— Али! — шикнула я.

— Понял, госпожа. Ваш смиренный раб закрывает свой рот.

И Али испарился, а хранитель растерянно моргнул.

— Куда это он? — спросил тихонько.

— В чайник, — зло ответил Ромашка.

— В кувшин, — донеслось гулкое.

— Ух ты! — Дедок склонился над кувшином. — Редкая вещица, давно к нам такие не завозили. Бедняга. И за что тебя так?

— За дело, — раньше, чем Али, ответил Ромашка. — Просто так к кувшинам не привязывают. Тем более к таким страшным и похожим на чайники. Ладно, дед, показывай, где зарыли убитого.

— Тут недалече. — Хранитель махнул рукой и засеменял меж берез. Мы прошли шагов пятнадцать, прежде чем увидели еще одну небольшую полянку и почти незаметный холмик у одной из березок. Кувшин я на всякий случай захватила с собой.

— Туточки он лежит, — вздохнул дедок. — Эй, мил-человек, покажись!

Сначала раздался стон, затем всхлип, и только потом перед нами появился призрак. Молодой еще

мальчишка в богатой одежде. Видно, на деньги позарились. А вот почему путешествовал один, хороший вопрос.

— Здравствуйте, — кивнула я парню. — Меня Марьяна зовут. Мы пришли, чтобы помочь вам... упокоиться.

Даже звучало дико.

— А меня зовут Сислав, — ответил юноша. — Помогите, пожалуйста.

— Ромаш? — обернулась к спутнику. Тот кусал белые губы и старался не сбежать.

— Из-за чего ты задержался? — хрипло спросил он.

— Девушка у меня. Любимая. — Сислав заметно смутился. — Колечко ей вез, не отдал. Все грабители забрали, а колечко выпало. Тут оно лежит, под березой. Отдайте, если сможете, Дивине. Она живет в Арбене, тут недалеко.

— Городок такой, Арбен, — пояснил Ромашка. — Небольшой крюк придется сделать. Хорошо, мы возьмем твое колечко. Где оно?

Парень указал на землю, я наклонилась, немного разгребла пыль и достала тонкий золотой ободок.

— Как найти твою Дивину? — спросил Ромаш.

— Ее отец — торговец тканями, его весь город знает, — печально ответил призрак. — Передайте, что я любил ее и желаю счастья. И чтобы она меня не ждала.

Призрак горестно вздохнул-всхлипнул. Хранитель успокаивающе похлопал его по плечу — у него это, как ни странно, получилось.

— Что ж, мы постараемся помочь вашей беде, — пообещала я разом хранителю и призраку. — А теперь мы немного отдохнем, если не возражаете.

На свою поляну вернулись вдвоем. Втроем, считая кувшин. Ромашка сел у огня почти спиной ко мне, взял большую палку и принялся ворошить костер.

— Жаль дурака, — сказал он мне тихо. — Поплатился ни за что.

— Вот что бывает, если путешествовать с плохо знакомыми людьми, — добавил из кувшина Али.

— Помолчи, — попросила я его, а сама пересела к Ромашке. — Да, жаль, но единственное, чем мы можем ему помочь, — отдать колечко Дивине.

— Отдадим.

Я кивнула, подумала — и опустила голову ему на плечо. Так мы и сидели, глядя, как догорает огонь. У меня было столько вопросов! Но ни один я не задала. Не время. И наступит ли оно, это время, я не знала.

ГЛАВА 7

Путь до Арбена оказался неблизким. Небольшой крюк? Как бы не так. Очень даже большой. Когда мы добрались до этого городка, я не чувствовала ног и готова была уснуть стоя. Тем более уже была кромешная ночь. Ромашка шагал куда бодрее. Я попросила его хотя бы понести чайник, но он отказался. Сказал: я его купила, мои желания исполнятся — мне и тащить. Стало обидно, и больше ни о чем не просила. Даже обедали и ужинали мы в полном молчании, а около десяти вечера все-таки добрались до Арбена. Это был маленький грязный городишко. Посреди улиц стояли коробки, ящики, всякая никому не нужная дребедень. Пару раз я едва не упала, пока впереди не замаячила вывеска небольшого гостевого домика. Ромашка постучал, и на стук выглянула верткая худощавая женщина, оценила наш внешний вид и попыталась закрыть дверь.

— Уважаемая, — позвала ее я, а Ромашка подставил сапог, чтобы дверь не закрылась. — Мы проделали долгий путь. Не будете ли вы так любезны сдать нам комнату?

— Свободных комнат нет, — буркнула та.

— Точно? — миролюбиво спросил Ромашка.

— Точнее некуда, милок. Ступайте себе.

Он убрал ногу, и дверь закрылась. Да уж, верх гостеприимства. Мы пошли дальше, но на двух других постоянных дворах даже никто не откликнулся. Тогда начали стучать в окна домов. Было видно, как зажигаются свечи, вспыхивают светильники, но нам все равно никто не открывал.

— Придется спать на улице, — угрюмо сказал Ромашка, а я постучала еще в один домик.

— Чего вам? — выглянул пожилой мужчина с густыми седыми бровями и бородой.

— Господин, пустите переночевать, — взмолилась я. — Никто не открывает.

— Еще бы. — Тот усмехнулся в бороду. — А чем докажете, что не одержимые?

Мы с Ромашкой переглянулись. Одержимые? Это еще что значит?

— Нормальные мы, — ответил мой суровый спутник. — Как хочешь проверяй.

— А вот и проверю, — «утешил» дедушка, окно распахнулось, и на нас хлынула вода.

Сдавленно ойкнул Али в кувшине, а мы с Ромашкой дружно выругались. Видимо, дедуля был служителем при местном храме и принес заговоренную воду.

— И правда нормальные, — радостно заключил он. — Входите, обсохните. И не серчайте на старика, дурные пошли времена. Кто ни попадя шастает.

Мы вошли в тесный домишко из двух комнат. Здесь было уютно, чисто и тихо. Я сразу зевнула.

— Давайте я вам постелю, — засуетился хозяин. — Девонька ваша совсем с ног валится.

А я только и мечтала о том, чтобы уснуть, и, когда добрый хозяин приготовил для меня постель, тут же легла, сняв только накидку и обувь. Уже дремала, когда расслышала голоса Ромашки и хозяина:

— А что тут у вас происходит, мил-человек? — поинтересовался Ромашка.

— Вы о чем? — хитро спросил хозяин.

— О гостевых, куда не принимают гостей. О жителях, которые не отвечают на стук в окна. Что случилось?

— Беда у нас, — вздохнул дед. — Ждем колдунов из столицы. Да только когда они приедут-то? Путь неблизкий, а проблема велика. Уж не знаю кто, но, видимо, проклял наш городок. Кто ночью на улице оказывается, в того бесы вселяются.

— Прямо-таки бесы? — Я даже глаза открыла.

— Да, милая, — ответил старик.

Впрочем, к «бесам» в Альбертине относили всех кого не лень. Любых темных тварей. Поэтому вполне возможно, что и жители этого негостеприимного городка причесали всех под одну гребенку.

— И что же они делают? Одержимые? — уточнил Ромашка.

— Нападают на жителей, рвут на себе одежду, чуть ли не кожу сдирают. Уф, жуть! А самое жуткое — ты можешь не понимать, что человек рядом с тобой одержим. До того самого момента, пока он на тебя не накинется.

Я закусила губу. Стало страшно, если честно. В светлой школе нам рассказывали об одержимости разных видов, но никогда не думала, что это на самом деле так ужасно.

— Когда это началось? — спросил Ромашка.

— Месяц назад. Не спрашивайте, с чего именно, — не знаю. Но в ту ночь три уважаемых жителя нашего города ночью напали на прохожих, а на рассвете покончили с собой.

— Невероятно, — прошептала я.

— Спи, — шикнул на меня Ромашка.

Я послушно закрыла глаза. Ромашка продолжал расспрашивать старика: сколько именно человек за это время стали одержимыми, где они жили, на кого напали. А я почувствовала, что от усталости больше ничего не могу воспринимать, и уснула. А когда проснулась, за окнами светало, а лежанка, отведенная Ромашке, была пуста.

— Али! — громко позвала я волшебника.

— Ну чего тебе? — Тот появился передо мной, сладко зевая, будто мог спать.

— Когда ушел Ромаш?

— Ромашка? Еще ночью. Побеседовал с дедулей, подождал, пока тот уснет, и ушел. А ты почему так переполошилась?

— Потому, что уже светает, а его нет. А вдруг на него напали одержимые? Или он сам стал одержимым? Надо немедленно его найти!

— Никого искать не надо.

Дверь скрипнула, и Ромаш вошел в комнату. Он выглядел таким сосредоточенным, что стало не по себе.

— Все в порядке? — без особой надежды спросила я.

— Нет. В городе действительно творится что-то жуткое, и я боюсь, мага из столицы они не дождутся.

— Что ты имеешь в виду?

— Здесь повсюду пахнет смертью, — поморщился Ромашка. — Будто одно большое кладбище. Понимаешь?

— А самое забавное, что в компании некроманта ты постоянно натыкаешься на неупокоенных духов и прочие прелести, — добавил Али.

— Сгинь, — миролюбиво попросил Ромашка.

— Сейчас ты у меня сгинешь, — так же мирно пообещал Али.

— Или оба, — добавила я. — Али, пожалуйста, вернись в кувшин.

— И не подумаю.

— Али!

Волшебник исчез, и мы с Ромашкой снова остались вдвоем.

— Спасибо, — усмехнулся он. — Так вот, я попытался найти источник происходящего. Думал, могилка на погосте. Как бы не так! Это дом. Старый заброшенный дом. И оттуда расползается чернота. Я думаю, там поселилась некая сущность, которая питается жителями города. Еще занятная новость: все одержимые — мужчины. Видимо, местные не обратили внимания на такой немаловажный факт.

— Суккуб? — насторожилась я.

— Суккуб не делает человека одержимым. Склоняюсь к тому, что наш хозяин прав: это бес, по своей природе чем-то схожий с суккубом. Скорее всего, кто-то в городе баловался запрещенными

искусствами. Удивительно, что выпускница светлой школы обладает такими познаниями в темной магии.

И Ромашка усмехнулся, а мне захотелось вцепиться ему в лицо.

— Не ожидала, что бродячий наемник отличает суккуба от инкуба, — ответила я. — Но раз эта тварь выбирается ночью, может, мы сможем изучить ее логово днем?

— Предлагаю сжечь дом, — раздался голос Али.

— Сначала надо понять, правы мы или нет, — рыкнул Ромашка в сторону кувшина. — А то еще освободим его. Вдруг там привязка?

— Давайте начнем с Дивины, — вздохнула я. — А потом уже решим, стоит ли вообще ввязываться в историю с бесом.

Хотя я сама прекрасно понимала, что мы уже ввязались. Ведь не сможем взять и уехать. Да, бес — это не наша головная боль, но жители погибают. Сколько человек умерло за эти дни? Страшно сосчитать. И если мы можем помочь хоть чем-нибудь, надо попытаться это сделать.

— Я узнал адрес этой Дивины, — порадовал Ромашка. — Ее отца действительно все знают, так что в путь.

Я потянулась к кувшину, но под грозным взглядом Ромашки оставила его на месте.

— Бор, хозяин дома, разрешил нам еще одну ночь переночевать тут, — добавил мой строгий спутник, — так что можешь оставить вещи без страха. Позавтракаем в городе. Я проверил, тут твоих портретов на столбах нет.

— Так, может, дальше поедem на дилижансе? — обрадовалась я.

— Нет тут — это не значит, что нет у граничников.

Да, рано обрадовалась. Вздохнула, склонила голову и пошла за неумолимым Ромашкой.

Уж не знаю, как Ромашка ориентировался в переплетении улочек, но оставалось только уверенно идти за ним. Что я, собственно говоря, и делала. Представляла себе реакцию Дивины — и становилось горько на душе. Она ведь ждет жениха, а он не придет никогда. Захотелось плакать.

— Эй, ты что нос повесила? — подозрительно заинтересовался Ромашка. — Хочешь, я к Дивине сам пойду.

— Нет, вместе, значит, вместе, — ответила ему. — Только жениха ее жалко.

— И мне жалко, — ответил некромант. — Но ничего не поделаешь. Никто не сделает мертвого живым — ни я, ни даже наш Али.

Я все-таки хлюпнула носом, перехватила руку Ромашки, и мы зашагали дальше.

— Нам сюда.

Минут через десять Ромаш указал на яркую вывеску магазина тканей. Я покусала губы, собираясь с мыслями, и мы вошли в лавку. За прилавком стоял настоящий богатырь: широченные плечи, сильные руки, черные усы. Это наверняка отец Дивины.

— Добрый день, хозяин, — поклонился Ромашка.

— Добрый день, господа, — поклонился тот в ответ. — Только рано хозяином величаете, сын я его. Вам батю позвать?

— Нет, мы, вообще-то, к вашей сестре, Дивине.

— Дивка! — крикнул богатырь. — Ступай сюда, гости к тебе.

Невысокая ладная девушка слетела по ступенькам и с удивлением уставилась на нас. Она была до того красивая, что даже стало немного завидно — чисто по-женски. Увы, сегодня мы принесли ей печальные вести.

— Здравствуйте, — звонко сказала она. — Это я Дивина.

— Мы к вам по поручению Сислава, — ответил Ромашка, а я протянула колечко на ладони.

— Сислав? А где он сам? — Девушка занервничала, а я не знала, как по деликатнее объяснить...

— Убит он, — сказал Ромаш. — Просил передать вам это кольцо, которое так и не довез.

— Подождите. — С лица Дивины будто схлынули краски. — Как это «убит»? И если убит, то как просил...

— Я некромант, — не стал скрывать мой спутник. — И видел его призрак там, где его похоронили. Люди, с которыми он ехал, позарились на его деньги. Вот колечко только не заметили на земле.

Дивина глухо всхлипнула и осела на ступеньки, а я присела рядом с ней и протянула кольцо. Она сжала его в ладони и горько разрыдалась.

— Спасибо, — пробормотала сквозь слезы. — Спасибо.

— Где ж это случилось-то? — глухо спросил брат Дивины.

— Неподалеку от деревни Старые Пни есть березовая рощица. В ней и закопали, — тихо ответил Ромаш.

— Жаль парня, хороший был, деловитый.

А я пыталась как-то утешить Дивину, хоть и понимала, что ее горя не избыть. Гладила по руке, в которой та сжимала колечко.

— Мы пойдем, — сказал Ромаш. — Держитесь. Со смертью ничего не заканчивается.

И протянул мне руку, помогая подняться. Я вцепилась в него, как в единственную возможную опору, крепко сжала ладонь, и мы направились к двери.

— Подождите, — окликнула нас Дивина. — Я не знаю, как вас благодарить.

— Не надо благодарности, — ответил Ромаш. — Прощайте.

Снаружи воздух казался раскаленным. Наверняка из-за того, что меня захлестывали эмоции. Хотелось плакать, но я понимала, что здесь и сейчас не стоит этого делать. У нас с Ромашкой была еще одна цель. Мертвым мы помогли, теперь бы помочь живым.

— Идем к заброшенному дому? — спросила своего сурового спутника.

— Да, пожалуй, — откликнулся он. Стало заметно, что и некроманту разговор с Дивиной дался очень нелегко. Он хмурился, покусывал губу и думал о чем-то своем.

— Это далеко?

— На другом конце города, так что давай сначала перекусим.

Есть не хотелось, но спорить я не стала. Вместо этого позволила Ромашке увлечь себя в ближайшую харчевню. Мы не заказывали много — просто какую-то еду, чтобы в желудке не было пусто. Ели быстро и молча.

Позднее я даже не могла вспомнить, что именно мы заказывали. Уже допивала травяной чай, когда подняла голову и увидела человека, которого в этом городе точно не должно быть.

— Ромаш, надо уходить, — шепнула своему спутнику.

— Почему? — Тот поднял голову.

— Страж. Златовласка. Он здесь!

ГЛАВА 8

Ромашка сразу понял, что я имею в виду. Медленно поднялся из-за стола, и я так же медленно встала следом за ним, а сама разглядывала мужчину, который стоял ко мне вполоборота. Сложно было его не узнать. Особенно золотистую копну волос ниже пояса, перехваченную какой-то бечевой. Волосы лезли стражу в глаза. Он злобно убрал их с лица и... обернулся. Прямо ко мне. Его рот открылся, будто он хотел меня проглотить, а глаза грозились вывалиться из орбит.

— Ты! — издал он непередаваемый вопль, а Ромашка схватил меня за руку и потащил прочь. — Стой, ведьма.

— Ведунья, — по привычке поправила я, пробегая мимо, а страж кинулся следом.

Но, увы, волосы помешали — они были гораздо длиннее, чем мне показалось. Бечева лопнула, и золотистые пряди рассыпались, закрывая обзор. Красота-то какая! Мне бы подобную копну. Но у меня был принцип: никогда не использовать на себе свои же зелья. Поэтому увы!

За спиной послышался грохот. Кажется, страж упал, а мы с Ромашкой свернули за угол, запетляли, как зайцы, и выскочили на оживленную улицу.

— Спокойно! — скомандовал Ромаш, и я послушалась. Мы степенно пошли рядом. Где-то слышались крики. Видно, бедный Итен пытался разыскать свою потерю. Но даже если бы он меня догнал, чем я могу ему помочь? Обратное зелье я еще не изобрела.

— Ведьма! — Летел над толпой его крик. — Вернись, не обижу!

— Ага, так я тебе и поверила, — пробормотала под нос и крепче перехватила локоть Ромашки.

— А ты сильна, — с уважением пробормотал тот. — Вот это копна! С тобой опасно враждовать, ведьмочка. Извини, ведунья.

Я только фыркнула и тихо спросила:

— Как думаешь, Златовласка будет ждать меня на границе?

— Однозначно, — кивнул он. — Итен не идиот, правильно предположил, что ты будешь двигаться к границе. Вот и поджидал тебя здесь. Правда, немного ошибся, мы не собирались заходить в городок. Но, видимо, его ведет судьба.

— Не верю в судьбу, — добавила я.

— А я верю. Идем, мы почти на месте.

И ускорил шаг. Почти, да? Мы добрались до дома только четверть часа спустя, и я бы не сказала, что это окраина. Да, не центр, но все же!

— Вот он.

Я уже поняла и сама. На первый взгляд, дом был обычным. Двухэтажный, построенный из светлого камня, с большими окнами, но от него вся моя ведовская сущность сжималась в комок.

— Я не хочу туда входить, — сказала Ромашке.

— А меня, наоборот, туда тянет. Вот только, боюсь, при свете дня мы ничего там не найдем, а логово беса точно защищено, и я бы не советовал тревожить его покой. Однако давай попытаемся.

Мы подошли к дому, осмотрелись по сторонам. Странно... Посреди белого дня улочка оказалась совершенно пустынной. Я подергала дверь, затем постучала. Готова поклясться, дверь была не заперта. При этом я не могла ее открыть. Ромашка отошел подальше, поднял увесистый камень и зашвырнул в окно. Раздался звон битого стекла. И я не поверила своим глазам, когда поняла, что окно осталось целым.

— Видишь? — Ромаш вернулся ко мне.

— Вижу. Вот только почему так происходит?

— Потому что на доме защита. Ночью ее не было видно, а вот сейчас очень даже. Так что днем мы ничего нашему врагу не сделаем, придется возвращаться, когда стемнеет.

— Как-то не хочется, — вздохнула я.

— А придется.

— Точно.

Пришлось возвращаться к дедушке Бору. А в комнате уже ждал Али, который хотел подробностей.

— Ну что? — Волшебник налетел на меня, стоило переступить порог.

— Эй, ты чего разгуливаешь? — Ромашка встрял между нами. — Хочешь, чтобы хозяин увидел и начались вопросы: кто такой, почему одет не по-нашему? Да и физиономия у тебя, друг, не внушает доверия.

— А у тебя прямо внушает! — возмутился Али.

— Мальчики, успокойтесь, — перехватила я обоих. — У нас есть куда более серьезная проблема. Это бес.

— Для меня это не проблема. — Али пожал плечами. — Вон пусть Ромашка боится. А то соблазнит тебя сущность, будешь слюнки пускать!

— Идиот, — вздохнул Ромашка.

— Сам такой. Так что там с бесом?

— Мы нашли ее логово. Но при свете дня нам туда не попасть, только ночью.

— И дом придется жечь, — добавил Ромаш.

— Дом могу сжечь я, если пожелаете, — предложил Али. — И одно желание будет исполнено. Я бы сжег и просто так, но, увы, кувшин не позволит.

— Да уж, чайничек оказался могущественнее тебя, — хмыкнул некромант, падая на лежанку.

Али дернулся в его сторону, но сам остановился. И правильно, зачем спорить с дураками? Меня больше беспокоило, что Златовласка, как я мысленно давно переименовала стража, в городе. Не нравилось мне это! Ой как не нравилось. Он меня видел и узнал. Теперь уверен, что я где-то рядом. Плохи мои дела.

— Почему-то ты загрустила, — заметил Али. — Случилось что?

— Это из-за Дивины и колечка, — солгала я. Али начал расспрашивать, я рассказывала, а Ромашка зыркал на нас так недовольно, будто мы ему насыпали соли на голову. Затем пришел дедушка Бор, накрыл на стол. Мы пообедали и решили, что, раз ночью спать не придется, отдохнем сейчас.

Ромашка уснул сразу же — он и так всю ночь рыскал по городу. Что, кстати, было опасно и безрассудно. Я повертелась, укладываясь удобнее, но задремала не скоро. А вечером проснулась первой, разбудила Ромашку. Мы спешно перекусили, я проверила, какие зелья могут нам пригодиться, и захватила кувшин с Али. Помощь лишней не бывает.

— Темнеет. Нам пора, — тихо сказал Ромашка, глядя в окно.

— Да, пора, — откликнулась я.

Мы вышли на улицу, когда все жители городка, наоборот, запирались в своих домах, чтобы оградить себя от жуткого влияния беса. Кстати, а почему стены их спасали? Как получалось, что зов сущности туда не проникал? Увы, я мало разбиралась в этом вопросе. В светлой школе нам, конечно, рассказывали о темных сущностях, но что-то не припомню, чтобы говорили конкретно о суккубах. Или кто там нас ждал?

— Держись за моей спиной, — «инструктировал» Ромашка.

— Разберусь и без тебя.

— Да, конечно! Можно подумать, ты каждый день с бесами сталкиваешься.

— А ты каждый день?

Ромашка только фыркнул в ответ, а я поправила ремешок кувшина.

— Али, ты там в порядке? — спросила волшебника.

— В полном, — отозвался тот из кувшина. — Но лучше бесу меня не видеть.

В этом я с ним согласна. Никогда не помешает иметь козырь в рукаве, и Али был нашим козырем. А мы шли по ночному городу к логову беса, и сердце билось все быстрее. Мне казалось, еще немного

и откуда-то выпрыгнет жуткое чудовище. А еще я косилась на Ромашку. Все погибшие были мужчинами, а как защитить его от возможной одержимости, я не знала.

— Ромаш, может, вернешься домой? — спросила тихо. — Мы с Али справимся и вдвоем.

— Знаю я, как вы справитесь, — угрюмо ответил Ромашка. — Не волнуйся, Марьяна. Некромант им не по зубам.

Я вздохнула и кивнула. Чем спорить с Ромашкой, проще с ним согласиться. А впереди уже показался нужный дом. Его двери были гостеприимно открыты, со всех сторон лилась музыка.

— Давайте я попробую поговорить с бесом, — предложила парням. — Как женщина с женщиной. А если у меня ничего не выйдет, вы вмешаетесь.

— Еще чего, — вызверился Ромашка.

— Бес — существо бесполое, милая Марьяна, — подал голос Али. — Поэтому мы идем с тобой. Я так точно.

— Глупо соваться туда всем вместе. Дайте мне несколько минут разведать ситуацию.

— Нет!

В сложную минуту мальчики проявили завидное единодушие.

— Хорошо, идем.

И я вырвалась вперед, вот только дойти до двери не успела.

— А, вот ты где, чертовка!

На меня будто налетел вихрь. У вихря оказались знакомые голубые глаза и пышные светлые локоны почти до земли. Я взвизгнула и бросилась бежать — прямо в дом суккуба. Страж, грозя всеми карами мира, кинулся за мной.

— Стой, окаянная! — вопил он. — Стой, зараза!

— От заразы слышу! — крикнула я в ответ и влетела в логово. У-у-у, страшно! Из-за стража, не из-за беса. И вдруг поняла, что Итен больше не кричит за спиной. Обернулась: он замер со стеклянным взглядом, постоял немного и пошел к лестнице. Попал мужик...

— О, так у меня гости, — раздался сладкий голос, и я услышала шаги на лестнице. Легкие, будто танцующие. А затем в комнату выплыла женщина, увидев которую, первые красавицы светлой школы удавились бы от зависти. У нее были густые темные волосы, которые змеились по плечам и спине, идеальное лицо, огромные темные глаза, алые зовущие губы. Стоп!

Я осенила себя защитным знаком, а сущность рассмеялась.

— Ты вне опасности, крошка, — сказала она мягко. — Мне нужен он!

И указала на стража. Тот с лицом идиота медленно пошел наверх, к бесу. Я обернулась — Ромашка маячил в дверях. Махнула ему рукой, чтобы уходил, но не тут-то было!

Ромаш ворвался в дом, в три шага преодолел лестницу и... замер с таким же отрешенным лицом, как и страж. Мальчишки...

— Послушай, давай поговорим, — обратилась я к бесу. — Понимаю, мальчики симпатичные попались, но есть одна проблема: это мои мальчики.

Та удивленно моргнула.

— Оба? — уточнила со сладкой улыбкой.

— Оба, — кивнула я.

— Докажи!

— Ромашка пообещал довести меня до столицы, он мой брат по оружию, если можно так сказать. А на страже мое заклинание, проверь.

Зелье-то заговоренное было... Бесовка задумалась.

— Хм, и правда, на обоих твоя сила, — сказала она протяжно. — Что ж, рада за тебя, но мальчиков

не верну, я голодна.

— Ага, я тоже, — пробормотала в ответ. — Давно темных тварей не побеждала. Али!

Волшебник появился из кувшина в мгновение ока.

— Победи ее, — приказала я. — Мое первое желание.

— Выводи из дома парней, — кивнул Али и мягко, по-кошачьи двинулся к бесовке. Та прищурилась, видимо стараясь его поработить, вот только не вышло: Али не был сейчас человеком в полном смысле слова. А я побежала вверх по ступенькам, перехватила Ромашку, Итена и потащила к выходу, приговаривая на ходу:

— Идемте, мои хорошие. Идемте, родные.

Итен споткнулся, наступив на волосы, и растянулся на полу. Я быстро помогла ему подняться, а Ромашка уже двинулся обратно к бесовке.

— Стоять! — перехватила его и вытолкала обоих за дверь. Те взвыли и рванули назад, но я заперла дверь и прижала ее спиной. Ой, сейчас меня убивать будут! Вот только внутри истошно закричала бесовка. Крик оборвался на высокой ноте, и послышался треск пламени. Я отпрянула, снова увлекая за собой мальчишек, а Али появился рядом со мной. Он поднял руки и начал читать заклинание. Вся его фигура будто подернулась сероватой дымкой, а затем дом вспыхнул. Пламя было такой силы, что загорелись окрестные деревья.

— Да он же все сожжет! — выкрикнул Ромашка. — Город сгорит.

— Али, мое второе желание: погаси огонь.

— Одно желание в день, Марьяна, — печально напомнил тот.

— Пожар! — закричала я и кинулась к ближайшим домам, забарабанила в двери. — Пожар! Помогите! Горим!

Люди выскакивали на улицу: с ведрами, с кадками. А я схватила за руку Ромашку и побежала прочь. Бежала долго, запыхалась, привалилась спиной к стене и сползла вниз.

— Марьян, ты как? — склонился надо мной Ромашка.

— Да, ты как, Марьян? — послышался из-за его спины голос, который ну совсем не хотелось слышать!

— Отлично, — заверила и стража, и Ромашку.

— Все, ведьма, не уйдешь! — миролюбиво пообещал Итен, а Ромашка развернулся и ударил его кулаком в нос.

Ой, мамочки! Страж от неожиданности охнул и сел на землю, а Ромаш перебросил меня через плечо и под мой громкий визг помчался вдоль улицы. У меня даже не было возможности посмотреть, бежит ли за нами Итен, потому что я висела вниз головой. Визжать, правда, перестала — горло засадило. А когда Ромашка поставил меня на землю, от души попыталась зарядить ему пощечину, но он, смеясь, перехватил мою руку и сказал, весело сверкая глазами:

— Пожалуйста, Марьяна.

— Что? — уставилась я на него.

— Пожалуйста, что спас от стража. На твое «спасибо».

— А тебе — пожалуйста, что мы с Али защитили тебя от бесовки, — насупилась я.

— Спасибо. Тебе. А Али лишь тебе подчинился.

— Вот гад! — Волшебник возник рядом. — Если бы не Марьяна, не стал бы тебя спасать.

— И ладно, — фыркнул Ромашка, а я поняла, что мы стоим у дверей деда Бора. — Горожане, как я понимаю, спасены от сущности. Надеюсь, с огнем тоже справятся, потому что некроманты не умеют работать со стихиями. А нам предлагаю отдохнуть. Через несколько часов выдвигаемся в путь.

— Златовласка будет искать меня, — вздохнула я. — Идти надо сейчас.

— Хорошо. — Ромашка пожал плечами.

Мы зашли за нашими вещами. Дед Бор спал, оглашая домик богатырским храпом. Я оставила на столе три медяшки, как благодарность за гостеприимство, и мы снова двинулись в путь к границе.

ГЛАВА 9

— А если догонит? — спросила я Ромашку, когда мы уже бодро шагали по проселочной дороге.

— Догонит — пожалеет, — угрюмо ответил тот.

— И то верно. Нас же трое, а он один. Но ты посмотри, какой настырный! Видите ли, копна волос его не устроила. Да кто другой рад был бы.

— Жестокая ты, — хмыкнул Ромашка.

— А то! Ты даже не представляешь себе насколько.

На самом деле я и мухи не обижу, но Ромашке об этом знать необязательно. Хотя он и так уже все понял. В этом сомневаться не приходилось. Сам он после знакомства с бесовкой выглядел удивительно задумчивым. Я привыкла видеть моего спутника другим, и сейчас немного волновалась. Но прямо спрашивать, все ли с ним в порядке, не стала. Захочет — расскажет сам. А о чем думал Ромашка, я даже не догадывалась.

Мы шагали весь день. До границы оставался всего один привал, и уже в полдень мы должны были пересечь черту, разделявшую княжества. Я надеялась только, что мы наконец-то сядем в дилижанс и дальше поедem с комфортом, а пока можно и потерпеть, и поспать под открытым небом.

Ромашка разжег костер, а я упала на зеленую траву, глядя на первые звезды, зажегшиеся на небе. В детстве мне казалось, что звезда Лебедя светит прямо над моим домом, и сейчас провела пальцами, будто стараясь дотронуться до нее.

— Голодная? — спросил Ромаш.

— Не особо, — ответила я, оборачиваясь к нему. — Ромашка, а откуда ты так много знаешь о всяких сущностях?

Некромант чуть отвернулся, будто раздумывая, а стоит ли отвечать, но затем все-таки сказал:

— Меня учил отец. Он великий волшебник, и ему казалось, что я обязательно должен стать таким же.

— А ты? — Я спросила тихо-тихо, опасаясь разорвать тонкую нить доверия, протянувшуюся между нами.

— А я был обычным, — невесело улыбнулся Ромашка. — Самым обычным ребенком, который не хотел изучать магическую науку. Мне нравилось баловаться, шалить, бегать по дорожкам наперегонки с другими мальчишками. Понимаешь?

— Да.

Я действительно понимала. Мои родители также хотели, чтобы у них была идеальная дочь. Наряжали меня в самые красивые платья, служанки заплетали ленты в волосы. Меня учили танцам, музыке, этикету, а я желала обучаться магии. Но разве мои родители хотели слышать об этом? Нет. Девочка должна вырасти примерной женой и матерью. И на мои желания всем и всегда было плевать.

— Твой папа... Он сейчас жив? — спросила я осторожно.

— О да! — Ромашка неловко взмахнул руками и едва не подпалил рукав куртки. — Этот урод и нас переживет, можешь поверить. Он сейчас служит при княжеском дворе. По крайней мере, служил, когда я слышал о нем в последний раз. Видел его во время княжеского шествия. Он стал еще более гордым. Того и гляди, заденет носом небо.

— Ты из-за него ушел из дома? — спросила я.

— И да, и нет. Не из-за него, а из-за... скажем так, его методов.

И снова замолчал, а я ждала продолжения.

— Что, порол небось? — раздалось из кувшина.

— Али! — Я вцепилась в волосы, а Ромашка перехватил кувшин и раза три ощутимо встряхнул.

— Ты что, ополоумел? — Возмущенный волшебник появился перед Ромашкой. — Зачем так трясти? Между прочим, я спас вчера твою шкуру. Это такая благодарность?

— Катись ты в пропасть, — искренне пожелал Ромашка и швырнул кувшин. Тот со звоном ударился о камни.

— Зараза!

— Мальчики, да хватит вам, — встряла я между ними. — Посмотрите, какое красивое сегодня небо. Так низко-низко. Просто удивительно, да?

— Нет, — в один голос ответили мальчики и разошлись по разным сторонам поляны.

Вот бесчувственные чурбаны! А я снова легла и уставилась ввысь. Интересно, как там мои родители? В том, что ищут меня, даже не сомневалась. И нет, они меня не пороли, как высказался Али, пусть и по отношению к Ромашке. Наоборот, слишком опекали, не давали расти, развиваться, а потом представили будущему мужу... И я сбежала, чтобы больше никогда не вернуться в родительский дом. Эх, тоска. Иногда я по ним скучала, но никогда не сомневалась в правильности сделанного выбора. Иначе я бы не была собой.

— Давай ужинать — и спать, — первым заговорил Ромашка, но хмуриться не перестал.

Конечно, куда же Ромашка — и без ужина? Мы съели по ломтю хлеба с сыром, запили прохладной водой и улеглись у костра. На этот раз я дежурила первой и радовалась этому, потому что, пока я не сплю, мальчишки не передерутся. Ромаш почти сразу засопел, а я позвала Али, раз уж у нас вечер откровений. Тот появился нехотя, сел напротив и уставился на меня.

— Что, решила, я тоже стану делиться своим прошлым? А вот не стану! — нагло заявил он.

Я пожала плечами. Это дело личное.

— Нет, я от тебя этого и не жду, — озадачила невозмутимого волшебника. — Подежурь, пока я посплю, и часа в три разбуди Ромашку. Тебе ведь спать не надо.

— А откуда я буду знать, что уже три часа? — прищурился Али.

— Ты волшебник, тебе знать положено, — зевнула я и закрыла глаза, а проснулась оттого, что Ромашка тряс меня за плечо.

— Пора, — сказал он. — Граница ждет.

Стало не по себе. Предстоял самый опасный момент нашего пути за эти дни. Конечно, встреча с бесовкой не в счет, но все же! Надо как-то пересечь границу. А как, если ее тщательно охраняют, и Златовласка уж точно предупредил, чтобы их задержали? А в его способностях я не сомневалась. И в желании поймать меня — тоже.

— Переходить будем в стороне от поста стражи, — говорил Ромаш. — Постараемся пройти туда вдоль реки.

— Какой реки? — спросила я.

— Самой обыкновенной, — усмехнулся Ромашка. — Тебе понравится.

Речка и правда была прекрасна. Вместо того чтобы вернуться на дорогу, мы зашагали в сторону от опушки леса, в котором ночевали, и вскоре действительно услышали шум воды. Речка оказалась неширокой, но буйной и быстрой. Она весело несла свои воды, звенящие, словно ручейки. В воде играло солнце, и на сердце становилось радостнее.

— Красиво, правда? — Ромашка замер рядом со мной.

— Красиво, — кивнула я. — Очень.

— Только купаться не советую. Во-первых, течение очень быстрое. А во-вторых, поговаривают, что здесь водятся речные девы.

Речные девы? Я всегда считала их выдумкой. По сути, это духи реки, которые наказывали тех, кто решил искупаться в их водах и «загрязнить» реку. Но раз Ромашка говорит, что они есть, то нет повода ему не верить.

— Купаться не будем, — уверила спутника и поправила ремешок кувшина. — Долго идти до границы?

— Еще часа два. И переходить все равно будем по воде, так что осторожность не помешает.

Переходить по воде? Как он это себе представляет? А главное, откуда знает? Есть ли места в

Альбертине, где не ступала Ромашкина нога? Но я не стала спрашивать. Судя по сосредоточенному выражению лица моего спутника, запас откровенности он исчерпал еще накануне.

— Держись рядом, не отставай, — приказал он и зашагал вперед.

— Какой грозный, — раздался насмешливый голос, и рядом со мной появился Али. — Обопрись на мою руку, Марьяна. Легче будет идти.

Ромашка обернулся и зыркнул так, что принимать предложение расхотелось.

— Не стоит, — улыбнулась волшебнику. — Я справлюсь и сама.

— Уже оглядываешься на него? Ну-ну, — продолжал насмешничать Али. — А ведь даже не муж.

Ромашка остановился, и я едва не врезалась в его спину.

— Убери его, или я вышвырну кувшин в воду, — потребовал он.

— Али...

— О чем я и говорил.

Али помахал мне рукой и растаял туманом, а Ромаш зашагал быстрее. Я тихонько вздохнула. И правда, с каких это пор я на него оглядываюсь? Но по всему выходило именно так. А река то сужалась, то расширялась. Пару раз я видела, как из воды выпрыгнула искристая рыба и снова скрылась в волнах. Становилось все жарче. День обещал быть невыносимым. Первый день лета.

— Ромашка, давай отдохнем, — взмолилась я.

— По ту сторону границы, — сурово ответил он. — Осталось недалеко.

И действительно, река вдруг изогнулась, словно уж, выпустила рукав. А я ясно поняла: именно здесь и проходит граница.

— Как будем перебираться? — спросила у Ромашки, чувствуя себя в западне.

— Может, загадаешь еще одно желание? — напомнил о себе Али.

— Не загадывай, — вмешался Ромаш. — Ни к чему это. Смотри, видишь кочки?

Кочки-то я видела. Они слегка возвышались над водой и казались до того мокрыми и скользкими, будто это были спины больших рыб. И вот таким способом мы будем перебираться на тот берег?

— А может, не надо? — взмолилась я тихо.

— Другого пути нет.

И Ромашка шагнул на первую кочку, а у меня внутри все похолодело. Он закачался, как канатоходец на ярмарке, и сделал еще шаг, а затем обернулся ко мне.

— Давай, Марьяна!

— Не пойду! — взвыла я.

— Останешься тут навсегда, потому что я планирую идти дальше, а не ждать, пока у тебя хватит смелости.

И протянул мне руку.

— Я так и сама упаду, и тебя повалю в реку, — всхлипнула я.

— Тогда давай сама.

И перепрыгнула на следующую кочку, а я ступила на первую. В целом оказалось не так страшно. Не так страшно, я сказала! Прыжок, еще прыжок. Ноги скользили, вода промочила одежду, брызги летели во все стороны, а некромант не уходил далеко вперед, то и дело оборачиваясь, чтобы убедиться: я не свернула себе шею и не утонула.

Последняя кочка. Ромашка уже стоял на берегу и фыркал, как большой еж, а я прыгнула — и почувствовала, что падаю. Нога соскользнула, но вдруг сильная рука перехватила мое запястье и дернула на себя. Я вывалилась на берег в объятия смеющегося Ромашки и разревелась.

— Эй, ты чего? — склонился он надо мной. — Марьяна, ты ведь смелая ведьмочка.

— Да не ведьма я!

Это все нервы, исключительно нервы...

— Хорошо, светлая ведунья, пусть я и не улавливаю разницы. Уже перебрались, все, отпускай меня.

А я и не заметила, что вцепилась в Ромашку, едва не повисла на нем и всхлипываю в плечо.

— Все в порядке. — Ромаш погладил меня по спине. — Тише, девочка. Все хорошо.

Хорошо? Да, это точно. Мы перебрались и находимся в соседнем княжестве, а значит, сядем в дилижанс, и...

— Это было очень увлекательное зрелище, — раздался знакомый голос и скупые аплодисменты.

Я медленно обернулась. Златовласка замер прямо перед нами. А за его спиной — хороший такой отряд стражи.

— Только дернитесь! — предупредил он, нервно отбрасывая за спину золотистую копну волос. — Даже не успеете заклинание произнести, как превратитесь в решето.

«Али!» — мысленно позвала я.

«Что?»

«Помоги!»

«Как именно?»

«Как угодно».

«Желаешь?»

«Да».

Стражи вдруг захрипели и попадали со своих лошадей. Они задыхались, катались по земле.

— Али, прекрати немедленно! — взывала я.

— Не могу. — Волшебник появился рядом со мной. — Ты требовала помощи, но не указала ее вид. Так что они умрут.

— Нет! Ромаш...

Ромашка сосредоточенно замер над бедными стражами, которые уже едва трепыхались, и резко произнес заклинание, которое я впервые слышала и не очень-то поняла, но ощутила, как всколыхнулась магия, и люди снова смогли дышать. Они скребли ногтями землю, хватали ртом воздух, а Ромашка схватил ближайшую лошадь под уздцы и посадил меня в седло, я и пикнуть не успела. Сам запрыгнул на вторую и с размаху пустил ее рысью. Мне оставалось только последовать его примеру.

К чести стражей, опомнились они быстро. Мы не успели скрыться, когда на горизонте появилась точка, которая стремительно нас догоняла.

— Златовласка, — заметил Ромаш. — Только он может с такой яростью гнаться за тобой, едва не попрощавшись с жизнью.

Наши лошади поскакали быстрее, но, видимо, Златовласку гнала ненависть. Его спутники тоже какое-то время виднелись рядом с ним, но быстро отстали, а я не знала, что делать. Догонит! Точно догонит!

— Здесь есть духи, — вдруг сказал Ромаш. — Я их призову, и они его отвлекут. А ты не пугайся.

И стало темно, будто кто-то набросил на глаза ткань, а потом так же быстро посветлело. Я не оборачивалась. Надеялась только, что Златовласка не свернет себе шею, иначе будет совсем худо. Мы с Ромашкой снова пустили лошадей быстрее. Оставалось надеяться, что это задержит наших преследователей на достаточное время. Даст нам шанс сбежать.

ГЛАВА 10

Первый привал сделали не скоро. Да и то остановились потому, что я едва не свалилась с лошади от усталости. Сползла прямо в объятия Ромашки, доплелась до полянки и приземлилась на травку, чувствуя себя развалиной.

— Устала? — заботливо поинтересовался Ромаш.

— Очень, — закрыла глаза, подставляя лицо солнышку, проглядывавшему сквозь ветви деревьев. — Да, не очень-то оно гостеприимное, княжество Листвин.

— Что поделаешь? Итен сильно на тебя взъелся.

— Плевала я на его обидки, пусть оставит в покое.

А еще думала о том, что надо загадать последнее желание для Али. Тогда он сможет стать свободным. Вот только первые два желания вышли людям боком. Сгорели дома, едва не погибли стражи. Не самая лучшая перспектива. Тем не менее помочь Али хотелось. Только я до сих пор не знала как, и сам он вряд ли знал.

— Я посплю немного, — сказала Ромашке. — Разбуди через полчаса.

И закрыла глаза. Это утро выпило меня досуха, до дна. Поэтому когда услышала посторонние голоса, восприняла это с ледяным спокойствием. Как и то, что меня рывком подняли на ноги и спеленали по рукам и ногам, как младенца.

— Попалась, ведьма! — зашипел в лицо Златовласка.

— Я вам не ведьма.

Конечно, лучше не спорить с разъяренным стражем, но я не сдержалась, а Златовласка едва не плевался ядом. Я отыскала взглядом Ромашку. Он лежал на земле, и четверо стражей скручивали ему руки. Бедняга... А под ногой лежал кувшин: увы, сейчас бесполезный.

— Именем князя Альберта Двенадцатого вы задержаны за многочисленные нарушения закона и нападение на княжеских стражей, — зычно вещал Златовласка, зыря голубыми глазами. — Вы будете доставлены в столицу княжества Листвин Лаарту для дальнейшего разбирательства и вынесения приговора.

— Вынесешь мне приговор — будешь до конца своих дней, спотыкаясь, через косы падать, — пообещала я.

Итен переменился в лице, но сдержался и ничего не ответил. Вместо этого подтолкнул меня к лошади, усадил, сам запрыгнул позади, лишая возможности побега.

— Кувшинчик мой захватите, если вас не затруднит, — попросила я. — За него деньги уплачены.

— Да пошла ты... — начал было один из стражей.

— Возьми чайник, Крис, — приказал ему Златовласка. — За него отвечаешь головой.

Вот и замечательно. Я устроилась удобнее, пригrelась во вражеских объятиях и снова задремала. Судя по звукам, Ромашка сопротивлялся активнее, но и его скрутили. А значит, не разлучат.

Оказалось, лошадь — прекрасное средство передвижения, потому что уже к вечеру впереди показались шпили Лаарты. Я была там, когда направлялась на практику. Очень красивый город.

— Уважаемый, а мы кушать будем? — спросила у Златовласки.

— В Лаарте поешь, — угрюмо ответил тот.

— А в кустики можно?

— Нельзя тебе в кустики.

— А если очень надо?

И посмотрела на него умильными щенячьими глазами.

— Все равно нельзя, — гаркнул тот.

— Ну так ваше же седло испорчу.

Лошадь остановилась. Итен Хардинский ловко соскочил с нее, подхватил меня на руки и осторожно поставил на землю.

— Веревки снимите, я идти не могу, — потребовала я.

— Нет, ведьма.

— Укушу, — пообещала Златовласке, и тот склонился, освобождая мои ноги. — А руки? Послушайте, никуда я не побегу. У вас мой друг и мой кувшин.

— Да иди ты уже! — взревел Итен, стащил веревку с рук и потопал за мной в кусты.

— Уважаемый, а вы не ошиблись? Девочки — налево, мальчики — направо.

— Сейчас будешь терпеть до Лаарты.

Намек поняла, а в кусты действительно хотелось. Поэтому спорить с бравым капитаном не стала. А что я могу одна? Я-то, конечно, сбегу, а Ромашка? А Али? Если их из-за меня обижают? Нет уж, обратно на полянку я вернулась очень быстро. Второй раз связывать меня не стали, и в Лаарту въезжала, как княжна, на белом скакуне в объятиях прекрасного стража.

На нас глазел чуть ли не весь город. Так и хотелось показать кому-нибудь язык, но я держалась с достоинством.

— Итен! Это же Итен Хардинский! — слышались разрозненные голоса. — А кто это с ним?

— Невеста, — крикнула в ответ. — Он меня от дракона спас, теперь обязан жениться. А дракон его проклял, вот!

— Закрой же ты рот, — прошипел Итен на ухо.

— Уже закрыла, — ответила миролюбиво и замолчала. Вместо этого глазела на красавицу Лаарту и поглядывала на Ромашку, который сидел на лошади впереди. Увы, у Ромаша чувство юмора оказалось хуже, чем у меня, и хоть он молчал, на лбу было написано: «Да чтоб вы все провалились!» Бедный Ромашка.

Но вот мы въехали во двор большого особняка. Странно, я думала, нас сразу повезут в тюрьму.

— Не делай глупостей, — предупредил Златовласка и осторожно поставил меня на землю, а его коллега по страже совсем неосторожно стащил Ромашку. Тот ударился боком, неловко упал, потому что, в отличие от меня, так и оставался связан.

— Ромашка! — Я кинулась к нему.

— Стой! — полетел в спину окрик, но я уже склонилась и помогла другу подняться.

— Все хорошо? — спросила встревоженно. — Сильно ударился?

— Все в порядке, Марьяна, — невесело улыбнулся он.

— Обоих в дом и запереть на втором этаже, под окнами выставить стражу, — распорядился Итен.

— А кувшин? — обернулась я.

— Отдайте ведьме чайник, пусть идет.

Уже понял, что со мной проще согласиться, чем спорить. Я, как ребенка, прижала чайник к груди и зашагала за стражами. К счастью, нас с Ромашкой толкнули в одну комнату на двоих. Это была вполне удобная спальня с уборной. Жаль только, что кровать всего одна. Выглянула в окошко — четверо стражей заняли свои места. Вероятнее всего, это дом Златовласки. Дверь закрылась, а я принялась распутывать веревки, удерживающие некроманта. Еле справилась, порезала пальцы: веревки были слишком плотные. Но наконец, они упали на пол. Теперь не перед кем строить дурочку, и я устало вздохнула.

— Как ты? — спросила у Ромашки.

— Жив. А ты? — улыбнулся он.

— Лучше всех. Чур, я в ванную первой.

— Ступай уже.

Жаль, вещи наши отобрали и переодеться было не во что. И сумка... Оставалось надеяться, что

стражи не потеряли мою сумку. Я быстро вымылась, радуясь теплой воде, оделась и вернулась в спальню, уступая уборную Ромашке.

Неспокойно. Мне было беспокойно. Я слабо представляла, что мы с Ромашем будем делать дальше. Скорее всего, дождемся завтрашнего дня, и я попрошу Али помочь нам сбежать. Во всяком случае, стоит поблагодарить Златовласку за удачную доставку в большой город, где так легко затеряться. А еще отсюда можно уехать. Главное быстро, пока никто не обклеит нашими портретами столбы.

Ромаш появился не скоро. Я даже успела слегка задремать. После наших бурных приключений тянуло в сон.

— Уроды, еду забрали, — в сердцах выругался он и упал на свой край кровати.

Сначала я собиралась возмутиться. Потом подумала: мы спокойно ночевали на одной поляне. Чем кровать-то хуже? Наоборот, придвинулась ближе.

— Сильно досталось? — спросила растерянно.

— Нет, — ответил он.

Больше вопросов не нашлось. Я тихонько вздохнула, завозилась, укладываясь, в это время дверь распахнулась, и в комнату вошел Златовласка. Окинул взглядом нашу пару и что-то хмыкнул. Я тут же нахмурилась. Это по дороге стоило вести себя хорошо и усиленно заставлять окружающих сомневаться в моих умственных способностях. А здесь такой необходимости нет. Надо только продержаться до завтра.

— Поговорить надо, ведьма, — грозно сказал страж, а мы с Ромашкой сели, чтобы не смотреть на него снизу вверх.

— Давай поговорим, — покорно согласилась я. — Только у меня имя есть, и оно тебе прекрасно известно, Итен Хардинский.

— Марьяна.

— Да, Марьяна.

— Что же ты выбрала для себя спутника с настолько дурной славой, Марьяна? — присел Итен на край кровати, давая понять, что разговор будет долгим.

Я покосилась на Ромашку. Хорошая компания, ничем не хуже других. Ромаш уже не раз мне помогал, и я готова была доверить ему свою жизнь снова.

— Имеешь что-то против Ромашки? — спросила у Итена.

— Как? Ромашки? — рассмеялся тот, хватаясь за бока, и локон волос тут же попал в рот. — Тьфу, гадость какая! Молодой князь Ромаш Ветерей. Сын придворного мага Теодора Ветерея. Стоило ли так расстраивать отца, князь?

Ромашка закусил губу. Вот какой из него князь? Скорее уж разбойник с большой дороги.

— Не наговаривай, — заявила я Итену. — На Ромашке не написано, что он князь. Значит, твои обвинения беспочвенны.

Хоть и понимала, что это не так. Говорил же Ромашка, что его отец служит при дворе и является великим магом. Кстати, иностранное слово «маг» прижилось в Альбертине наряду с волшебником. Как ни назови, суть-то одна.

— Отец ищет вас, господин Ветерей, — продолжал Итен, не глядя на меня. — Обещал большую награду тому, кто вернет дитя в отчий дом.

Дитя? Вот это? Ромашке минимум двадцать пять. Ну ладно, если побрить и вымыть, можно допустить двадцать три, но я ставлю, что больше. Хороша деточка.

— Я не вернусь, — спокойно ответил Ромаш.

— Это мы еще посмотрим. Мой же вопрос касается тебя, Марьяна.

Значит, к Ромашке, как к князю, на «вы», а ко мне и на «ты» можно? Ну ладно, я не гордая, в отличие от всяких там.

— Чего угодно, Итен? — отдельно выделила имя стража.

— Убери вот это!

Тот указал на густую копну, перехваченную простой веревкой.

— Прости, друг, не могу, — ответила я.

— Что значит — не можешь?

— А то и значит. — Я развела руками. — Зелье роста волос — мое личное изобретение, а вот антидот для него я только начала готовить, когда ты устроил засаду в моем доме, и закончить не успела. Так что извини, будешь ходить как есть.

— Долго? — мрачно поинтересовался Златовласка.

— Понятия не имею.

— Ведьма! — выкрикнул он, подскакивая на ноги. — Меня уже все сослуживцы засмеяли. Немедленно изобретай свой антидот!

— Как? — спросила миролюбиво. — Ты запер нас с Ромашкой, даже поесть не дал, между прочим. А вдруг я к утру скончаюсь от голода? И потом, мне нужны мои травы, колбы, доступ к огню...

— Все будет, — пообещал Златовласка. — И если ты отменишь действие своего зелья, я тебя отпущу на все четыре стороны.

— Вас отпущу, — поправила я.

— Не понял...

— Меня и Ромашку. Я без него никуда не пойду. Так ясно?

— Ромашку не выйдет. Его уже пять лет по всей стране ищут. То там появится, то здесь. Надо отвезти его в столицу.

— Значит, зелья не будет. Ходи так, впечатляй девушек.

Демонстративно легла обратно на подушку и закрыла глаза.

— Шутки будешь со мной шутить? — В голосе Итена послышалась угроза.

— И не думала, — зевнула с показным безразличием.

— Знаешь что, ведьма? Это твоего дружка мне надо доставить в столицу живым, а для тебя у меня припасены совсем другие методы. Сама будешь просить разрешения создать зелье.

— Придержи язык, Итен, — грозно окликнул его Ромашка. — Во-первых, мы оба знаем, что ты не обидишь девушку. Во-вторых, если Марьяна сама тебе не поможет, никто не поможет. Хочешь и дальше щеголять локонами, как у принцессы из сказки?

Итен покраснел и шумно вдохнул воздух.

— Везти меня к отцу не советую, — продолжал Ромашка. — Все равно уйду. И я — не Марьяна, на друзей оглядываться не стану. И потом сам знаешь, за тобой должок.

И прищурился с таким выражением лица, что мне разом вспомнились портреты на столбах и угрожающая физиономия на них.

— Утром тебе доставят все необходимое для зелья, ведьма. — Итен сделал вид, что не услышал реплику Ромашки. — В столе есть письменные принадлежности, составь список. А ты, некромант проклятый, чтобы с места не сдвинулся. Понятно излагаю?

Мы слаженно кивнули, и господин Хардинский удалился.

— Ты и правда такая большая шишка, Ромаш? — обернулась я к приятелю.

— Ага. — Тот беспечно упал обратно на кровать, заложив руки за голову. — Лучше сказать, большая заноза в...

— Заднице, — подсказала я.

— Да, точно. — Ромашка почему-то покраснел, а я вспомнила годы учебы в светлой школе. Выражались мы иногда совсем не по-светлому.

— А какой у Златовласки должок? — допытывалась у некроманта.

— Его однажды хотел сожрать упырь, а я его упокоил, — спокойно ответил Ромаш. — Это было давно, более того — случайно, потому что, как сама понимаешь, я не люблю бывать на кладбищах. Но тот упырь отошел слишком далеко от места упокоения и был связан с нашим приятелем кровными узами. Поэтому я вмешался. Видимо, зря.

Я покивала для вида, а самой было не по себе. Все-таки это страшно — вот так быть на постоянной связи с призраками. Ромашка ведь их видит и чувствует лучше, чем кто-либо из нас.

— И все-таки, почему ты боишься кладбищ, Ромашка? — спросила я.

— Понимаешь... — Ему явно не хотелось отвечать. — Когда я был маленьким, отец еще в те годы, как уже говорил, хотел сделать из меня великого волшебника. Но я боялся мертвых. Я был мальчишкой, и меня пугал их жуткий вид. Тогда отец решил, что можно устранить эту проблему более радикальными методами. Он оттащил меня на ближайшее кладбище и запер в склепе с запасом еды на три дня. За три дня там я чуть не сошел с ума и с тех пор боюсь кладбищ, несмотря на то что за эти пять лет мне даже приходилось там жить.

Я легонько пожала его руку. И почему родители считают, что мы должны вырасти их копиями, воплотить их мечты? Это ведь неправильно. У нас есть свои желания и стремления. Чего добился отец Ромашки? Того, что родной сын возненавидел его? Сбежал и уже пять лет идет куда угодно, прячется где угодно, лишь бы не вернуться домой? Чего добились мои родители? Что я поступила так же, как Ромашка, пусть и чуть мудрее, найдя себе пристанище в светлой школе? Но он некромант, его бы туда не взяли.

— Твой папа тоже некромант? — спросила я.

— Да. И хватит об этом.

— Хорошо, только... а твоя мама? Она считала, что отец прав?

— Да.

Вопросы были исчерпаны. Я придвинулась к Ромашке ближе и даже не пошевелилась, когда для нас принесли ужин.

— Идем есть. — Ромашка заставил меня подняться. — Завтра доброта Итена может иссякнуть.

Я ела, но без особого аппетита, все время думая о словах Ромашки. Мой папа по сравнению с его — гений в воспитании детей. Да, мы поссорились, но никто не запирает меня в склепе на три дня, даже не выпорол ни разу, а ребенком я была проблемным. Жаль только, годы прошли, а наши родители вряд ли что-то поняли.

ГЛАВА 11

Мы славно поужинали. Еда была вкусной, постель мягкой, и я уже собиралась лечь, когда за дверью послышались голоса. Кто-то громко возмущался, а затем в комнату проскользнул парнишка — высокий, симпатичный. Как любила говаривать моя нянюшка, кровь с молоком. Глазищи огромные, синие, волосы пшеничные. Картинка, не юноша.

— Добрый вечер, — кивнула ему, и парень вдруг пошел красными пятнами и пробормотал что-то невразумительное.

— Он болен, что ли? — спросила у Ромашки.

— Нет, — с непонятным смешком ответил тот. — Здравствуйте, князь Листвина Велеславий.

Князь Листвина? Этот юноша? Я уставилась на гостя с еще большим вниманием, а Ромашка и вовсе звонко рассмеялся.

— Расслабься, Слав, — сказал он. — Моя подруга не собиралась тебя смущать. Она шутит.

Князь как-то неловко кивнул.

— Здравствуй, Ромаш, — наконец произнес он достаточно разборчиво. — Давно не виделись.

— Давненько, — согласился Ромашка. — Лет восемь будет, да? Тебе пятнадцать было.

— Восемь, — отозвался Слав, не глядя на меня. — Вы тогда с отцом приезжали матушку мою лечить.

— Кстати, как здоровье матушки?

— Цветет и здравствует, — вздохнул Велеславий, а я удивилась, что могли лечить два некроманта. Не целители ведь. Или тоже одержимость каким-то духом?

— Как сестрицы? — продолжал расспрашивать Ромашка, а Слав и вовсе судорожно вздохнул. Показалось, что он сейчас рухнет на пол без чувств.

— Две замужем, три — нет, — ответил князь. — Ромаш, ты, случайно, жениться не надумал? Вилания еще тогда на тебя глаз положила. Увезешь ее в столицу...

— Сестры старшие? — уточнила я, а князь горестно кивнул.

— Сам почему до сих пор не женился? — поинтересовался Ромашка, проигнорировав интересное предложение.

— Невесты отказывают, — еще более стушевался Слав.

— Как это отказывают? — Я уставилась на князя. Не парень ведь — картинка. Куда они смотрят? Хотя, может, он изверг какой?

— П-п-простите, — пролепетал Велеславий и снова покраснел, а затем развернулся к Ромашке. Видимо, с ним ему было легче говорить. — Сами видите, не умею я с девушками. Только рядом окажусь и запинаюсь начинаю. Или вообще веду себя как дурак.

— С такой ордой сестриц неудивительно, — присвистнул Ромашка. — Хорошо хоть вообще о женитьбе думаешь. И сколько невест тебе уже отказали?

— Пять, — горестно вздохнул Слав. — Вроде бы и любви они мне, и красивы, и умны, а я им и слова сказать не могу. С одной подружилась, правда, но она сразу заявила: замуж не зови, мужик ты хороший, а муж будешь плохой. Лучше будем дружить... письмами. А тут весь дворец гудит, что Итен невесту привез. Я и решил взглянуть одним глазком. Князь я или нет?

Ромашка рассмеялся и похлопал давнего знакомого по плечу, а я втайне посочувствовала князю.

— Жаль, любезный Велеславий, — сказала ему, пусть и приврала немного, — что уже завтра Итен собирается Ромашку отвезти в столицу, и меня вместе с ним. Иначе я бы с удовольствием вам помогла. Вы как смотрите на прогулку до столицы?

— В целом неплохо. — В глазах князя зажглась надежда. — Простите, а вы...

— Светлая ведунья Марьяна, — представилась, как полагается.

— Марьяна... А дальше?

— Просто Марьяна.

Князь кивнул, принимая мои правила.

— И чем же можно пособить моей беде? — спросил он.

— Расскажу, если убедите Итена не держать нас под замком и со всеми почестями доставить в столичную школу светлой магии. А еще вернуть вещи, которые он у меня забрал.

— Я все сделаю, — засуетился Слав. — Прямо сейчас пойду, и...

Запнулся ногой о ковер, едва не разбил нос, а потом с величайшим трудом все-таки вывалился за дверь.

— Жестоко шутить над чужими бедами, Марьяша, — сказал Ромашка. — Ты ведь не поможешь ему.

— Помогу. У меня рецепт одной настоечки есть... Но ингредиентов все равно нет, так что надо в школу. И обещаю, за месяц женю беднягу. А там он к супруге привыкнет и стесняться перестанет. А что собой представляют его сестры?

— О! — Ромашка закатил глаза. — Это великое зло. Хотя там и матушка отличилась. Очень грозная и гордая женщина. Сына гоняла за малейший проступок. Старшая, Тамарина, женщина властная и строгая. Старше Слава на пятнадцать лет. Проблема Велеславия в том, что затюкали они его. Единственный мальчишка в семье. Отец умер, едва Славу три года исполнилось. Сестры и воспитывали, как считали нужным. А каждая считала по-разному. Я когда у них был, мечтал о том, чтобы поскорее уехать. Но сам Слав — парень неплохой, добрый, честный. Поэтому его будущей жене повезет.

Значит, надо помочь Славу с супругой. Что ж, если он отвезет меня в столицу с комфортом, я ему столько студенток и недавних выпускниц на смотрины приведу! У меня однокурсница была, Тихвина, замечательная девушка. Глаза в пол, ресницы пушистые, умница. Но внутри там, как в хорошей поговорке, чертенята водятся. Так что не заскучают. А не понравится Тихвина — и другие подружки имеются.

— О чем ты задумалась с таким выражением лица? — с улыбкой спросил Ромашка.

— О превратностях женской судьбы, — ответила я. — Давай спать. Устала я.

— Согласен.

— Отвернись.

Ромашка пробормотал что-то по поводу не вовремя проснувшейся стыдливости, а я сняла платье и завернулась в покрывало. В комнате тепло, не замерзнет. Казалось, уснула, стоило Ромашке погасить светильник. А проснулась — и поняла, что всю обнимаюсь с мирно спящим Ромашкой, закинула на него ногу, прижала рукой и чувствую себя прекрасно. Он, судя по тому что не проснулся, тоже. Осторожненько отползла на край кровати. Дожилась, Марьяна! Докатилась.

Отвернулась на другой бок и постаралась уснуть снова, но без Ромашки было холодно. А у меня покрывало. Значит, и ему холодно без меня? Судя по всему, да, потому что не прошло и десяти минут, как уже Ромаш перекатился на мою сторону, пригрелся рядышком и засопел громче. Ну и пусть.

Проснулась я одна. Из уборной слышался плеск воды, а за дверью — чьи-то шаги. В двери предупредительно постучали.

— Я не одета, — ответила громко.

И неумыта, и нечесана.

— Мне все равно, — раздался голос Златовласки, и дверь распахнулась.

Я завизжала и натянула покрывало на уши. Из уборной вынесся Ромашка — весь в пене, завернувшись в полотенце, и огрел Златовласку ковшиком. Хорошим таким, железным. Уверена, только пышная шевелюра не дала стражу тут же отправиться на встречу с богами.

— У вас все в порядке? — заглянул в двери дежуривший стражник.

Я снова завизжала, а Ромашка... нет, не пустил в дело ковшик, а закрыл дверь перед носом стража.

— Все нормально, дама переодевается, — ответил некромант через заслон, а я порадовалась, что Златовласка удачно так упал, его из-за двери не видно.

— Иди, смывай пену, — вздохнула я. — Мы с Али покараулим.

Кстати, что-то Али не видно и не слышно. Ладно когда посторонние рядом, но он и вечером не появился. И вот уже утро, а от приятеля ни слуху ни духу. Но проблемы с Али решим позднее. Пока же наша главная проблема изображала спящую княжну из старинной сказки. «И уснула она на три сотни лет...» Златовласка, правда, начал подавать признаки жизни, а в дверях ванной появился уже одетый Ромашка.

— Твоя очередь, — указал он на дверь, и я поторопилась скрыться, искренне надеясь, что мальчики не поубивают друг друга до моего возвращения.

А вернувшись, застала картину, которую, без сомнения, можно было назвать идиллической. Златовласка сидел в кресле, подпирая рукой многострадальную голову. Ромашка возлежал на кровати и с ухмылочкой глядел на поверженного врага.

— Общаетесь? — спросила я. — Ну, общайтесь. Кстати, а вещи мои где?

Ромашка указал на сумку, заброшенную в угол, и сказал чуть обиженно:

— Только еды там уже нет. — Сожрали, видимо.

— Выбросили, — ответил угрюмо Златовласка.

— Что? — Некромант едва на кровати не подскочил. — Выбросили еду? Вы с ума сошли? Да я вас...

— Тише, — остановила я справедливый бунт моего Друга. — Думаю, Злат... Итен хотел сказать нам что-то важное. Правда, Итен?

— Да. Через час мы выдвигаемся в столицу, — так же зло ответил тот, — где ты, ведьма, снимешь свое заклинание.

— Если будешь хорошо себя вести, я постараюсь, — пообещала ему. — А если плохо, щеголять тебе буйной растительностью до скончания лет. И не ведьма, а ведунья. Светлая и дипломированная, между прочим.

— Забрать бы твой диплом и сжечь, — ответил Златовласка, а я обиделась.

Это же надо! Он мой диплом жечь будет, гад пупырчатый. Наградить его чесоткой, что ли?

— Марьяш, пожалей человека, он и так болен, — подал голос Ромашка.

— Чего меня жалеть-то? — искоса взглянул на него Итен.

— По глазам Марьяны вижу, что сейчас вдобавок к шевелюре она наградит тебя недержанием. Представляешь, как будут волосы за все окрестные кусты по дороге цепляться?

Златовласка снова ринулся в бой, но я перехватила его на лету и миролюбиво сказала:

— Извините, господин Хардинский, но, если вы хотите, чтобы мы отправились в столицу, попрошу вести себя так, как подобает стражу, а не обиженному мальчишке. А еще дать мне позавтракать и переодеться. Мое платье вчера вашими стараниями запылилось.

Итен покраснел до корней волос и поторопился исчезнуть, а я довольно потянулась, как кошка, достала из сумки юбку, кофту и снова удалилась в уборную. Уже там высушила заклинанием волосы, переделалась в чистое, а в комнате ждал завтрак и довольный князь Велеславий. Он прямо-таки лучился счастьем.

— У тебя случилось что-то хорошее? — спросила я, присаживаясь за стол и составляя компанию Ромашке.

— Да, — кивнул Слав, немного отодвигаясь от злой и страшной меня. — Я все-таки еду с вами в столицу, и из моих сестриц сопровождать меня будет только одна. Не теряю надежды выдать ее замуж.

— Действительно неплохая новость, — согласилась с ним. — А как поедет? Верхом?

— Ага, — «порадовал» князь. Я надеялась на карету или какой-никакой экипаж. Но лучшее — враг хорошего, да? Одна из любимых пословиц моего отца.

— Ты не рада? — сразу заметил Слав.

— Не очень люблю верховую езду.

На самом деле верховую езду я любила, но только на небольшие расстояния, а не через все княжество до соседнего и там уже до столицы. Это сколько же дней пути? Пять, не меньше. С другой стороны, пешком бы топали недели две-три. Так что хватит жаловаться, Марьяна. Радуйся, что побережешь ноги.

— Экипаж нас сильно замедлит, — огорчился Слав. — Но если...

— Не надо, — замахала я руками. — Поеду, на чем есть. Правда, Ромашка?

Ромаш задумчиво кивнул, кромсая ножом и вилкой пышный омлет с кусочками колбаски. Когда речь шла о еде, мой друг становился излишне задумчивым и сосредоточенным.

— Выезжаем через полчаса, — порадовал Слав и умчался собираться. Хотя за него и так прислуга все соберет.

— Он всегда такой шумный? — спросила я.

— Когда вдали от девушек — да, — кивнул Ромашка. — Кстати, ты заметила? Он перестал воспринимать тебя как девушку, не в обиду будет сказано.

— И как кого он теперь меня воспринимает? — поинтересовалась я у «цветочка».

— Как друга. Ладно, давай завтракать быстрее, а то до вечера небось останемся голодными.

В словах Ромашки был резон, поэтому я зажевала быстрее. И правильно сделала, потому что Златовласка ждать не желал. Он появился раньше положенного срока, грозно зыркнул на нас и приказал следовать за ним. Так и подмывало спросить, не болит ли головушка, но я решила не наносить несчастному еще одну травму, на этот раз психологическую, и промолчала.

Снаружи нас порадовала прекрасная погода. Ночью, видимо, прошел дождь, и цветы благоухали как никогда. Теперь я была даже рада возможности проехаться в седле. Еще и лошадку мне выдали красивую, серую в яблоках, озорную. Ромашке подвели пегого коня, а у Слава конь был, как и у Златовласки, белым. Вот только Итен зацепился волосами за седло и едва не свалился с бедного животного раньше, чем на него забрался.

— Помочь? — спросила я, указывая на шевелюру.

— Да иди ты, ведьма! — вызверился он.

Ах ведьма? Я надулась, забралась на лошадку по имени Звездочка и больше не оглядывалась на негодея. А еще несколько минут спустя мы двинулись в путь.

ГЛАВА 12

Кроме Златовласки, нас сопровождало еще шестеро стражников. Все рослые, могучие. Дубы, а не люди. Я поглядывала на них и чувствовала себя за каменной стеной. Интересно, неужели Итен так боялся нас с Ромашкой? Или эти воины сопровождают Слава? Что тоже возможно, он ведь князь. Или его сестрицу, закутанную в накидку так, что не видно лица? Как бы там ни было, дорога проходила приятно, но скучно. После пары часов пути я начала привычно напевать, но на меня так покосились, будто совершила преступление. Пришлось закрыть рот.

— А я другую песню люблю, — неожиданно подал голос Слав. — О любви Дитриха и Хранигунды.

— Не слышала такую песенку. — Я польстилась на иноземные имена.

— Ну как же?

И Слав тихонько запел:

Король всех северных земель
По прозвищу Кровавый
Любил бить сотнями людей
И мучил всех на славу.
Решил король завоевать
Красотку Хранигунду,
Себе ее все земли взять...

— Слав, прекрати немедленно! — рявкнула его сестрица, демонстрируя богатырский голос, и Велеславий замолчал на полуслове.

— Зачем вы помешали? — Я обернулась к княжне. — Интересно ведь, завоевал Дитрих Хранигунду или нет.

— Более похабной песни не слышала.

Вот мерзкая девица. Новая цель, на которую можно наслать чесотку. Или клопов. Вот клопы лучше подойдут, но не сейчас. На привале.

— Так что там с Хранигундой? — шепотом спросила я у Слава.

— Дитрих завоевал ее земли, — улыбнулся тот, — и влюбился в прекрасную воительницу. Три месяца за ней ухаживал, дорвался до близости, а там...

— А там? — Я уставилась на него.

— Пояс верности, — вместо друга ответил Ромашка. — И пришлось Дитриху подбирать ключ, там песня воистину бесконечная. А когда подобрал, новые проблемы возникли, о которых юной деве вроде тебя знать необязательно. Я удивлен, что Славу такие песенки известны.

— Итен научил, — еще тише сказал он.

Я покосилась на Златовласку. Хм... Оказывается, у моего друга есть неизведанные таланты. Например, любовь к народному фольклору. Может, как-нибудь споет?

Время до привала тянулось очень долго. Скрашивали его только живописные виды, да и то не было времени, чтобы вволю полюбоваться ими. Поэтому, когда объявили привал, я вздохнула с непередаваемым облегчением и первой спрыгнула с лошади. Лошадь, кажется, возрадовалась так же, как и я. Зато спутники тут же разделились на несколько групп.

Ромашка держался рядом со мной. Слав тоже попытался было прибиться к нашей компании, но его перехватила сестрица и начала капризно жаловаться, как сильно устала. Отдельная группа — наша доблестная охрана. И, наконец, великий и ужасный Итен Хардинский, который поглядывал, как его подчиненные готовят место для обеда. Для нас приготовили теплые пледы, чтобы было удобно сидеть на траве, а от аромата еды тут же рот наполнился слюной.

— Не нравятся они мне, — тихо поделился Ромашка.

— Кто именно? — уточнила я, провожая взглядом кусок окорока, который нарезал один из стражей.

— Все.

— Исчерпывающий ответ, Ромашка. Знаешь, я беспокоюсь об Али. Что-то его не слышно. Давай отойдем во-он к тому ручейку, вроде как умыться в жаркий полдень, и попробуем с ним поговорить.

— Как скажешь.

Ромаш поднялся на ноги и протянул мне руку, помогая встать.

— Вы куда? — насторожился Итен.

— Умыться, жарко. — Я указала на ручей. — И вымыть руки перед едой. Вы, конечно, можете есть грязными, у меня даже настойка соответствующая в сумке имеется, но, боюсь, окрестные кусты не оценят.

— У, ведьма, — пробормотал один из стражей.

— Светлая ведунья, — по привычке поправила я и поспешила к берегу, пока не выстроилась очередь борцов за гигиену. А сама потерла кувшин рукавом, вроде как чистя от пыли.

— Али, ты там жив? — спросила шепотом.

— А что мне станется, хотя ты забыла о моем существовании? — недовольно ответил волшебник.

— И правда, что может случиться? Видимо, я зря волновалась. Да, Ромаш?

— А может, чайник в омут — и конец? — поинтересовался мой спутник. — Как в песне...

— Если сейчас еще и ты покоришь меня знанием местного фольклора, я сойду с ума, — заверила некроманта, а сама действительно вымыла лицо и руки от дорожной пыли. Поднялась, отошла, дожидаясь Ромашку, и увидела, как к ручью чуть поодаль подходит Итен. Он уже хотел было наклониться к воде, когда кончики волос попали под ногу. Ух ты, не думала, что его шевелюра продолжит расти! И Златовласка, видимо, тоже не думал, потому что неловко взмахнул руками, не нашел точку опоры и полетел в воду.

— Ой! — вскрикнула я и кинулась на помощь, а мой личный враг встал на колени прямо в воде и коснулся оцарапанного носа. — Осторожно, не шевелись.

Подхватила пострадавшего, помогла подняться на ноги и отвела обратно к лагерю. Сестрица Слава вскрикнула при виде крови и попыталась уплыть в обморок, сам Слав кинулся ко мне, и мы вместе уложили Итена на покрывало.

— Ромашка, набери, пожалуйста, холодной воды в флягу, — попросила я.

— Ради него не буду, — сурово ответил Ромаш.

— Ради меня.

Ромашка вздохнул, но все-таки наполнил флягу речной водой и отнес мне, а я приказала Славу прижать ее к носу Итена. Бравого стража стало жаль. Что ж, когда прибудем в столицу, попытаюсь избавить его от такого украшения, хоть волосы тоже было жаль. К счастью, у меня в сумке действительно было все необходимое. Например, настойка, которая прекрасно останавливала кровь. Именно ее я испытала на Итене, и настойка оправдала свою хорошую репутацию.

— Вы отдыхайте, обедайте, — сказала суетившимся вокруг командира стражам. — С ним все будет в порядке. Ромашка, ты тоже поешь пока, Итен меня не укусит.

Ромаш смерил меня недовольным взглядом, но послушался и присоединился к общей трапезе. Со мной остался только Слав, да его сестрица издали бросала заинтересованные взгляды. Что-то мне подсказывало: девица равнодушна к Златовласке и готова подарить ему сердце. Может, намекнуть Славу, что его проблема решаема? Итен вроде тоже не из последнего рода. А замужняя сестра — счастье для брата.

Сам Златовласка начал подавать признаки жизни.

— Избавь меня от этих волос, ведунья, — с силой вцепился в руку. — Что хочешь делай, но избавь.

— Я постараюсь, — пообещала ему. — А пока смотри под ноги. На этот раз пострадал нос. В следующий раз последствия могут быть еще хуже.

А Златовласка улыбнулся, и мне стало не по себе. Мало ли что он задумал.

— С таким достоянием у меня есть все шансы не дожить до столицы, — задумчиво сказал он.

— Надо просто заплести или заколоть, — ответила я. — Чтобы было удобно. И лучше заплести, наверное.

— Поможешь?

— После обеда помогу.

Потому что иначе Ромашка мне и кусочка не даст. Я оставила Итена отдыхать на берегу, а сама поспешила к «столу».

— Спелись? — недовольно поинтересовался Ромаш.

— Еще чего, — ответила я, потянувшись к кусочку курочки. Уловила удивленный взгляд Слава. Да, я не веду себя как воспитанная девушка из высшего общества и не делаю вид, что довольствуюсь крошками, как его сестрица. Мы много путешествуем на свежем воздухе, и я хочу есть. Поэтому быстро проглотила все, на что упал взгляд, вымыла руки и вернулась к Итену.

— Садись ко мне спиной, — приказала ему, доставая из сумки гребень и заколки. Это же надо! Такую копну волос превратить в невразумительный колтун. Осторожно отделила золотистую прядку и попыталась расчесать.

— Ай! — Тут же дернулся Златовласка.

— Терпи, ты же мужчина, — прошипела я и аккуратно отделила следующую прядь. Когда скопилось достаточное количество волос, заплела плотную длинную косицу, потом еще и еще одну. Так увлеклась и лишь позже с удивлением заметила, что Итен едва не мурлыкает.

— Ты плети, ведунья, — довольно прищурившись, попросил он. — Приятно.

Вот еще! Но я покорно продолжила плетение. А волос все не убывало. Так мы до вечера парикмахерскую не закроем.

— Эй, Любима, — окликнула сестру Слава, — поможешь мне?

— Я? — Княжна возмущенно уставилась на меня из-под пушистых ресниц.

— А ты видишь здесь другую Любиму? У тебя гребешок есть?

Любопытно, что княжна не потащила с собой орду слуганок, а поехала одна. Рисковая.

— Есть. — Любима гордо задрала носик. Кстати, она оказалась довольно симпатичной, похожей на брата, только очень заносчивой.

— Тогда присаживайся рядышком и помогай плести косы. Если еще есть желающие присоединиться, я не откажусь.

И работа пошла быстрее. В четыре руки мы управились довольно скоро, потом я переплела косицы между собой, перевязала, чтобы не рассыпались, и Итен довольно тряхнул головой.

— Удобно, — вынес он свой вердикт, — только тяжело. Спасибо, Марьяна.

— Было бы за что, — отмахнулась я. — Тогда в путь?

Общее дело сближает, и мы тихо переговаривались, а дорога летела быстрее, хотя ехали мы медленнее. Светло, тепло, хорошо — что еще надо? Ночевать остановились в особняке одного из подданных князя Велеславия. Толстенный коротышка едва ли не в ноги падал ошалевшему от народной любви Славу, пригласил нас в дом, поселил в лучших комнатах. Проблемы начались, когда подали ужин. Оказалось, что у хозяина три дочери на выданье. И все три присутствовали за столом. Как только Слав увидел разодетых девиц, тут же покрылся мелкими бисеринками пота. У-у, как дело запущено!

— Дочери мои, — с гордостью представил отец. — Калина, Малина, Рябина.

Что? Я уставилась на девушек и едва сдержала нервный смешок. Кажется, папа был поклонником настоек самых разных уровней крепости и свойств.

Девушки сели по обе стороны от Слава.

— Князь, позвольте ли предложить вам мед? — щебетали они. — Взгляните, какая куропатка. Вы таких точно не кушали. Что же вы так мало едите?

А бедный Слав бледнел все больше и готов был сползти под стол, лишь бы не слушать навязчивых девиц. Увы, я не знала, чем ему помочь, но решила попробовать и сказала на ушко Рябине, рядом с которой сидела:

— А знаешь, недавно Велеславий говорил мне, что больше всего в девушке ценит...

— Что? — Та уставилась на меня с предвкушением.

— Умение молчать.

— Правда?

— Истинная.

И Рябина захлопнула рот. Сестры покосились на нее и поняли, что дело нечисто, поэтому тоже дружно замолчали, а Слав смог хотя бы вдохнуть. Но есть, правда, все равно ничего не стал и сразу после ужина попытался сбежать в свою комнату.

— Князь, — перехватил его счастливый отец, — позволите ли показать вам мою гордость?

— Еще одну дочь? — простонал Велеславий.

— А? Нет-нет, виноградники.

— Виноградники можно.

И бедный Слав поплелся за хозяином дома, а мы с Ромашкой — в отведенные нам комнаты. В кои-то веки — отдельные. Ромаш, правда, почему-то выглядел недовольным. А я, едва осталась одна, постучала по кувшину.

— Али, выбирайся, разговор есть, — сказала ему.

— Чего тебе?

Недовольный волшебник появился посреди комнаты. Он даже не смотрел в мою сторону.

— Скажи, как можно помочь тебе обрести свободу? Только правду, — потребовала я.

— Я не...

— Али!

Волшебник отвел взгляд. Он явно не хотел отвечать.

— Как только я исполню твое последнее желание, смогу сразиться с тобой. И отвоевать свободу.

— Убив меня? — тихо спросила я.

— Да.

— Тогда... — В голове что-то не складывалось. — Разве ты не победил никого из твоих предыдущих хозяев?

— Ты, как и Ромашка, задаешь хорошие вопросы, — усмехнулся Али. — Увы, я не могу дать на них ответ. Тебе предстоит понять самой.

Значит, пока не стоит озвучивать третье желание. Не самое лучшее время, чтобы сражаться с древней магией Али. Может, для кого-то сто лет и немного, а для меня так более чем достаточно.

— Спасибо, что сказал, — ответила я ему.

— Ты хорошо отнеслась ко мне. — Али устало повел плечами. — Увы, я ничем не смогу отплатить за твою доброту. Пусть хоть этим. Можешь прислушаться к совету твоего кавалера и оставить меня где-нибудь. Так будет безопаснее и правильнее.

Я покачала головой и ответила:

— Нет. Я постараюсь тебя освободить и не отдать за это жизнь, Али. А пока отдыхай.

Волшебник грустно улыбнулся и растаял дымом. Я вымылась с дороги, переоделась ко сну и уже собиралась ложиться, когда раздался истошный крик. И кричал явно Слав.

ГЛАВА 13

Мы с Ромашем вылетели в коридор одновременно и побежали на звук. Распахнули двери комнаты Слава и замерли. На кровати сидела Рябина... или Калина? Не важно. Девица смотрела на князя огромными от удивления глазами, а сам Слав продолжал голосить на высокой ноте, будто его невинности лишали.

— Эй, приятель, — Ромашка опустил руку ему на плечо, — что стряслось? Чего орешь?

Слав дрожащим пальцем указал на Рябину и затрясся сильнее. Теперь понятно, почему с личной жизнью у нашего друга не сложилось. Он не просто боялся девушек — он до одури их боялся. Прямо как Ромашка падал в обморок при виде мертвецов. Рябинка-Калинка не понимала, чем вызвана такая реакция. Она испуганно оглядывалась по сторонам, даже не подозревая, что причина в ней самой.

— Что с вами, князь? — пыталась спросить она, а в комнату уже влетели Итен и отец девушки.

— Что происходит? — спросил хозяин дома. — Ах, вы с моей Рябинкой поладили. Какое счастье!

— Боюсь, вы ошибаетесь, — угрюмо сказал Ромашка. — Ваша дочь пробралась в комнату мужчины и поджидала его. Увы, это мало хорошего говорит о ее нравственности.

Рябина всхлипнула и кинулась к отцу.

— Как вы можете? — возмутился тот. — Князь Слав сам ее позвал!

— И поэтому орет как резаный? Надо еще узнать, что она ему сделала. Может, казнить придется.

— Папа! — вскрикнула Рябина.

— Доченька, он шутит, — пролепетал хозяин побелевшими губами.

— Я серьезен как никогда, — заверил Ромашка. — Покушение на князя — это вам не шутки. Капитан Хардинский, задержите девушку. Приказ князя.

— Да? — Итен покосился на Слава, а тот сумел только кивнуть. Мне же стало смешно.

— Мальчики шутят, капитан. — Я перехватила Златовласку. — Но проводить девушку до ее покоев все-таки надо. Так что поторопитесь, но будьте осторожны, а то придется жениться. Расходимся, господа. Представление окончено.

— Слав, что случилось?

А вот и последняя участница этой сцены. Любима ворвалась в комнату вихрем, налетела на брата, ощупала всего, проверяя, цел ли, и уставилась на нас.

— Эта девушка его совратить пыталась. — Ромаш мстительно указал на Рябинку.

— Что? — Любима взвизгнула и кинулась на обидчицу брата. — Ах ты, утка глупая! Руки к моему братику тянет! Не для тебя ягодка росла!

Не знаю, чем бы все закончилось, но Ромашка вдруг громко, оглушительно рассмеялся. Он хохотал, хватаясь за бока, и я рассмеялась вместе с ним. И правда, вот глупость, а! Слав тоже неуверенно улыбнулся.

— Все в порядке, отпустите девушку, — сказал он Итену. — Со мной все хорошо.

Великодушно. Я хлопнула Слава по плечу.

— Молодчина, — шепнула ему на ухо, а Рябинка поторопилась сбежать. Зато ее отец потом полчаса извинялся, едва ли не падая нам в ноги, и убеждал, что его дочери воспитаны как надо, а это досадное недоразумение.

Наконец все разошлись по комнатам. Я почти не удивилась, когда Ромашка свернул следом за мной.

— А вдруг у тебя там тоже симпатичный парень притаился? — Он невинно улыбнулся в ответ на мой молчаливый вопрос.

Я только вздохнула и позволила ему пройти в комнату. Чайник так и стоял на столе. Ромаш задумчиво постукивал по нему пальцами.

— Чего тебе? — угрюмо откликнулся Али.

— Ничего, — ответил Ромашка. — Сгинь.

— Сам позвал.

— Не звал я тебя.

И отошел от стола, прошелся по комнате.

— Ромаш, в чем дело? — тихо спросила я.

— Не понимаю, о чем ты, — безмятежно ответил он.

— Ты уже пять минут ходишь по моей комнате, — напомнила я.

— Да... Просто хотел узнать, когда мы собираемся бежать. Конечно, путешествовать в теплой компании достаточно приятно, но я не люблю большие компании. И потом, мне совсем не хочется встречаться с отцом.

— Отсюда до столицы далеко, — напомнила я.

— Возьмем их лошадей. Итен не приставил к нам охрану.

— Но Слав... Я же ему обещала помочь с выбором невесты. И Итен, его надо избавить от шевелюры.

— Тогда уеду один.

— Ромаш, давай не будем спешить. — Я коснулась его руки. — Это не последняя наша остановка. Может, сбежим ближе к столице?

— Я не хочу ждать.

И какая муха его укусила?

— Что неясного? — подал голос Али. — Нашему мальчику не нравится, что Итен проявляет к тебе такое пристальное внимание. Одним словом, ревнует он.

— Не говори глупостей! — рявкнул Ромашка, а я даже покраснела от высказанного предположения.

— Не думаю, что ты прав, Али, — ответила невидимому волшебнику. — Ромашка просто не хочет встречаться с отцом. Правда же?

— Правда, — уже спокойнее ответил он. — Я больше не стану его игрушкой, а Итен не дурак. Это сейчас он немного ослабил бдительность, а чем ближе мы будем подъезжать к столице, тем внимательнее он будет становиться. Я, конечно, маг, но моя сила...

— Ты не сможешь ее использовать, потому что боишься мертвых, — напомнил добрый Али.

— Помолчи! — потребовала я.

— Ну и замолкаю, — ответил тот с тихим смешком. — Только разве от этого проще?

Вот именно, не проще. И я понимала Ромашку. Если бы меня в столице ждал отец, ноги бы моей там не было. Но что поделаешь? Это был лучший способ попасть к директору. А обвести Златовласку вокруг пальца мы всегда успеем.

— Так что, подождешь еще немного? — спросила Ромаша.

— Да, — ответил он, заметно успокоившись. — Но в столицу въезжать в такой пестрой компании не буду.

— Как скажешь, — тут же согласилась я. — Доброй ночи?

— Взаимно, — кивнул Ромашка и вышел из моей спальни.

— Заметь, неделю или две знакомы, а уже ведет себя как законный супруг, — потешался Али.

— Ты говоришь глупости.

Почему-то за Ромашку стало обидно.

— Глупости? Ну-ну! — Волшебник снова появился рядом со мной. — На самом деле ты сама не

замечаешь, как люди тянутся к тебе, Марьяна.

— Это потому, что я — светлая ведунья, — фыркнула в ответ. Ну тянутся. И что?

— Светлая, темная — не все ли равно? — глубокомысленно изрек Али.

— Ну... Может, ты и прав.

Вот Ромашка у нас — некромант, но разве это делает его плохим человеком? А Итен — светлый, но я никогда не испытывала к нему теплых чувств. Не в магии дело. Но тогда в чем? Пожала плечами, будто поговорила сама с собой, и легла спать, а утром мы снова отправились в путь, оставив за спиной счастливого от нашего отъезда хозяина замка и его дочерей.

— Не понимаю, почему ему так хотелось выдать дочку за меня замуж, — сокрушался Слав. — Он ведь меня почти не знает.

— Но ведь ты князь, — ответила я.

— И что с того? А может, я ужасный человек? Ненавижу детей, ковыряюсь в носу и храплю?

Я тихонько захихикала, представив картину, и сообщила раскрасневшемуся другу:

— По тебе видно, что это не так. А три дочери — то еще испытание, как и твои сестры.

— И то верно, — содрогнулся несчастный. — Не завидую я хозяину дома.

А Любима, видимо, твердо решила покорить сердце Итена. Она ехала рядом с ним, забавно краснела и опускала очи на каждое его слово, а когда он не замечал, смотрела, как коршун на добычу. Попал ты, брат. Ой попал. Придется жениться.

Сам Итен заметно повеселел. Заплетенные волосы перестали путаться под ногами, вид он с этой прической имел грозный, так почему не радоваться жизни? Такой теплой компанией мы и двигались в столицу, а я все подумывала о словах Али. Загадаю последнее желание — и придется с ним сразиться. Не загадаю — и он навечно останется рабом кувшина. Что же делать? По поводу этой деликатной проблемы решила посоветоваться с Ромашкой. Он выслушал меня со всем возможным вниманием и ответил:

— Знаешь что, Марьяна, а продай-ка мне чайник?

— Не смей! — раздался голос Али.

— Нет уж! — возмутилась я. — Никто ничего продавать не будет. Зачем тебе чайник? Будешь мучить Али своими желаниями?

— Конечно, я ведь злобный некромант.

Ромашка улыбнулся так, что засверкали крепкие белые зубы.

— А на самом деле у меня больше шансов в сражении, — все-таки добавил он. — Али ведь не призрак. Поэтому бояться нечего.

— Зато я умею их призывать, — раздался ехидный голос из кувшина.

— Кто это сказал? — спросил подъехавший Слав.

— Злобный дух, похититель девиц, — ответил Ромашка, а заметив, что друг задумался, приняв его слова за чистую монету, добавил: — Не бери в голову, пошутил я. Лучше посмотри, как Любима поглядывает на Итена. Глядишь, скоро отпразднуем свадьбу.

— Хорошо бы, — несчастно вздохнул Велеславий. — И желательно, чтобы она после этого осталась жить в столице.

— Мечтать скромнее надо, — хмыкнул Ромашка. — Хотя папа у Итена при должности. Может, заготовит для сыночка и его супруги теплое местечко.

— Тише, — сказала я, заметив, что Итен стал подозрительно прислушиваться к нашему разговору. — Еще обидится.

— А мне-то что? — сразу насупился Ромашка. — Пусть обижается, если дурак.

Увы, заставить его замолчать казалось чем-то нереальным, и я поторопилась сменить тему. А дорога вилась и вилась, и я надеялась, что впереди вот-вот покажутся стены столицы.

— Завтра будем на месте, — сказал Итен вечером пятого дня пути. На этот раз мы заночевали на природе: для нас с Любимой поставили палатку, а мальчики собирались спать снаружи.

— Наконец-то отдохнем, — застонала Любима. — Больше никогда не отправлюсь в такой дальний путь верхом. Да, Слав?

Слав только кивнул и устался в свою тарелку на остывающий ужин. Оказалось, что стражи — на все руки мастера, и им ничего не стоило приготовить для нас только что выловленного окуня.

— А мне понравилась прогулка, — откликнулась я. — Природа прекрасная, погода радует, компания хорошая, что еще надо?

— Согласен с Марьяной, — неожиданно поддержал меня Итен. — Я тоже с удовольствием проехался по нашей Альбертине. Даже отдохнул, если честно.

— Вот видите, — победоносно улыбнулась я, а Ромашка почему-то нахмурился. Чем ближе к столице мы подъезжали, тем мрачнее он становился. Особенно когда рядом был Итен, а я не понимала почему.

— Марьяна, поможешь мне переплести волосы? — попросил Итен. — Не хочу въезжать в столицу растрепанным, как злобный дух.

— Да, конечно. Любима, присоединяйся, — с готовностью отозвалась я, достала гребень, а своенравная княжна, то краснея, то бледнея, села рядом с нами.

Мы сначала расплели ставшие жесткими косицы, расчесали волосы Итена, которые, кажется, еще немного подросли, и заплели снова. Это заняло около часа, поэтому оставалось только лечь спать.

— Благодарю, — улыбнулся Итен на прощанье. — Доброй ночи и сладких снов, девушки.

Я пробормотала что-то в ответ и забралась в палатку. Рядом завожилась Любима, вот только уснуть мне не дали.

— Марьян, тебя Ромашка зовет, — сообщил тихий голос Али.

Хорошо хоть Любима уже спала и посапывала во сне. Иначе ее поразил бы говорящий кувшин. Я выбралась из палатки. Действительно, Ромашка был здесь. У костра мирно дремал дежурный — не иначе как мой друг постарался, уснул. Или он так не умеет? Спрашивать не стала.

— Что случилось? — прошептала вместо этого.

— Нам пора, — ответил Ромаш. — Завтра отряд будет в столице. Если уходить, то сейчас.

Уходить? Сердце заныло. За дни пути я привязалась к скромному Славу, бойкой Любиме, смешливому Итену, ребятам из отряда.

— Послушай, Ромашка, может, не нужно бежать? — спросила я. — Мы въедем в столицу, и...

— Марьяна, ты обещала, — напомнил он.

— Да, а еще обещала помочь Славу и Итену, — сказала ему. — Мне нужно добраться до светлой школы, сварить зелье, чтобы у Итена перестали так буйно расти волосы, и для Слава есть идея.

— Ты доберешься туда и без них. А потом разыщешь, если захочешь.

— Я не буду убегать, Ромашка, — приняла решение. — Слово надо держать.

— Тогда я уйду один.

Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Правильно ли я поступаю? Но ведь всю жизнь бегать не будешь. И потом, я действительно хотела помочь друзьям. Да, Ромашка тоже был одним из них, но мы обязательно найдем друг друга там, в столице. А сейчас... Видимо, сейчас лучше расстаться.

— Отдай мне чайник, — потребовал Ромаш.

— Это кувшин, — поправила я его. — И — нет, не отдам. Прости. И не обижайся, пожалуйста. Я очень тебя ценю. Давай договоримся, где встретимся в городе.

— Я сам тебя найду, если хочешь, — пообещал Ромашка.

— Да, хочу.

— Тогда до встречи?

Я кивнула, он улыбнулся в ответ и тенью выскользнул из лагеря, а я вернулась в палатку. Почему-то хотелось плакать. Наверное, потому, что мне уже не хватало Ромашки — незадачливого некроманта, который боится призраков. И близкого друга, который стал неотъемлемой частью моей жизни.

ГЛАВА 14

— Где он? Где эта зараза, я тебя спрашиваю?

Итен кричал так громко, что звенело в ушах, а я меланхолично доедала остывающий завтрак. Увы, меню было не таким уж разнообразным. Скорее даже скудным, но выбирать не приходилось, и я пыталась зачерпнуть кашу без комков.

— Марьяна, — Златовласка понизил голос, — давай поговорим начистоту. Ромаш — тот еще угорь. Его разыскивают по всей Альбертине уже пять лет.

— Потому что его отцу так хочется?

— Потому что его дар должен служить государству. Некромантов осталось мало, каждый на счету. Ты ведь сама понимаешь, сколько вокруг развелось нечисти.

— Я-то понимаю, — задумчиво кивнув, сказала я. — Только думаю, что Ромашка вам ничего не должен. Вы его спрашивали, хочет ли он служить Альбертине? Нет. Решили за него. Так почему он обязан терпеливо принять свою судьбу? Потому что так решил его папа?

— Его папа — первый советник короля, — еще тише сказал Итен.

— Да хоть последний. Ромаш здесь ни при чем. Оставьте его в покое. Где он, я не знаю. Ушел, и все.

Златовласка выругался и отошел в сторону, а ко мне подсел Слав.

— У Ромаша все в порядке? — спросил он.

— Думаю, что да.

— Вот и хорошо.

Князь улыбнулся. Замечательный он все-таки парень, не чета некоторым. Надо найти для него невесту получше. Зато Любима загрустила. Увлечшись поисками Ромашки, Итен напрочь позабыл о сестре Слава. Как бы намекнуть Златовласке, что тут выгодная партия от тоски пропадает?

— Ладно, двигаемся дальше, — приказал Итен, и наш отряд отложил ложки и засобирался в дорогу. А мне без Ромашки было грустно. Никогда не думала, что за несколько часов почувствую, как его не хватает. Я все еще мало знала о нем, больше догадывалась, но...

— Вы обязательно увидите. — Слав понял причину моей грусти верно. — Ромаш не пропадет бесследно. Но сейчас, думаю, он поступил правильно. Его отец не самый приятный человек, Марьяна. Я бы даже сказал, очень неприятный. Поэтому я понимаю, почему Ромаш не хочет его видеть.

— Спасибо. — Я тепло улыбнулась князю. — Ты прав, мы обязательно встретимся.

Оставшийся путь до столицы запомнился плохо. Меня не радовали прекрасные виды, пение птиц. И начал откровенно раздражать отряд стражи. Надо было бежать с Ромашкой! Надо было! Я бы потом нашла Слава в столице, а Златовласке передала зелье. А что теперь? Где мне искать самого Ромаша? И как избавиться от бдительного присмотра Итена Хардинского?

Впереди показались ворота столицы. Охрана не задавала лишних вопросов, только поклонилась Итену, и нас пропустили в обитель верховного князя Альбертины. Да, давно я не была в столице, с самого выпускного. Город разросся, улицы стали чище и даже, казалось, шире. На окраинах дома налезали друг на друга, как шумные соседи, но чем дальше мы ехали, тем ровнее становились их ряды — и выше заборы. Зато в этом городе я провела лучшие студенческие годы. Кстати, о студенческих годах...

— Спасибо, что проводили, капитан, — сказала Итену. — Но мне пора.

— Куда? — Он уставился на меня.

— Готовить зелье, чтобы лишить вас волос. Слав, вы где остановитесь?

— В нашем родовом особняке. — Тот пожал плечами. — Это на Вишневой улице. Хочешь, оставайся у нас, мы будем рады.

— Я приду в гости, обязательно. А пока...

— Куда! — взревел Златовласка, перехватывая мою лошадь.

Но у меня был талант исчезать громко и со вкусом, поэтому я спрыгнула с лошади, подхватила сумку и кувшин, выслушала бодрую ругань Итена и бросилась бежать.

— За ней! — скомандовал Златовласка, и его подручные бросились за мной, но Слав неловко повернул коня — или очень даже ловко, загородив им путь, и я шмыгнула в ближайшую подворотню.

Столицу я знала если не как свои пять пальцев, то как десять точно, особенно районы, прилегающие к любимой школе. Поэтому разве можно меня здесь догнать? Конечно нет. А я бежала сломя голову, пока впереди не показались знакомые ворота, в которые я постучала пять лет назад, спасаясь от родительского гнева. Сейчас они были закрыты, зато никто за год не убрал из стены кирпич, который служил моим тайным ключом и проходом. Не знаю, кто делал кирпичный забор вокруг школы, но один кирпичик выбивался из общего ряда и слегка выдвигался вперед. Вот на него-то я и опиралась ногой, перебиралась через забор и спрыгивала с другой стороны, когда не успевала вернуться в школу до того, как закроют ворота.

Сейчас шли занятия, и на территории было тихо. Только шелестел приятный ветерок и качались кроны кленов. Я миновала тенистую аллею, шагнула в главное здание — и ощутила чужие пальцы на локте. Истошно заорала и приложила незнакомца тем самым локтем. Хотя почему незнакомца?

— Студентка Марьяна! И почему я не удивлен? — раздался голос директора, и господин Расс возник передо мной, так сказать, во всей красе. Он распрямил плечи и уставился на меня с немым укором.

— Здравствуйте, — пробормотала я. — Директор Расс, можно с вами поговорить?

— Если бы вы хотели побеседовать со мной, Марьяна, вы бы не проникали на территорию школы, как преступница, а вошли бы в ворота. И уж точно не стали бы меня бить.

— Прошу прощения, но меня ищут.

Я чувствовала себя безумно виноватой перед господином Рассом. Я была очень, очень проблемной ученицей. Могла что-нибудь разрушить, перепутать строки в заклинании, не то смешать в зелье. Из-за меня с завидной регулярностью происходили поединки среди парней. Я и сама в парочке поучаствовала. Наверное, поэтому директор так обрадовался, когда я выбрала для практики отдаленную деревню.

— Кто вас ищет, Марьяна? — устало вздохнул господин Расс. — Родители?

— Нет, стража, — потупилась я. — Понимаете...

— Сначала пройдем в мой кабинет.

Да, директор лучше всех знал, что наша беседа может затянуться надолго. Не в первый раз, и точно не в последний, поэтому мы поднялись на второй этаж и прошли в его кабинет. Кстати, по директору Рассу в лучших традициях сохли все студентки школы. Ему исполнилось тридцать пять, и я искренне недоумевала, почему красивый молодой мужчина выбрал для себя деятельность преподавателя. Но нашему директору она искренне нравилась. Он отчитывал студентов с завидным постоянством и каменным выражением лица, и только со мной у него сложились неровные отношения. С одной стороны, он меня жалел. С другой — я иногда подозревала, что ненавидел.

— Так что у вас произошло, Марьяна? — спросил директор, усаживаясь в высокое кресло. Интересно, сколько седых волосин я добавила в его черную шевелюру?

— Я провалила практику, — ответила, потупившись. — То есть вынуждена была уехать из деревни Тихие Углы и вернуться туда не могу. Пожалуйста, директор Расс, миленький, отправьте меня на два года в другое место.

— И почему же вы не можете вернуться в Тихие Углы? — Директор смотрел на меня с таким выражением лица, что я готова была признаться во всем на свете.

— Я случайно приворожила соседа к крысе, а его жена начала хрюкать. Потом страж Итен Хардинский вылил на себя мое новое, еще не запатентованное зелье для роста волос, и теперь у него волосы до земли, а обрезать их нельзя. Но со стражем я разберусь и обратное зелье сделаю, а вот в деревню не поеду, нет.

— Марьяна, вы понимаете, что лишили себя диплома? — тихо, но оттого еще более угрожающе спросил директор.

— Но почему, директор Расс? Я ведь не отказываюсь проходить практику, просто прошу перевести меня в другое место. Мало ли в Альбертине деревень?

— Три года, Марьяна. Три года вы не смогли прожить без выходов. Думаете, я буду и дальше вас прикрывать?

Я отвела взгляд. Было стыдно. Да, я не оправдала доверия директора Расса. Но ведь с Уланом и Феской так вышло не специально.

— И ничего нельзя сделать? — спросила я.

— Ничего.

— А хотя бы поработать над зельем в лаборатории можно? А то Злато... То есть капитан Хардинский так до конца своих дней и будет щеголять шевелюрой до пола.

— Работайте. Даю вам сутки. — Директор едва ли не скрипел зубами. — Но помните, завтра в полдень вы покинете школу и дальше живите так, как знаете. А по практике вам «неуд». И никто вас с такой отметкой на службу не примет. Только и останется, что выйти замуж.

А вот про замужество он зря, но я сохранила виноватый вид, а директор лично проводил меня в лабораторию.

— Ваша комната при лаборатории сейчас свободна, можете остановиться там, — сказал он. — И прошу вас, ничего не взорвите.

Можно подумать, я хотела устраивать в школе взрыв. Это тоже получилось случайно. Говорю ведь, мое обучение стоило директору немало нервов, но он оказался мужчиной стойким и даже вручил мне диплом с вежливой улыбкой. А потом отправил в Тихие Углы и целый год надеялся, что я не вернусь. Но вот она я!

Родная лаборатория — между прочим, моя личная, потому что работать со мной рядом все отказывались, — встретила пыльными колбами. При ней была небольшая комнатка, где я чаще всего проводила свободное время. Нет, не жила! Жила я с девочками в общежитии, но читала или училась именно здесь. Для начала я избавилась от пыли, затем открыла сумку и вытащила оттуда несколько волосков Златовласки, припасенных, когда заплетала ему косицы. Взяла один волосок, опустила под увеличительное стекло, а затем попыталась вспомнить состав моего зелья для роста волос.

Вроде бы вспомнила. Разложила ингредиенты, подумала, что и чем можно нейтрализовать. Уже почти решилась сварить первый вариант обратного зелья, когда в двери постучали. Наверняка это директор, поэтому распахнула дверь и нос к носу столкнулась с той самой Тихвиной, с которой собиралась познакомить Слава.

- Ой. — Я отступила на шаг, а Тишка бросилась мне на шею.

— Марьяшка приехала! — радостно вопила она. — Теперь директор не только меня гонять будет.

— Подожди, — попыталась остудить пыл подруги. — Почему ты в школе? А практика?

— Так я на практику в школе осталась, хочу тут преподавать целительское дело. А ты какими судьбами? Директор Расс в ужасе!

Вот она, репутация. Я еще ничего не сделала, а директор уже в ужасе.

— Практику провалила, — вздохнула я. — А один страж вылил на себя зелье для роста волос. Вот, пытаюсь справиться с последствиями. Поможешь?

— А то!

Тишку никогда не надо было просить дважды. Мы засучили рукава и принялись за изготовление зелья. От первого варианта волос Итен скукожился и почернел. От второго — еще больше вытянулся. От третьего — вспыхнул. А между тем за окнами стемнело.

— Ладно, пойду я, — засобиравшись Тихвина. — Захочешь поужинать, приходи в столовую.

— Нет, ничего не хочу, устала, — ответила ей. — А ты иди, отдыхай. И спасибо за помощь.

— Завтра продолжим, Марьяша. Ты отдыхай.

И Тишка умчалась, а я пошла в свою любимую комнатку и прилегла на узкий диванчик. Так захотелось спать! Я уже почти уснула, когда услышала, как со скрипом открывается окно. Приподнялась, нащупала у изголовья первое попавшееся зелье и швырнула его в вора.

— Ай! — услышала знакомый голос. — Марьяна, ты чего?

— Ромашка? — зажгла светильник и оценила лицо друга, которое пошло зелеными пятнами. — Ромашка, дорогой!

И кинулась к нему на шею. Сам Ромаш, похоже, был не так уж рад нашей встрече, потому что попытался от меня отодвинуться, но комнатка была маленькая, и вместо этого мы оба завалились на диван. Причем Ромашка снизу, а я — сверху.

— Слезай, задушишь! — просипел он. — Тяжелая, надо не кормить тебя пару дней.

— И тебя тоже.

Между прочим, ответила это не я, а Али, который материализовался в комнате. Надо же, напомнил о себе, когда не ждали. Он протянул мне руку и помог слезть с Ромашки.

— Здесь хоть чем-то кормят? — Ромаш огляделся по сторонам.

— Поздно уже, — ответила я, наблюдая, как исчезают пятна с его лица. — Ужин закончился, но в сумке есть хлеб и яблоко.

Ромашка зашелестел моими вещами, а Али забрался на спинку дивана и сел, как на жердочке.

— Когда ты загадаешь последнее желание? — спросил он.

— Жвущит ужожающе, — прохрумкал Ромашка.

— Как только придумаю, как с тобой сражаться, — ответила я Али. — Так что прости, придется немного подождать.

— Ничего, я привык ждать, — грустно ответил он. — Надеюсь только, хозяин у меня за это время не сменится.

И покосился на Ромашку, а я отрицательно покачала головой.

— Спасибо, Марьяна.

И растаял, оставив меня наедине с некромантом. Но я знала, что Али рядом, хоть и не напоминает о себе. А Ромашка уже доел яблоко и взялся за хлеб.

— Как ты меня нашел? — спросила я.

— Сказал же, что найду, — хитро улыбнулся он. — Я всегда держу слово. А если серьезно, узнал, что к Славу ты не приезжала. Осталось только одно место, куда ты и стремилась: светлая школа. И вот я здесь! Кстати, защита у школы никуда не годится.

— А как ты пробрался через забор? — прищурилась я.

— Там кирпичик в стене торчал, — махнул рукой Ромашка. — Ну как, директор назначил тебе новое место практики?

— Нет. — Я вздохнула устало. — Грозится поставить «неуд». Зато разрешил остаться и поработать над зельем. А ты проведал тех, к кому шел?

— Нет, — вздохнул Ромашка. — У моей сестры свадьба через три дня. Я хочу туда пойти, но так, чтобы не знал отец.

— У тебя есть сестра? — изумилась я.

— Да, но она обделена магическим талантом, поэтому ей, к счастью, не досталась моя судьба.

— Значит, подумаем, как навестить твою сестру. А сейчас давай спать, Ромаш.

— Здесь?

— А у меня другой комнаты нет.

Ромашка пожал плечами и лег на диван.

— Эй! — ударила его кулачком по плечу. — А как же я?

— А что ты? — хитро улыбнулся он. — Ложись рядышком.

— Тут тесно.

— Поместимся.

Спать хотелось сильнее, чем ругаться с ним, поэтому я повозмущалась для приличия, легла на диван, устроилась в объятиях Ромашки, сладко зевнула и уснула.

ГЛАВА 15

— А завтраком в вашей школе кормят?

Я открыла глаза, резко села — и едва не упала с дивана, Ромашка вовремя перехватил.

— Эй, убери руки, — зашипела в ответ.

— Уверена? Упадешь ведь, — пообещали на ухо.

— Ты что, не слышал? Руки прочь от девушки! — рявкнул Али. — Марьяна, тебе помочь?

— Сама справлюсь. — Я осторожно выбралась из объятий Ромашки. — Пойду-ка я за завтраком, пока Ромаш меня не съел, и будем продолжать варить зелье для Итена. Кстати, директор сказал, чтобы я в полдень убиралась, но постараюсь вымолить еще хоть немного времени. Сидите тут, мальчики, и не поубивайте друг друга.

Мальчики слаженно пообещали, что именно этим и займутся, а я со спокойной совестью вышла из комнатухи и потащила в столовую. Студенты уже разбежались по занятиям, и только строгий повар, господин Аскольд, ждал опоздавших и преподавателей, которым было на вторую или на третью пару.

— Марьяна? — удивленно уставился он на меня. — Ты здесь какими судьбами?

— Практика не задалась, дядя Аскольд, — вздохнула я. — Директор разрешил на сутки остаться в школе, а потом убираться вон. Накормите или придется пропадать от голода?

— Конечно, накормлю, — усмехнулся Аскольд. — Садись.

— Мне бы с собой, и две порции. Очень кушать хочется. А посуду я верну.

— И сколько раз я это слышал? Сколько тарелок, ложек и вилок так и не вернулось из твоей комнаты, а пошло на опыты?

— Ну, дядя Аскольд! — взмолилась я.

— Хорошо, будь по-твоему.

Все-таки замечательный он мужик, наш повар. Я подхватила две тарелки с ароматным мясным рагу, в зубах сжала плетеную тарелочку с хлебом, засунула в карман вилку и поспешила обратно в лабораторию. Вот только дверь туда была закрыта. Постучала по ней ногой — и выронила тарелку из зубов, спасаясь от резко распахнувшейся двери. Ромаш застыл, разглядывая меня, а потом звонко рассмеялся. А я запоздало поняла, что хлеб не долетел до пола, Ромашка поймал тарелочку и даже успел сунуть кусок хлеба в рот.

— Завтрак прибыл, — угрюмо сказала я.

Ромашка отобрал у меня тарелки, водрузил на столик, туда же последовала плетенка с хлебом. Я села напротив него.

— Ну, приятного аппетита, — сказала другу и подцепила рагу вилок.

— А мне руками есть? — обескураженно спросил Ромашка.

— Ага. Или подожди, пока я доем и дам тебе вилку.

— Одна вилка спрятана в ящике стола, — бодро сообщил Али.

Они тут что, примирились, пока меня не было? А Ромашка уже нырнул в ящик и достал... нечто. Кажется, на этой вилке я испытывала какое-то зелье, потому что она покрылась ровным слоем зеленого мха, из недр которого Доносился подозрительный стрекот. Ромаш выронил вилку, какое-то насекомое взвилось в воздух, я завизжала и едва не опрокинула тарелку, а Али ловко поймал беглеца и выкинул за дверь.

— Что это было? — спросила я в ужасе.

— Пикси, — ответил Али.

— Подожди... Как пикси? Это был жук какой-то...

— Нет, пикси, только крошечный, — покачал головой Али. — Наверное, из-за действия какого-то твоего зелья не вырос. Или из-за того, что оказался заперт в столе без солнечного света на...

сколько тебя тут не было?

— Год.

— На год. Поэтому давайте быстрее варить зелье, скоро нас отсюда выселят.

Ромашка, впрочем, никуда не торопился и спокойно позавтракал, а я бросилась продолжать исследование. Увы, запас волос Златовласки стремительно таял, а прогресса не было. Оставалось всего три волоска. Показалось, где-то что-то взорвалось, но я-то здесь. Значит, взорвалось без моего участия, и можно спокойно продолжать исследование.

— Получилось!

Мой громкий крик слышали, наверное, по всей школе. А вот грохот открывшейся двери стал неожиданностью, как и замерший на пороге директор Расс.

— Пошла вон! — гаркнул он так, что я чуть не слетела со стула.

— Что произошло? — спросила растерянно. — Я еще из комнаты не выходила. Только позавтракала.

— Хочешь сказать, это не твое?

И поднял за крылышко небольшого человечка, симпатичного, как картинка, но тут же противно заверещавшего.

— Нет, не мое. — Я уверенно покачала головой.

— Тогда почему от пикси за версту несет твоей магией?

— Может, потому что он съел запасы моих зелий в столе, пока меня не было... — предположила я. — Только он точно не мой.

А пикси вдруг жалобно захныкал и протянул ко мне ручонки. С утра он подросток. Видимо, общий магический фон школы хорошо на него повлиял.

— Раз не твой, значит, я его утилизирую, — мстительно пообещал директор Расс.

Пикси заверещал громче, а я подхватила малыша и прижала к себе.

— Вы что! Он же живой. Как можно его утилизировать?

— Значит, он все-таки твой?

— Да! Довольны? И я ухожу, зелье готово.

Посадила пикси в карман, быстро перелила в склянку зелье для Златовласки. Директор тяжело вздохнул и уже открыл рот, чтобы то ли обругать меня, то ли предложить остаться, когда в дверях комнатухи появился небритый взъерошенный Ромашка.

— Марьяна, а это кто? — с интересом спросил он.

— А это кто? — Директор в ужасе уставился на моего друга.

— Жених ее, — поклонился Ромашка. — Простите, что тоже воспользовался вашим гостеприимством.

— Вон!

И полчаса спустя мы с Ромашкой стояли у ворот школы: с чайником в руках, зельем в сумке и пикси в кармане.

— Вот не мог ты посидеть в комнате, — высказывала я. — Обязательно надо было показываться директору на глаза.

— Ты мне или пикси? — усмехнулся Ромашка.

— Вам обоим. Куда жить пойдём?

— Так столица. Гостиниц полно, постоянных дворов, медяшки у нас еще остались, если ты не спустила их на платя. Не успела ведь?

— Я тебя сейчас стукну, — пообещала Ромашке, но уже тоже улыбалась. Действительно, зелье готово, жилье найдем. Зачем расстраиваться? А с директором о продолжении практики поговорю,

когда он остынет. Господин Расс у нас мужик отходчивый.

— И где тут лучшая гостиница? — спросила у Ромашки.

— Зачем нам лучшая? Нам нужна надежная, и она неподалеку. Кстати, комнату для нас я снял еще вчера.

Вот зараза! Но я зашагала за Ромашкой, справедливо решив, что поругаться мы успеем и потом. А сейчас лучше всего мирно пройти за ним, оставить вещи и отнести зелье Златовласке. Признаюсь, о пикси я благополучно забыла. Он тихонько сидел в кармашке и ничем не выдавал своего присутствия. А внешний вид выбранной Ромашкой гостиницы порадовал. Это было добротное бревенчатое здание с резными перилами, высоким порогом, разукрашенными ставнями. Таких сейчас не строили. Ромаш поздоровался с хозяйкой, румяной красивой женщиной, и нас проводили в комнату на втором этаже. Большую, просторную, но с одной кроватью.

— Ромашечка, — тихонько шепнула я, — это что за намеки? То в женихи записываешься, то комнату с одной кроватью снимаешь.

— В женихи записался, чтобы защитить твою репутацию, — беззаботно ответил он. — Ведь лучше, если директор подумает, что с тобой ночевал любимый человек, будущий муж, а не первый встречный. А насчет комнаты — других не было, извини. В столице готовится какой-то фестиваль, сложно найти приличное жилье, да еще и такое, где не встретишь знакомых лиц.

— Ладно, — вздохнула я. — С другой стороны, кровать широкая, поместимся на разных концах. Вишневая улица далеко находится?

— А на другом конце города, — махнул рукой Ромашка.

— И как туда добраться?

Он пожал плечами и сделал невинные глаза. Мол, ни сном ни духом.

— Ладно, мне все равно придется отнести зелье Итену. Будь здесь и присмотри за пикси.

Полезла в карман, но там уже было пусто. И куда подевался малыш? Позвала, но никто не откликнулся. Может, на улице потеряла? А если он там пропадет?

— Ромаш, а где пикси? — спросила друга.

— А мне откуда знать? Если где-то потерялся, это только к лучшему. Противный народец, своенравный. Поэтому не горюй. И потом, велика вероятность, что он найдется.

И все равно было жаль малыша. Я захватила зелье, накидку с капюшоном, чтобы скрывал лицо, и зашагала прочь из гостиницы.

— Подожди, я с тобой. — Ромашка нагнал меня уже на улице.

— Ты что! Тебя же узнать могут, — напомнила я.

— Пусть узнают. Тебе далеко идти, еще обидят.

И предложил мне локоть. Сразу стало веселее. Мы шли молча, но все равно поддержка Ромашки чувствовалась даже так. А еще я и правда соскучилась. Да, его сложно было назвать надежным человеком, но я чувствовала — он именно такой. И защитит в случае беды, и не позавидует в минуту счастья.

А идти действительно оказалось далеко. Слав жил в самом центре столицы, неподалеку от княжеского дворца. Его дом... А лучше сказать, особняк занимал столько места, что там могло бы поселиться с полсотни Славов.

— Не забывай, сколько у него сестер, — напомнил Ромашка, когда я поделилась с ним своими соображениями. — Чтобы от них спрятаться, и такого особняка будет мало.

— И то верно. Ладно, Ромашка, подожди меня здесь и сделай так, чтобы тебя никто не увидел. Я постараюсь вернуться быстро.

— Вряд ли у тебя получится, — улыбнулся мой друг. — Но не беспокойся, я рядом.

Кивнула, легонько обняла его и пошла к дому. Постучала в ворота, дожидаясь ответа.

— Вы к кому? — спросил слуга, одна ливрея которого выглядела лучше, чем мое дорожное платье.

— Меня ожидают князь Велеславий и капитан Итен Хардинский, — ответила я.

Не факт, конечно, что Златовласка тоже здесь, но, если нет, можно попросить Слава передать ему зелье, а потом узнать, есть ли результат. Так было бы даже лучше, потому что в глубине души я побаивалась — вдруг зелье не сработает. Может, надо было взять с собой Али? Если он не защитит, то хоть чайником отобьюсь. С такими мыслями я прошла за слугой в особняк.

— Марьяна! — почти сразу оглушил меня голос Слава, и князь стиснул меня в объятиях. — Ты пришла! Я уже испугался, не случилось ли что-то с тобой. Ты нашла Ромаша?

Я огляделась по сторонам, убедилась, что мы остались одни, и кивнула.

— Вот и замечательно, — продолжал тараторить Слав, который совсем перестал меня бояться. — Как твоя практика?

— Увы, практика, похоже, накрылась медным тазом, — вздохнула я. — Директор и слышать не хочет, что я не по своей воле уехала из деревни Тихие Углы.

— Ничего, я с ним поговорю. Может, он ко мне прислушается? Расскажу, как все было на самом деле. Хочешь?

— Спасибо, Слав. — Я улыбнулась в ответ. — Ты настоящий друг. Кстати, готовься, скоро буду тебя знакомить с невестой номер один.

— Когда? — замер Велеславий и даже побелел.

— Когда скажешь, — испугалась я. — Хоть завтра.

— Х-хорошо. Значит, завтра. Ой, мамочки! Уже завтра? А может, послезавтра?

— Завтра! — рявкнула я. — Извини. А Итен, случайно, не у тебя?

— Да, только что пришел. Хочешь его увидеть?

— Не мешало бы.

— Тогда идем.

Слав пригласил меня в гостиную. Угрюмый Златовласка сидел в кресле, его косы вились по полу и, кажется, еще немного отросли.

— Здравствуй, — сказала я.

Итен вздрогнул, подскочил, зацепился за косу и рухнул в мои объятия. Точнее, на пол, потому что удержать его я не смогла.

— Прости. — Я протянула руку, помогая подняться. — Зато, думаю, я нашла решение твоей проблемы.

И показала волшебный пузырек. Итен уставился на него с неверием и надеждой, будто на великую святыню.

— Это оно? — спросил Златовласка почему-то шепотом.

— Оно самое, — ответила я. — Ну что, пробуем?

Итен только кивнул. Я открутила крышечку и вылила зелье ему на голову. Пару мгновений ничего не происходило, а затем золотистые косицы усеяли пол, а Итен коснулся абсолютно лысой головы.

— Ты что натворила? — взревел он раненым зверем.

— Тебе не угодить, — взвизгнула я и бросилась бежать, а Златовласка... Точнее, уже не Златовласка, а просто капитан Хардинский помчался за мною следом. Увы, теперь ничего ему не мешало, только нога Слава, которую тот быстро выставил вперед, и Итен снова встретился с полом, а я выскочила из особняка и помчалась по улице. На углу меня догнал Ромашка, и остановились мы только, когда едва не свалились с ног.

— Ты что, кого-то убила? — задыхаясь, спросил Ромаш.

— Нет, но Итен теперь лысый, — ответила я, а Ромашка заржал так, что на нас начали оборачиваться люди. — И это вовсе не смешно. Я ведь не знаю, отрастут ли у него волосы.

— Через недельку увидим. Если пушок на голове появится, значит, отрастут, — продолжал хохотать

Ромаш. — Ладно, идем. Что могла, ты уже сделала.

— Почти, — ответила я. — Прогуляемся еще раз до светлой школы. Я обещала Славу жену. Пора ее найти.

ГЛАВА 16

— А где мой кирпич? — спросила я Ромашку, уставившись на совершенно ровную стену, и почувствовала себя так, будто меня лишили лучшего друга.

— Он исчез, — меланхолично заметил Ромашка.

— Что ты стоишь? Это, наверное, ты навел на него директора, а мне теперь надо попасть обратно в школу в обход ворот. Как? Вот как, скажи?

— Элементарно, — пожал плечами Ромаш. — Я тебя подсажу, но обратно все равно придется выходить через ворота.

— Боюсь, обратно меня просто вышвырнут, — покачав головой, ответила я. — Эх, ладно, была не была.

Уже собиралась лезть Ромашке на плечи, когда за спиной раздался голос:

— Марьяна, а что это ты тут делаешь?

— Тишка!

Я неловко поставила ногу и упала бы, если бы Ромаш меня не перехватил.

— Не называй меня так при посторонних, — поморщилась подруга и представилась: — Тихвина, бывшая соседка Марьяны по комнате.

Ромашка сверкнул улыбкой.

— Ромашка, — ограничился он.

— Где? — уставилась на него Тишка.

— Он — Ромашка, имя такое, — пояснила я. — Точнее, Ромаш, но так с детства повелось.

Покосилась на Ромашку. Он беззаботно улыбался.

— А, тогда понятно.

Но по лицу Тишки было ясно, что ничего ей не понятно. Я подхватила ее под локоток и увлекла к ближайшей кофейне.

— Я, вообще, к тебе шла, по делу, — говорила на ходу. — Давай-ка займем вон тот столик возле окошка.

К нам тут же подскочил официант, протянул меню, и его отобрал Ромашка.

— Помни, у нас мало денег, — шепнула другу.

— Ага, — многозначительно ответил он и, к моему счастью, ограничился кофе с булочкой, а я последовала его примеру.

— Так что там за дело? — напомнила о себе Тихвина.

— Тишка, тебе замуж хочется?

Подруга замерла, затем едва не сделала жест, отворачивающий злых духов, а потом тихонько рассмеялась.

— Ну ты даешь, — проговорила она сквозь смех. — Замуж! А что, есть кто-то на примете?

Тишка всегда нравилась мне за деловой подход.

— Есть, — подтвердила я. — Он — молодой красивый князь.

— И молодой красивый князь все еще не женат? — прищурившись, поинтересовалась Тишка.

— Да, — ответила я.

— Что с ним не так?

— Все с ним так, — возмутилась я за Велеславия. — Есть только два недостатка.

— Он храпит? Ест руками? Ковыряется в носу?

— Нет, — рассмеялась я. — Все гораздо проще. У него пять сестер, и из-за них он до одури боится девушек.

Тихвина задумалась. Я ей не мешала, вместо этого уничтожала кофе и булочку. Ромашка тоже поспешно работал челюстями. А то мало ли? Вдруг появится Златовласка?

— Красивый, говоришь? — Тишка пожевала губу.

— Как картинка! Светловолосый, голубоглазый. Опять-таки ты будешь у него первой и последней, с такой-то фобией.

— Ишь, слово какое выискала, — улыбнулась подруга. — Идет! Подавай своего князя.

— Э нет. Ты что, плохо меня слушала? Он девушек боится. Надо избрать наилучший подход. Давай сделаем так...

Мы пошушукались, обсуждая возможные пути исцеления Слава от страха, даже пару раз поссорились, но все-таки пришли к общему мнению. Договорились приступить к операции завтра в полдень. Только я побаивалась идти в гости к Велеславию, справедливо полагая, что там меня может ждать злой и желающий отомстить Итен. Но другого выбора не было. Обещала невесту — будь добра, предоставь.

Именно поэтому в полдень следующего дня мы вчетвером стояли перед воротами Всеславия. Почему вчетвером? Потому что взяли с собой Али. И ему отводилась в нашей затее очень важная роль.

— Готовы? — шепотом спросила я.

— Готовы, — бодро отрапортовала Тишка.

— Тогда расходимся.

Тихвина отошла шагов на десять. Али следовал за ней и вдруг дернул за кошель.

— Помогите! — закричала я. — Воры!

Бросилась к дому Слава и заколотила в ворота. Видимо, Слав очень ждал меня в гости, потому что на зов выскочил сам в сопровождении отряда стражи.

— Воры! — вскрикнула я. — Мою подругу всего имущества лишили!

Али завидел Слава и пустился бежать, и до того ловко лавировал среди горожан! Стража бросилась за похитителем, Велеславий тоже попытался, однако в него вцепилась безутешная Тихвина.

— Обокрали! Ограбили! — причитала она. — Все, с чем приехала в столицу, — все забрали. У-у-у я горемычная.

Я показала Тишке кулак. Пусть не переигрывает. Хорошо Ромашке, наблюдает за нами издалека и в ус не дует. Да и Али уже вернулся в кувшин, а его всё ловят.

— М-можно... — пробормотал Слав.

— Что? — Тихвина уставилась на него из-под полуопущенных ресниц.

— Как-то помочь...

Слав окончательно стушевался, а Тишка просияла.

— Мне это... стыдно сказать... жить теперь негде, — ответила она, теребя в руках кончик шикарной косы. — Платить за гостиницу нечем. Не знаю, как быть.

— А может, окажете мне честь и поживете у меня? — вполне связно спросил Слав.

— Не знаю, насколько это удобно, — ответила Тишка.

— У меня сестра есть. Познакомитесь.

— Оставайся, Тихвина, — подросла я. — Велеславий — юноша честный, в беде тебя не оставит, ничем не обидит.

— А тебя там Итен ждет, Марьяна, — радостно заявил Слав. — Странно, что он еще не здесь.

— Пойду-ка я. — Попятилась назад и уткнулась в чью-то грудь спиной. Увы, не в Ромашкину.

— Какая неожиданная встреча, — пробормотала, оборачиваясь к злему, как демон, Итену. — Здравствуйте, капитан.

— Здравствуй, Марьяна, — сквозь зубы ответил он. — Как поживаешь?

— Замечательно, — ответила, слегка покривив душой. Было бы замечательно, если бы не встретила с ним.

— Мм, занятно. А помочь в моей маленькой проблеме ты не хочешь?

Я не хотела. Вот совсем. То есть надеялась, что она рассосется сама собой.

— Возможно, волосы вырастут сами, — предположила тихонько.

— А если не вырастут?

— То я приготовлю опять такое зелье, каким вас облила. Только немного его усовершенствую.

Итен прищурился, а я сглотнула.

— До этого прекрасного момента идем со мной, ведьма, — грозно приказал он, и поправлять его почему-то не захотелось.

— Эй, уважаемый, — пришла в себя Тихвина, — вы по какому праву оскорбляете дипломированную ведунью?

А я так старалась, создавая для Слава образ тихой и скромной невесты, которая нуждается в его защите. Увы, затея рухнула.

— А вы кто такая? — Итен уставился на неожиданную преграду, а я увидела Ромашку, призывно махающего мне рукой. Бежать? Оставить Итена на Тишку? Я попятилась в сторону Ромашки, но Итен перехватил меня за локоть.

— Я специалист светлой школы Тихвина Лессенская, — ответила подруга. — А вас не имею чести знать.

Ромашка закатил глаза, махнул рукой, и Итен сдавленно охнул. Кажется, ему резко поплохело. Тихвина засуетилась вокруг, оказывая первую медицинскую помощь, а я бросилась бежать. Ромашка перехватил меня за руку и потащил прочь от дома Слава. Увы, теперь вряд ли Слав снова позовет Тихвину внутрь. Ну да ничего, справимся, найдем другую невесту. Просто бойкая Тихвина дала бы достойный ответ сестрицам Слава. Но что поделаешь: Итен не уgomонится, пока не получит свое.

— Давай помедленнее, — взмолилась я. Ноги не слушались, и, казалось, вот-вот упаду носом в землю. Ромашка остановился, перехватил меня и повел к гостинице. Там я упала на кровать, потому что казалось, будто ноги сейчас отвалятся.

— Спасибо, что помог сбежать, — сказала Ромашке. — И почему этому Итену нейдет? Был лохматый — плохо. Лысым ходить тоже не нравится. Неисповедимо ты, сердце мужчины.

Ромашка тихонько рассмеялся и поправил чайник на столе. Ладно, кувшин, а то Али обидится.

— Али, ты там в порядке? — спросила я волшебника.

— В полном, — заверил он, появляясь посреди комнаты. — Хоть прогулялся немного, иначе можно и закинуть. А главное, твоя просьба не противоречила законам кувшина, я ведь ничего не делал. Увы, ряд ограничений слишком велик. Ты уже решила, что будешь делать с последним желанием, Марьяна?

— Нет, — вздохнула я. — Прости, события несутся так быстро.

— А нам и некуда спешить, — угрюмо вмешался Ромашка. — Правда, волшебник?

— Не понимаю, почему ты не даешь Марьяне решить самой, — насупился Али.

— Она и решает сама. Это я тебе не доверяю.

— Мальчики, не ссорьтесь, — перебила я их. — Мне просто нужно время. Если придется сражаться с Али, понадобятся особые зелья. Я ведь светлая ведунья, и техника ведения боя с помощью волшебства мне недоступна.

— Зато доступна мне. Отдай мне чайник, — потребовал Ромашка.

— Кувшин. — Али зло сверкнул очами. — И я лучше навсегда останусь его рабом, чем стану орудием в твоих руках, некромант.

— Мальчики, хватит, а? — взмолилась я. — Ромаш, сходи за едой, пожалуйста, я проголодалась. Али, я сдержу слово и сделаю все, чтобы тебя освободить. А теперь оставьте меня, пожалуйста.

И закрыла глаза. Усталость навалилась камнем сверху. Хотелось стать маленькой и незаметной. Увы, это было невозможно. Зато я все-таки уснула и проснулась от аромата еды. Это Ромашка позаботился о нашем обеде.

— Вставай, соня. — Он поводил булочкой перед моим носом. — Уже вечер, ужинать пора.

Ужинать? Как вечер? Только что был полдень! Я подскочила, будто за мной гнались.

— Вот как булочки влияют на девушек, — рассмеялся Ромаш и отправил в рот большой кусок сдобы.

— Эй, это моя булка! — рассвирепела я.

— Твоя лежит на столе вместе с кашей, мясом, супом. Ужинай, и я отнесу посуду обратно вниз.

Я не стала тратить время на болтовню, села к столу и взялась за ложку. Не заметила, как проглотила все, что было в тарелках. Ромаш, как и обещал, отнес посуду обратно. А когда вернулся, я заметила, что он о чем-то напряженно думает, так как молчаливый Ромашка — это неправильный Ромашка.

— Ты узнал, где именно состоится свадьба твоей сестры? — спросила я.

— Да, — кивнул он, присаживаясь рядом на кровать. — В одном из крупнейших храмов столицы. Там много места, можно будет остаться незамеченными.

— Не понимаю, почему бы тебе не поговорить с ней до церемонии. Уверена, ей тоже очень хочется, чтобы ты присутствовал на свадьбе.

— Не знаю, — вздохнул Ромашка. — Имею в виду, что не знаю, хочет ли она меня видеть. Мы не очень красиво расстались, сильно поссорились. Милиана — хороший человек, и я уверен, она меня простила, но простить и желать увидеть — разные вещи, не находишь?

— Но ты ведь ее брат.

Ромаш пожал плечами. Мне на миг стало его жаль. И почему так сложно найти взаимопонимание с самыми близкими людьми? Вот мы с Ромашкой — совсем чужие, но быстро подружились, и сейчас я не представляю себе, как раньше жила без него. А это сестра, родная кровь.

— Ничего, все обязательно будет хорошо. — Я легонько пожала его пальцы.

— Ты думаешь? — улыбнулся Ромашка.

— Ну конечно. Ты увидишься с сестрой, поздравить ее со свадьбой или хотя бы побудешь рядом, и на сердце снова станет легче.

Ромашка вдруг придвинулся ближе, осторожно коснулся моей щеки и поцеловал. В первую минуту я настолько растерялась, что не знала, как быть, а затем резко отстранилась и покраснела.

— Извини, — тихо сказал Ромаш.

— Да ничего. — Я заправила за ухо выбившийся локон. — Я понимаю, нервы.

— Ага, нервы, — как-то слишком уж нервно ответил он. — Давай спать. Завтра надо сходить в храм, разведать, как туда лучше пробраться. Много работы!

— Я только проснулась, — напомнила Ромашке, но кто меня слушал? Он погасил светильник и лег. Комната утонула в полумраке.

— Пикси! — вдруг вспомнила я. — Ромаш, включай светильник обратно. Мы так и не нашли пикси.

— А что его искать? — вздохнул Ромашка. — Он спит в верхнем ящике стола. Говорю же, день был утомительный. Ложись, Марьяна.

Пришлось уместиться на другом краю кровати. Спать, как назло, не хотелось. А после поцелуя так и вовсе находиться с Ромашкой в одной комнате казалось неправильным.

— Ромаш, а какой он, твой отец? — спросила я.

— С чего тебя это вдруг интересует? — насторожился он.

— Просто хочу знать. Кроме того, что он великий маг и жестокий человек.

— Ты все сказала в одной фразе, — рассмеялся Ромашка. — Великий маг и довольно жесткий человек, который стремится к совершенству. А твои родители? Почему ты вдруг покинула дом?

— Угадай, — хмыкнула я.

— Вижу только одну причину. Тебя хотели выдать замуж?

— Именно, — ответила, поворачиваясь к Ромашке и приподнимаясь на локте. — Только, в лучших традициях, меня спросить забыли.

— И чем тебе не угодил жених? Или ты его не видела?

— Видела.

На самом деле жених был хорош собой. И если бы меня не заставляли выйти за него замуж, возможно, я бы посмотрела на него совсем другими глазами. Но, увы, мы встретились при плохих обстоятельствах.

— Так как?

— Не люблю, когда мне что-то навязывают.

— Мы похожи, — рассмеялся Ромашка. — Ладно, давай все-таки спать.

— Доброй ночи.

— Взаимно, Марьяна.

Я закрыла глаза. Вспоминался высокий темноволосый парень с яркими большими глазами, который глядел на меня с плохо скрываемым превосходством и снисхождением. Мол, так и быть, возьму эту убогую в жены. Нет уж, как бы красив он ни был, свою судьбу я хочу выбрать сама.

ГЛАВА 17

Храм, в котором должна была происходить свадьба сестры Ромашки, поразил мое воображение. В этой части столицы я никогда не была и теперь во все глаза смотрела на белокаменное чудо. Чистый восторг! Вот что я испытывала. Внутри порхали бабочки, и хотелось обнять весь мир. Такое редкое чувство... А Ромашка ходил вокруг, разглядывал все возможные входы и выходы. Я же пригrelась на солнышке и радовалась ясному дню.

— Нашел что-нибудь? — спросила у вернувшегося Ромашки.

— Да, — ответил он, присаживаясь рядом на скамью. — В храме есть боковой вход, можно будет проскользнуть туда. Думаю, придет столько людей, что никто не обратит на нас внимания.

— Будем надеяться, — ответила я. — А еще можно сварить зелье, оно ненадолго изменит твою внешность. Правда, не скажу, что оно особо безопасное.

— Лучше без твоих зелий, — как-то поспешно пробормотал Ромашка.

Дело, как говорится, личное. Я только пожала плечами. На самом деле в плане Ромаша все было просто: прийти на праздник, зайти через боковые двери, которые всегда открыты в праздничные дни, и так же тайком удалиться, передав подарок княжне Милиане. Поэтому следующий день мы провели в безделье.

Я хотела провести Тихвину, но Ромашка был против и просил остаться с ним. Пришлось прислушаться, так что мы валялись в кровати, ели сладости из соседней лавчонки и болтали. Я старалась не думать о недавнем поцелуе, но мысли то и дело возвращались к нему. Зачем Ромашка меня поцеловал? Хотел подшутить? На самом деле испытывал что-то? Я вглядывалась в его лицо, надеясь найти ответ, но ответа не было, только догадки. А если бы спросила напрямую, это показалось бы странным, поэтому оставалось молчать и думать.

Между тем наступил день свадьбы. Ромашка нервничал. Если во время нашего долгого пути только призраки могли его напугать, то сейчас он бродил по нашей комнате из угла в угол и никак не мог найти себе места. Ближе к полудню мы переоделись. Ромашка захватил плащ, я — накидку с капюшоном, и мы поспешили в храм.

До церемонии оставалось около часа, но в храме уже было многолюдно. Мы, как и собирались, проскользнули внутрь через боковой ход. Мне никогда еще не приходилось бывать на свадебной церемонии. Пока жила дома, как-то никто из знакомых не женился, а в школе мы были заняты учебой, а не свадьбами. И вот теперь я жадно впитывала атмосферу праздника, оглядываясь вокруг. Гости сидели на длинных скамьях, играла тихая протяжная музыка. Затем аккорды стали громче, а из двух разных дверей вышли невеста и жених. Невеста по традиции Альбертины была в алом платье, расшитом золотом. А у Ромашки красивая сестра! Она едва уловимо походила на старшего брата. Я сжала пальцы Ромаша, и он благодарно пожал мою руку в ответ.

Жениха ее я тоже видела впервые: многих знала в столице, но вряд ли его нога хоть раз переступала порог светлой школы. Высокий, светловолосый, плечистый.

— Дальний родственник твоего Итена, — с легкой насмешкой шепнул Ромашка.

— Он не мой, — резко ответила я.

— Ладно, как скажешь.

Жених и невеста замерли перед высоким золотистым алтарем.

— А где твой отец? — спросила Ромаша.

— Сейчас явится.

Отец сам будет проводить церемонию? Видимо, да, потому что у алтаря замер мужчина в сером одеянии с золотым шитьем, и вот они-то с Ромашкой были очень сильно похожи. Только у старшего черты лица казались более резкими, будто высеченными из камня, и глаза посажены глубже.

— Старый урод, — прошептал Ромаш.

— Тише.

Он кивнул и закрыл рот. Если нас услышат, нам несдобровать. Никто не будет разбираться, кто кому отец или сын. Так вот он какой, Теодор Ветерей, придворный маг и советник верховного князя Альберта. Когда я училась в светлой школе, городские торжества проходили мимо меня: боялась встретить родителей, да и свободного времени было маловато. Так что о господине Ветерее я,

конечно, слышала, но никогда его не видела.

А придворный маг уже начал читать заклинания, занеся руки над головами молодых. Это должны быть праздничные напевы, но в его исполнении они звучали так зловеще, что мне хотелось спрятаться, укрыться.

— Он всегда такой? — спросила я шепотом. — Страшный.

— Всегда, — угрюмо ответил Ромашка. — Мой отец — далеко не самый приятный человек, Марьяна. Сама видишь.

Да, я видела и не желала свести с господином Ветереем более близкое знакомство. А молодожены уже прочитали слова клятвы и обменивались браслетами, символизирующими нерушимость брака. Затем на их головы опустили венки из цветов — символ нежности и любви, и обвязали одним поясом на двоих — это для плодородия. Потянулись первые ряды поздравляющих. Мы с Ромашкой стали в самый хвост очереди. Я крепко сжимала его руку. Казалось, выпущу — и он куда-то исчезнет. Но Ромаш стоял рядом, опустив голову, и думал о чем-то своем. Я не могла даже догадаться о чем.

Первым к молодым подошел мужчина в таком же плаще с капюшоном, как у Ромашки. Вот только одно неловкое движение — и капюшон слетел с его головы.

— Верховный князь! — пролетел всеобщий вздох.

Он был довольно молод, наш князь Альберт — ему недавно исполнилось сорок пять, вся Альбертина праздновала эту дату, даже деревня Тихие Углы. А вот появление верховного князя тайно на церемонии бракосочетания — большая неожиданность. Вот только Ромаш крепче сжал мою руку.

— Либо это не князь, — прошептал он, — либо...

И кинулся вперед, я удержать не успела. Князь Альберт с растерянной улыбкой наблюдал, как перед ним склоняются люди, когда Ромашка налетел на него сбоку. И стало темно. Хотелось спросить, кто погасил светильники, но ведь был белый день. Я призвала заклинание света только для того, чтобы увидеть, как Ромашка барахтается в черных сетях, над ним стоит его отец, а князь Альберт куда-то подевался. Истошно закричала невеста — и снова стало светло. Надо спасать Ромашку! За нападение на верховного князя его казнят. И почему со мной нет Али?

А если... Я представила себе кувшин, позвала — и ощутила тяжесть в руках. Получилось!

— Али, миленький, спасай Ромашку, это желание, — выпалила я.

И стало еще страшнее, потому что раздался оглушительный треск, кувшин задрожал в моих руках. Ромашка нечеловеческим усилием рванулся, разрывая сеть, и кинулся ко мне, зашарил по карманам, пока Али наступал на придворного мага и его помощников. А Ромаш вдруг достал из кармана мелкую монету и кинул мне в руки:

— Лови!

И я поймала, выпустив кувшин.

— Я покупаю у тебя кувшин, Марьяна, — выпалил Ромашка и подхватил с пола звякнувшую посудину.

— Не-э-эт! — раздался рев Али.

— Ты что натворил! — налетела я на Ромашку, а на нас сверху снова опустилась сеть, и казалось, будто все тело обожгло огнем. Я закричала и потеряла сознание.

Ой, как не хотелось просыпаться! Голова болела, во рту было так сухо, будто ничего не пила дня три, зато тепло. Кто-то тихо дышал рядом. Я чуть повернулась, попала в кольцо знакомых рук и почти уже задремала, когда услышала, как открывается дверь.

— Они до сих пор не проснулись, — раздался незнакомый низкий голос.

— Заклинание было слишком сильным, — ответил Другой, тоже мужской. — И ваш сын слишком сопротивлялся ему.

— Моему сыну лишь бы поступить мне наперекор!

Понятно, обладатель низкого голоса — папочка Ромашки, а с ним говорит, наверное, лекарь.

— Ладно Ромаш. Девчонка-то откуда взялась? — негодовал Теодор Ветерей.

— Да кто их знает, откуда они берутся? — прокряхтел лекарь.

Я улыбнулась. Да, женщины вообще существа загадочные. Пойми, откуда взялись. Бедный лекарь, такое странное открытие.

— Проснулась?

Меня с силой дернули вверх. Я села и вырвалась из чужой хватки, разглядывая неприятное лицо придворного мага. Да, папа Ромашки вызывал отторжение даже внешне. Или это я была так к нему настроена? В любом случае наше знакомство не доставило мне радости.

— Ты кто, убогая? — резко спросил он.

— Я? — Затрепетала ресницами, примеряя образ дурочки, которым водила за нос Итена. — Марьянка, невестка ваша.

Князь Ветерей разинул рот — и резко захлопнул, а я придвинулась к спящему Ромашу поближе.

— Дорогой, — затрясла его за плечо. — Дорогой, ты не хочешь познакомить меня с папой?

— А? — Ромаш сонно открыл глаза и резко сел. Я перехватила его, не давая лечь обратно. — Марьяна?

А затем увидел отца, и его лицо будто окаменело.

— Вот тут нашему папе рассказываю, как рада с ним познакомиться. — Я улыбнулась Ромашке. — И сразу отвечаю на ваш невысказанный вопрос, князь, но уж извините, он читается у вас на лбу: нет, к сожалению, дедушкой вы пока не стали, но мы работаем над этим.

— Дедушкой? — Князь и Ромашка взвыли в один голос.

— Ага, — довольно кивнула я. — Не стесняйся, милый, я уже сообщила твоему папе, что ему досталась лучшая в мире невестка.

И теперь пусть попробует меня с Ромашкой разлучить. Самым скверным в этой ситуации было то, что эта комната каким-то образом оказалась изолирована от магии. Я не чувствовала свою светлую силу, будто кто-то ее выкачал, и от этого становилось страшно. Зато Ромашка быстро принял правила игры.

— Да, с невесткой отцу точно повезло, — заулыбался он, собственнически меня обнял и притянул к себе.

— Вы что, издеваться надо мной вздумали? — взревел князь. — Я же вижу, что на вас нет браслетов.

— Мы — молодежь прогрессивная, нам церемонии ни к чему, — заявила я. — Но вы не беспокойтесь. Уверена, скоро вы меня полюбите.

Князь Ветерей плюнул в нашу сторону и вылетел из комнаты, прихватив с собой и лекаря, а мы с Ромашкой посмотрели друг на друга — и прыснули со смеху.

— У тебя жуткий папа, — отсмеявшись, заявила я.

— Не то слово! — заверил он. — Но скверно не это, Марьяна.

— Кстати, по поводу «скверно». Ты зачем раскрыл себя? Зачем кинулся к верховному князю? Мы могли тихо поздравить твою сестру и уйти.

— Все дело в том, что верховный князь Альберт мертв.

Я уставилась на Ромашку, не веря собственным ушам.

Как это — мертв? Я же видела его на церемонии. Он сам ходит, улыбается... Двойник?

— Нет, это не двойник, а сам князь, — ответил Ромашка на мой вопрос. — Умелый некромант, которым, без сомнения, является мой отец, зацепил нить его жизни и не дает последней искре угаснуть, но князь все равно мертвец, даже несмотря на то, что его тело движется, послушное кукловоду.

Как страшно... Смеяться мигом расхотелось.

— Да, я поступил глупо, выдав себя. — Ромаш опустил голову. — Но мне на миг показалось, что

мертвец может причинить вред моей сестре.

— Я все понимаю, кроме одного: ты зачем выкупил у меня кувшин?

— А ты хотела сражаться с Али прямо там? Без защиты, без зелий, среди сотни людей, каждый из которых может стать жертвой. Нет уж, теперь Али придется исполнить мои три желания, и я сражусь с ним сам. И первым станет наше освобождение.

Ромашка, как и я в храме, попытался призвать кувшин, вот только Али не откликнулся на зов.

— Что происходит? — нахмурился Ромаш.

— Здесь нет магии. Ты не чувствуешь?

Ромашка попытался создать хоть какое-то заклинание, но не смог и беспомощно уставился на меня.

— Мы в ловушке, да? — спросила я тихо.

— Похоже на то.

— Вы, может, и да, а я — нет! — заявил звонкий голосок, и прямо перед моим носом завис малыш-пикси.

— Нашелся! — радостно воскликнула я. — Ты где был, золотко?

— Как это где? Я все время был рядом, — важно ответил пикси. — Ты просто меня не замечала, потому что я такой крошечный. Но уже подрос.

И правда подрос. Из маленького насекомого стал размером со стрекозу.

— А почему ты можешь использовать здесь магию? — спросила я у малыша.

— Разве не ясно? Я и есть магия. Так что для меня все двери открыты.

— Ты сможешь отпереть замок? — спросил Ромашка.

— Там не замок, а засов с другой стороны, — вздохнул малыш. — Я еще слишком маленький, мне его не поднять. Но могу позвать на помощь ваших друзей. Того парня с волосами или князя. Хотите?

Мы с Ромашкой переглянулись. Нет, впутывать в это ребят не стоило. Но, с другой стороны, что мы будем делать, если нам никто не поможет? Надо хотя бы дать знать Славу, где нас искать.

— Найди князя, — попросила я пикси. — Князя Слава. Расскажи, где мы находимся, и оставайся с ним, я тебя потом заберу. Хорошо?

Пикси закивал часто-часто, потом пронесся по комнате и вдруг исчез. Я даже не заметила, в какую щель он шмыгнул.

— На помощь не стоит рассчитывать, — тихо сказал Ромаш. — Слав, конечно, хороший парень, но не ему тягаться с моим отцом.

— Но лучше хоть какая-то надежда, чем никакой, — ответила я. — А нам с тобой нужно подумать, что делать дальше.

— Давай для начала выслушаем моего отца. Уверен, он скоро явится и опишет свое видение ситуации. А пока отдохнем, раз уж выпала такая возможность.

Ромаш был прав. И хоть в нашей ситуации об отдыхе говорить не приходилось, но для начала надо бы успокоиться и прийти в себя. Князь мертв... Давно ли? Почему об этом никому не известно? Какие цели преследует отец Ромашки? Бойтся, что наследник не оставит его на прежней должности? Я уже ничего не понимала, поэтому послушалась своего более сведущего друга. Время покажет.

ГЛАВА 18

— Почему ты назвалась моей женой? — спрашивал Ромашка.

— Ну ты ведь назвался моим женихом, — хихикала я. — Так почему бы и нет? Пусть твой папа поскрипит зубами. Он, наверное, думает, что я подзаборная девка.

— А он не прав?

— Я тебя ударю, — пообещала Ромашке. — Между прочим, моя семья не хуже твоей.

— Во всех отношениях, — усмехнулся Ромаш.

— Да уж, это точно. Правда, мой папа — светлый маг и не запирает меня на кладбище.

— А стоило бы?

— Точно ударю!

Мы возились, дурачились, стараясь не думать о плохом, но мысли возвращались к мертвому князю, и становилось жутко. Поэтому когда распахнулась дверь и на пороге снова появился князь Теодор Ветерей, я испытала почти радость. Пусть уже рассказывает, что ему надо, и катится лесом.

— Ромаш, мне надо поговорить с тобой наедине, — вместо этого заявил князь. — Следуй за мной.

— Еще чего, — нахмурился Ромашка.

— Это приказ.

— Я не подчиняюсь твоим приказам. Говори при моей... половинке.

Какое хорошее и красивое звание: моя половинка. Глупое сердце застучало быстрее, и я улыбнулась. Мне нравилось.

— Эта девица... — Князь с брезгливостью покосился на меня.

— Между прочим, эта девица — дипломированная светлая ведунья, — задрала нос, не уточняя, что провалила практику. Пусть знает, с кем связался!

— И дочь князя Эрдерина, — добавил Теодор. — Любимица, которая сбежала из дома и много лет скрывается от родителя. Не беспокойтесь, княжна Мария, ваш батюшка уже оповещен о вашем месте пребывания и едет сюда.

О нет! Плохи мои дела. Встреча с отцом ну никак не входила в планы. Ромаш опустил свою ладонь на мою руку, успокаивая. Да, мы оказались в одинаково скверной ситуации. Но, уверена, пикси приведет подмогу, если Слав решится нам помочь.

— Так что, Ромаш, уделишь мне пару минут?

— Князь Альберт мертв. Зачем вы это скрываете? — выпалила я.

— Умная княжна, — хмыкнул Теодор. — Ромаш поделился знаниями?

Я молчала и испепеляла Теодора взглядом. Мы бы могли играть в гляделки еще долго, но Ромашка не выдержал первым.

— Отец, зачем тебе это? — спросил он. — Я же вижу, что князя Альберта держит на грани смерти единственная нить, и уже довольно долго. Как он умер?

— Яд, — ответил маг. — Это был яд, мы не успели ничего сделать.

— Но зачем убеждать всех, что он жив?

— Хороший вопрос, Ромашка.

А я не верила, что папа его так называет. Зря не верила! Не удержалась и захихикала, но маг пригвоздил меня к месту тяжелым взглядом.

— Ты находишь в ситуации повод для смеха, княжна?

— Нет, ситуация грустная, — ответила я. — Но радует, что при вашей профессии в вас сохранилось чувство юмора.

— О чем это она? — спросил Теодор Ромашку.

— Понятия не имею, — пожал тот плечами и улыбнулся мне. Все-то он понял.

Вдруг откуда-то послышался грохот. Князь подскочил, кинул на нас нечитаемый взгляд и вылетел из комнаты.

— У тебя страшный папа, — прошептала я.

— Согласен. Как думаешь, что там происходит? — спросил Ромашка.

— Думаю, это кто-то пришел по наши души.

Потому что, по моим подсчетам, должна быть ночь. Увы, убедиться в этом я не могла — единственное окно в комнате было закрыто плотным щитом, сквозь него ни лучика не попадало внутрь. И как же тяжело просто ждать! Я терпеть не могла чувства, будто мне связали руки, а сейчас ощущала себя именно так: под замком, беспомощной, и если бы рядом не было Ромашки, совсем бы пала духом. Понимала, что поступаю вопреки всем нормам этикета для юных княжон, но разве впервой? Поэтому, наплевав на все, забралась в объятия Ромашки. Он прижал меня к себе, легонько коснулся губами волос.

— Спасибо тебе, — сказал тихо.

— За что это? — спросила я.

— За то, что рядом. Ты могла бы уйти там, в храме, а не бросаться мне на помощь.

— С ума сошел? Я друзей не бросаю.

— Друзей? — Ромашка почему-то грустно улыбнулся.

— А разве нет? — прищурилась я.

— Тебе виднее.

Хотела было спросить, что он имел в виду, но дверь снова распахнулась, и в комнату влетел Слав, следом за ним — Итен и, наконец, Тихвина с верещащим пикси в руках. И завершил «парадное шествие» злой как демон некромант Теодор.

— Да как вы смеете! — взвилась Тихвина, кидаясь на него. — Я — дипломированный специалист...

— Еще одна дипломированная, — презрительно поморщился князь Теодор.

— Нас будут искать, — подал голос Слав, а Итен попытался кинуться на врага, но князь рывкнул:

— Сидеть!

И наша живописная компания рядом застыла на кровати.

— Вы! — шипел Теодор. — О чем вообще думали? Все пятеро. Шестеро, включая пикси. Ладно эти двое, но вы-то?!

«Эти двое» — конечно, мы с Ромашкой. А до меня постепенно начинало доходить... Ведь все просто. Князь мертв. Кто им управляет? Теодор. Кто дергает за веревочки? Теодор. Власть. Вот чего он хочет. Вот почему на троне сидит мертвец, и если бы Ромашка этого не узнал, так продолжалось бы и дальше.

— Князь Ветерей, — угрюмо сказал Итен, а я радостно заметила, что пушок на его лысой голове все же появился. Значит, волосы отрастут. — Вы насильно задержали не только своего сына — это уже дело семейное, — но и его спутницу.

— И кем же она вам приходится? — прищурился Теодор.

— Невестой, — без запинки выдал Итен, а Ромашка закатил глаза.

— Как, и вам тоже?

— А я еще не определилась, — ответила ошалевшему князю Теодору. — И вообще, капитан Хардинский прав. Вы не можете нас удерживать. Мы не нарушали закон.

— А то, что вас разыскивают по всей стране, Мария, не в счет?

— Марьяна, — поправила я.

— Кто ее разыскивает? — поинтересовался Итен.

— Ваш будущий тесть, — обрадовал несчастного Теодор. — Так на чем мы остановились? Ах да. Мне все равно, кто из вас двоих женится на этой девице. Все равно, кем вы ее считаете, но вы вмешались в дело, которое вас не касается. О чем вы думали, капитан, когда решили тайком проникнуть в чужой дом?

— Мы хотели спасти друзей, — ответил Слав. — Пикси сказал, что вы их мучаете.

Спасибо, малыш. После этого добрый Слав конечно же бросился нам на помощь. И попал в ловушку. Теперь все, кто мог бы помочь, сидят со мной рядышком на кровати и делают вид, что все идет по плану. А плана нет, и помощи ждать неоткуда.

— Мучаю? — загрохотал голос Теодора. — Кого? Его?

И ткнул пальцем в Ромашку, который был выше отца на полголовы и гораздо шире в плечах.

— Или ее?

Это уже ко мне относится, но я сделала несчастное лицо, и глаза Слава запылали гневом.

— Да, их, — ответил он. — И нас вы тоже задержали незаконно. Мы обратимся в суд.

— Куда? Вы издеваетесь надо мной? Ромаш — мой сын.

— Мы знаем. Как и то, что он не хочет здесь находиться и вы притащили его сюда силой.

— Он напал на верховного князя.

— Это ему уже не повредит, — буркнула я, а страшный маг вдруг схватился за грудь и посерел лицом.

— Отец? Что такое? — Ромашка тут же встrepенулcя и бросился к нему.

— Довел старика? Доволен?

Старика? Ну-ну. С каких это пор, интересно? Князю едва ли было больше пятидесяти. Но Ромаш уже усадил Теодора в кресло и протянул стакан воды.

— Подвинься, — скомандовала ему Тихвина. — Князь, не надо так нервничать.

А сама зашарила по карманам и достала странный пузырек. Это еще что такое? Судя по запаху, целительский настой, потому что в нос сразу ударил знакомый аромат травяного сбора. Тихвина развела содержимое в воде и протянула Теодору.

— Пейте, князь. До дна.

Постепенно на лицо Теодора возвращались краски. Мне даже стало его жаль, и суровый некромант уже не казался таким суровым.

— Что происходит, отец? — тихо спросил Ромаш. — Расскажи откровенно.

Тот смерил нас долгим тяжелым взглядом.

— Хорошо, — ответил он. — Но вы поклянетесь на крови, что ни слова из нашего разговора не станет известно посторонним.

На крови? Я поморщилась. Тем не менее протянула руку, чтобы Ромашка проткнул мой палец тонкой иглой, переданной Теодором, и капелька крови упала в опустевший стакан, где еще недавно была вода. Теодор прочитал над ним заклинание, и кровь будто испарилась.

— Начну с того, о чем уже догадался мой сын, — угрюмо сказал он. — Князь Альберт мертв. Почти мертв, лишь одна ниточка держит жизнь в его теле, и, как только я сниму заклинания, ниточка оборвется.

Наши друзья слаженно ахнули, а я придвинулась поближе к Ромашке.

— Я думаю, что князя отравили, но не знаю кто, и доказательств нет, а желающих много.

— Зачем вы держите Альберта в мире живых, князь? — спросила я.

— А вот тут начинается самое непростое, Мария.

— Марьяна.

— Как вам будет угодно, княжна.

Друзья покосились на меня, а я густо покраснела. Расскажу им обо всем потом.

— Дело в том, что наследник престола Альбертины исчез. Он уехал, чтобы навести порядок в северной Альбертине, и пропал. И если Альберт сейчас умрет, то...

— Будет смута, — поняла я.

— Умная девочка, — усмехнулся Теодор. — Каждый из князей Альбертины захочет престол себе.

— Не каждый, — недовольно поправил его Велеславий.

— Да, вы будете редким исключением, князь Листвина. Но все же большинство попытаются заполучить власть в свои руки. Мои люди ищут наследника, однако, увы, бесплодно. Я только знаю, что он жив. Но где?

— Это понятно, — вмешался Ромашка. — Вопрос в другом. Нам-то ты почему об этом рассказал? Я хорошо знаю тебя, папа. Чего ты добиваешься?

Образ злобного некроманта напомнил о себе. А может, мой лекарственный цветок прав и его папа затевает свою игру? Где гарантия, что он не замешан в исчезновении наследника Альбертины?

— Вы так на меня смотрите, княжна, будто я ем юных дев на завтрак, — усмехнулся князь Теодор. — А чего я добиваюсь, Ромаш... Спокойствия для нашей страны. Я хотел попросить тебя, чтобы ты отправился на поиски наследника. Я бы поехал сам, но не могу. Сил остается все меньше, и скоро я не смогу удерживать жизнь Альберта Двенадцатого. И тогда начнутся волнения.

— И ты думаешь, я соглашусь?

— Я дам вам время на размышления. Пока будьте моими гостями, но не покидайте этот дом. Увидимся позднее.

И князь, поклонившись нам, покинул комнату.

— Вот тебе и новости, — прошептала я.

— Не то слово, — откликнулся Слав.

— Вы что, ему верите? — гаркнул Ромашка. — Мой отец — старый интриган. Он кого хочешь заставит плясать под его дудку, сами не опомнитесь. Ему нельзя доверять.

— Тем не менее он твой отец, — вздохнула Тихвина, а пикси сдавленно пискнул.

— Значит, так, — подвел черту Златовласка. — Не знаю, как вы, а я присягал на верность князю Альбертины. И если над страной нависла угроза, я сделаю все, чтобы защитить наше государство. Так что я еду.

— Я тоже, — подал голос Слав. — Листвин — маленькое княжество, нас просто затопчут и не оглянутся. Ты с нами, Тиша?

Тихвина вдруг густо покраснела и смущенно взглянула на Слава. Я чего-то не знаю? Когда эти двое успели спеться?

— С вами, — ответила она. — Только возьму отпуск в школе. Марьянка, а ты?

— Я бы поехала, — вздохнула украдкой, — но есть одна проблемка.

— Какая? — угрюмо спросил Ромаш.

— Дело в том, что мы хорошо знакомы с будущим Альбертом Тринадцатым, и так уж вышло, что он... мой жених.

ГЛАВА 19

И почему все так на меня смотрят? Подумаешь, жених... И потом, я своего согласия на свадьбу не давала, папа все решил за меня.

— Третий, что ли? — колко улыбнулся князь Теодор, появляясь в дверях, как злой волшебник из сказки. — Да, княжна, как много поклонников у вашей красоты.

И вроде как не обидел и посмеялся, так как красавицей я не была, поэтому ответила я резко:

— Поклонников хватает. И это вы просите нас о помощи, князь.

— Если уже конкретно, я прошу не вас, а своего сына. Но он один не пойдет, поэтому лучше уж отправить всю компанию. Кстати, Ромаш, большое достижение для тебя — такое количество друзей.

Ромашка поморщился и открыл рот. Видимо, хотел сказать, что никакие мы не друзья, но промолчал. А ведь на самом деле: здесь собрались люди, которые стали для меня ближе всех. Собрались, чтобы спасти меня и Ромашку. Хотя, признаться честно, от Итена не ожидала.

— Так как там с женихом? — угрюмо напомнил Ромашка.

— Видишь ли, — непонятно почему смутилась я, — мой отец — князь Эрдерина. Они давно дружили с верховным князем Альбертом, и зашла речь о том, чтобы в будущем породниться. Княжич Альберт приехал к нам в Эрдерин для заключения договора о помолвке, и так он мне не понравился, что я сбежала из дома, потому что отец и слушать не хотел об отказе от замужества. Но официально Альберт числится моим женихом. Если, конечно, ничего не изменилось.

— Чем же тебе княжич не угодил? — робко спросил Слав.

— Заносчивый слишком, — ответила я. — Глядел на меня свысока. Было заметно, что ему этот брак нужен не больше, чем мне. Да и потом... На язык невоздержан, вот. А я это качество в мужчинах терпеть не могу.

Раздался тихий смех. Я уж никак не ожидала, что смеется отец Ромашки.

— Ладно, кандидатка в невестки, — похлопал он меня по плечу, — твой рассказ очень интересен, но мне есть что к нему добавить. После того как Альберт тоже наотрез отказался жениться на «хамке неотесанной», отец отправил его в северные земли, чтобы тот немного остыл и набрался ума. А получилось...

— Что получилось, — за него договорила я. — Только моей вины тут нет, я его не просила ко мне свататься. А если он исчез, так я тоже исчезла. Может, он просто видеть вас не хочет.

— Может быть, — согласился князь. — Увы, я у него спросить не могу. В последний раз Альберта видели в городке Гусь. Он собирался охотиться в тамошних лесах. То ли охота не задалась, то ли, как говорит юная княжна, Альберт решил избавиться от родительской опеки, но факт остается фактом: он исчез. Так как, поможете?

— Попытаемся, — ответил Итен. — Но советую вам не темнить, князь, и рассказать все, что знаете.

— К сожалению, это и есть все, — вздохнул некромант. — Я посылал туда отряды, но новостей никаких нет. Будто княжич сквозь землю провалился.

— Как-то не радуется. Ладно, тогда давайте собираться. На рассвете встретимся возле дома Слава...

— Э нет! — перебил его Теодор. — Откуда мне знать, что вы все-таки явитесь? Отсюда поедете. Комнаты готовы.

— Так дело не пойдет. Это вам нужна наша помощь, а не наоборот. Тем более мы дали клятву. Что еще?

— Хорошо, — решил Теодор. — Но Ромаш остается здесь.

Мы с Ромашкой переглянулись.

— Тогда и я остаюсь, — сказала я тихо. — Только кувшин верните и дайте забрать вещи из гостиницы.

— Вещи вам привезут и кувшин вернут, — пообещал князь. — Остальных проводят домой.

Друзья попрощались с нами и пообещали, что утром будут готовы к дальней дороге. Их увели, голоса стихли, а мы с Ромашкой остались вдвоем. Впрочем, ненадолго: Теодор почти сразу

вернулся.

— Сестра и мать хотят видеть тебя, — угрюмо сказал он Ромашке. — Заметь, что Милиана оставила супруга в такую ночь, неблагодарный. И раз уж вы со спутницей неразделимы, ее тоже приглашаю к нам присоединиться. Поужинаете с нами, Мария?

— Марьяна.

— Не важно.

— Очень важно, князь. И да, я поужинаю с вами, хотя, судя по ощущениям, уже глубокая ночь.

— Мой сын исчез пять лет назад. — Теодор с горечью усмехнулся. — Как думаете, моя жена сейчас спит, зная, что он вернулся?

— Нет, — ответила я.

— Дочь тоже места себе не находит и вырвалась всего на полчаса. Так что идите за мной.

Я постаралась на ходу пригладить растрепанные волосы — все-таки сейчас предстоит знакомство с семьей Ромашки, а сам Ромаш даже не смотрел в мою сторону, с головой погрузившись в невеселые думы.

— Все будет хорошо, — шепнула ему, крепче сжимая руку.

— Спасибо, — улыбнулся он. — Не знаю, что бы я без тебя делал.

Думаю, без меня неприятностей на Ромашкину голову стало бы меньше. Но это, конечно, не доказано, поэтому промолчала. А нас уже ввели в большую, сияющую огнями столовую, которая никак не походила на комнату в логове некроманта. За столом сидела сестра Ромашки Милиана, которую я тут же узнала — да, брак у нее начался невесело. А за ее спиной стояла красивая женщина, настолько утонченная, что дух захватывало. А Ромаш похож на маму! Такой же светло-русый цвет волос, такие же ясные глаза. И черты лица немного напоминали мамину.

— Ромашка! — Женщина всплеснула руками, кинулась сыну на шею и разрыдалась.

— Здравствуй, мама, — с заметной прохладцей ответил тот. — Мила, поздравляю со свадьбой. Прости, подарок отобрал отец.

Теперь и Милиана всхлипнула и бросилась к брату. Только вместо того, чтобы обнять, отвесила хороший подзатыльник.

— Ты что натворил? — спросила она, вглядываясь в его лицо. — Мы чуть с ума не сошли, бестолочь такая! Ночей не спали, тебя искали.

— А зачем меня искать? — прищурился Ромашка. — Я же для вас — сплошное разочарование.

— Ромаш, миленький, что ты такое говоришь? — вцепилась в него мать. — Мы искали тебя каждый день, каждый час.

— И это сильно усложнило мне жизнь. Ну да ладно, утром я снова уеду, а отец настаивал, чтобы мы хотя бы вместе поужинали.

Ох и Ромашка! Хотя, если бы это были мои родители, я бы тоже не лучилась радостью.

— Уже утром? — Мне стало очень жаль Ромашкину маму. Еще бы! Не видеть сына столько лет и встретиться всего на один вечер. — Теодор, что он такое говорит?

— Правду, — угрюмо ответил некромант. — Утром Ромашу придется уехать. Но на этот раз он вернется.

Судя по лицу Ромашки, мысленно он послал отца к демонам.

— Кстати, знакомьтесь, Мария, светлая ведунья, — представил меня Теодор.

— Марьяна, — поправила я снова. Просила ведь!

— Моя супруга Динара и дочь Милиана. И раз уж все познакомились, давайте ужинать.

Мы сели к столу. Прислуга споро подала овощное рагу, запеченное мясо, куриные крылышки под соусом, напитки. Я тихонько жевала и старалась как можно меньше привлекать к себе внимание, а сестра и мама Ромашки косились на меня. Наверное, им было любопытно, откуда я взялась и кем прихожусь их сыну. Будто прочитав мои мысли, Теодор неожиданно сказал:

— Забыл сообщить, что Марьяна — невеста Ромаша.

Ромашка закашлялся. Я заботливо постучала его по спине. Вот так подвох! Мы ведь пошутили, и Теодор уже понял, что на одну мою руку есть слишком много претендентов. Но Динара радостно ахнула, бросила приборы и кинулась ко мне. Обняла так, что затрещали кости.

— Подождите, — попыталась я остудить ее радость, — у нас еще ничего не решено! Мы только недавно...

Хотела сказать «познакомились», но Динара поняла все по-своему.

— Я всегда знала, что Ромаш встретит замечательную девушку, — затарахтела она. — Простите, Марьяна, откуда вы родом?

— Марьяна — дочь князя Эрдерина, — за меня ответил Теодор, разрушив всю интригу.

— Да? Как замечательно! Мы очень дружны с вашим батюшкой, дитя.

Дружны с моим батюшкой? Плохи наши дела.

— Вы знаете, для меня как-то слишком много эмоций на сегодня. — Я проводила тоскливым взглядом остатки ужина. — С вашего позволения, я отдохну немного.

И сбежала, оставив Ромашку на растерзание семье. Думала, он тут же примчится следом, но, видимо, Ромаш решил задержаться и побыть с близкими, потому что появился он только час спустя.

— Ну, что там? — Я приподнялась на локте. — Ты объяснил матери, что мы не жених и невеста?

— Не стал, — с каким-то странным выражением ответил Ромашка.

— Почему?

— Сказать никогда не поздно.

Я подвинулась на край кровати, слушая, как он укладывается рядом. Хотелось о многом спросить, но, с другой стороны, если бы Ромашка хотел о чем-то рассказать, он бы это сделал. Но мой друг молчал, молчала и я.

— Не могу уснуть, — пожаловалась ему. — А рано утром в дорогу.

— Если хочешь, я тебя обниму.

Да, предложение неприличное, но я придвинулась к Ромашке и опустила голову ему на плечо. Сразу стало спокойнее, будто кто-то отгородил все тревоги плотной завесой. Я закрыла глаза и задремала, постепенно проваливаясь в глубокий сон. А проснулась оттого, что Ромашка тряс меня за плечо.

— Да просыпайся же ты! — бубнил он. — Марьяна, ты так останешься, а мы уедем.

Точно, надо ехать! Я подскочила и молнией пронеслась по комнате, умываясь и одеваясь чуть ли не одновременно. Позавтракать времени не было. Ничего, теперь, когда нас не ищут, можно позавтракать по дороге. Поэтому я быстро причесалась, сунула ноги в ботиночки и замерла перед Ромашкой.

— Ты прямо как солдат, — рассмеялся он.

— Так ехать же пора, — ответила ему. — Тебе кувшин вернули?

— Отец сказал, что вернет на выходе. Идем?

На этот раз дверь открылась без проблем, никакой засов ее не удерживал. Сам князь Теодор ждал нас на первом этаже. Он выглядел хмурым и сосредоточенным.

— Доброе утро, — поприветствовала я его, хотя, судя по лицу князя, добрым оно для него не было.

— Здравствуйте, — ответил некромант. — Я подготовил для вас вещи в дорогу, рекомендательные письма к губернатору города Гусь и...

— Кувшин, — напомнила я. — Нам не вернули кувшин.

Князь ушел на минуту и вернулся со знакомым кувшинчиком в руках. Наконец-то! Я прижала кувшин к себе, как величайшую ценность. Наверняка там Али с ума сходит от беспокойства. И еще вряд ли он рад, что Ромашка его выкупил... Вместе с тем князь передал нам два вещевых мешка с

нашей одеждой и запасом провизии.

— Лошади готовы, — сообщил он. — Ваши друзья тоже ждут. Надеюсь, мне не надо напоминать, что вы дали слово молчать?

— Мы помним, что обещали, князь, — ответила я. — И надеюсь, что не пожалею об этом. А вы постарайтесь продержаться до нашего возвращения. Кстати, кто управляет Альбертом сейчас, когда вы здесь?

— Император спит, — усмехнулся некромант. — Он поздно встает, так что я, если можно так выразиться, успею к его пробуждению. А сейчас он не нуждается в дополнительном контроле. Только времени остается все меньше, поэтому, пожалуйста, сделайте все, от вас зависящее, чтобы наша страна не распалась на части.

Ромашка кивнул. Он в эти дни вообще был на редкость неразговорчивым. За окнами мелькнула тень. Уверена, это его мама наблюдала, как снова уезжает сын.

— И еще хотел сказать... — Теодор на миг запнулся. — Я рад, что сумел найти тебя, Ромаш. Верь или нет, но мы беспокоились. Поэтому береги себя, не злись на нас и возвращайся домой.

— Я подумаю, — ответил Ромашка и кивнул мне.

Мы забрались на лошадей и выехали за ворота дома. Очень хотелось немедленно позвать Али, но я чувствовала, что за нами наблюдают. Нет, не сейчас, потом. Друзья уже ждали нас. Я с удивлением заметила, что к Итену, Славу и Тишке присоединилась Любима. Она посмотрела на нас свысока и заявила:

— Вижу, вы живы и здоровы. Мы только зря волновались.

Так они волновались! Я еще не успела ответить, когда из кармана выбрался пикси и бросился к Любиме.

— Красива-я-а-а, — на лету заверещал он.

Любима тоже завизжала и пустила лошадь вскачь, спасаясь от пикси.

— Я так думаю, что это сигнал: нам пора ехать, — рассмеялся Ромашка.

— Да, тем более Любима поскакала в нужном направлении, — тихо ответил Слав. Едем?

— Давай, пока твоя сестра не нашла пропажу раньше нас, — фыркнул Итен.

— Она даже не знает, кого мы ищем.

— Но это ей не мешает. Вперед!

Я в последний раз оглянулась на столицу. Да, жаль снова уезжать, но наша помощь нужна Альбертине. И потом, я надеялась, что это даст Ромашке шанс примириться с родителями. Значит, стоит рискнуть.

ГЛАВА 20

Северные княжества. Ближайшее находилось в неделе пути от столицы, а город со славным названием Гусь, в котором пропал мой несостоявшийся жених Альберт, располагался еще в трех днях пути от границы. Итого десять дней. Из охраны у нас был только Итен — хотя, конечно, и меня, и Ромашку сложно назвать беспомощными, но мы не воины. О Тишке и Любиме и говорить не приходится. Насчет Слава я ничего не могла сказать, но мечта у князя не было. Он владеет магией? Или просто не владеет оружием? Любопытный вопрос, ответа на который я не знала. А пока рассеянно слушала рассказ о приключениях наших друзей.

— Ну и шум стоял после вашего визита в храм! — как раз говорил Слав. — Весь город гудел, но мы-то сразу поняли, что это вы. Тем более замуж выходила Ромашкина сестра.

— Да, а потом Велеславий узнал, что папа Ромашки запер вас в своем особняке, — добавила Тихвина. — И мы решили...

— Подожди, — перебила я ее. — А как так получилось, что вы со Славом объединили усилия?

— Ну так как же? — Тишка бросила на Слава внимательный взгляд, но князь больше смотрел под копыта коня, чем на нее. Понятно, а я так надеялась, что не придется варить зелье и получится обойтись малой кровью. Хотя, может, и получится? — Слав ведь защитил меня от вора.

— Вора? — пискнул пикси, который так и ехал на плече Любимы. — А вора задержали?

К счастью, нет, подумала я, иначе меня ждало бы очень неприятное объяснение с Али. Снова покосилась на кувшин. Когда уже я останусь одна? Ромашка пытался отобрать у меня жилье — или же тюрьму — Али, но я не отдала и везла кувшин сама.

— Он все выронил при бегстве, — отмахнулась Тихвина. — А я так плохо себя чувствовала, что осталась ночевать у Велеславия. Мы познакомились с Любимой, разговорились, а у меня был выходной, и я задержалась еще на денек. Тут вскоре и вести подоспели. Мы поняли, что надо вас спасать, и Итен придумал операцию.

Я покосилась на неожиданного помощника. Златовласка молчал и угрюмо грыз травинку. Учитывая, что ехали мы уже долго и без остановок, травинка должна была превратиться в мочало, но она стойко держалась в крепких Златовласкиных зубах.

— Увы, как сама видишь, план немного провалился, — добавила Тихвина и снова покосилась на Слава. Кажется, князь подружке приглянулся. Интересно, а она ему? Главное, с сестрицей поладила, потому что Тишка — та еще язва, а Любима — девица своенравная и вздорная.

— Спасибо, что не оставили в беде, — искренне улыбнулась я. — Иначе не знаю, что бы с нами было. Ведь на свадьбе Ромашка разглядел...

И покосилась на Любиму. Она-то ничего не знала, потому что с ребятами в дом к некроманту не забиралась.

— Что разглядел? — Любима обернулась ко мне.

— Прости, мы не можем сказать, — повинилась я. — Дали клятву.

— Пикси клятвы не давал, пикси может рассказать деде правду за поцелуй, — заверещал мой маленький друг. Любима вздохнула, пересадила его на ладонь и поцеловала в щеку. Малыш покраснел и едва не свалился с ладошки, но тут же взмыл в воздух.

— Князь Альбертины мертв, — звонко пропищал он. — Им управляет некромант.

— Что? — завопила Любима.

— Ты слышала, повторять не будем, — угрюмо ответил Ромашка. — Но это правда.

Сестра Слава замолчала, видимо, пытаясь переварить полученную информацию. Я тоже не сразу смогла принять факт, что нами управляет фактически мертвец, но кто меня спрашивал? В том-то и дело — никто. Узнала правду — живи, как хочешь.

— А что вы сказали Любиме? — поинтересовалась я. — Зачем мы едем в Северные княжества?

— Чтобы найти твоего пропавшего жениха, — покраснел Слав.

Просто замечательно! Мало того, солгали, так еще и меня в это втянули.

— Прости, мы не успели придумать другую версию, — повинился князь Листвина. — Но Альберт ведь действительно твой жених.

— Бывший, — фыркнула я.

— Но помолвку ведь никто не разрывал. Значит, не такой уж бывший.

Можно подумать, меня порадовал этот факт. Я только вздохнула и сделала вид, будто меня здесь нет, чтобы все поняли — разговор исчерпан.

— Значит, мы ищем наследника престола, потому что верховного князя Альберта больше нет? — чуть слышно переспросила Любима.

— Именно, — ответила я.

— С ума сойти!

— Если жалеешь, еще не поздно вернуться в столицу, — с надеждой предложил Слав. — А я съезжу с ребятами.

— Еще чего! — Любима едва не набросилась на него с кулаками. Помешало только то, что ехала верхом. — Я же не трусиха какая-нибудь. Кстати, а как так получилось, что княжич пропал?

Об этом мы молчать не обещали, поэтому обошлись без помощи пикси. А Любима слушала, широко распахнув глаза от удивления. Вопросов больше задавать не стала, и мы ехали молча. Первый привал сделали уже ближе к полудню. Пока парни разводили огонь, а Тихвина накрывала на «стол» из сложенных плащей, я перехватила кувшин и скрылась за кустами. Отошла шагов на двадцать и позвала:

— Али!

Тишина... Может, отец Ромашки каким-то образом повредил кувшин?

— Али! — позвала громче.

— Что? — Призрачная фигура соткалась прямо передо мной, и я сдавленно ахнула.

— Ты меня напугал. — Я вытерла вспотевший лоб.

— Ты сама меня звала. Чего пугаться?

— Я хотела убедиться, что у тебя все хорошо.

— Я выполнил три твоих желания, Марьяна, и все равно остался узником кувшина. Как ты думаешь, у меня все хорошо?

Али так посмотрел на меня, что захотелось признаться во всех преступлениях, даже тех, которые не совершала, и мелькнула шальная мысль: а кто же отравил князя Альбертины? Почему мы не спросили о личности преступника? Видимо, события произошли очень быстро. И я бы не стала так быстро записывать папу Ромашки в наши союзники. Темнил что-то Теодор. Ох, темнил.

Но сейчас у меня была другая проблема. Она смотрела на меня с таким осуждением, что становилось не по себе.

— Али, Ромашка просто пытался меня защитить, — тихо сказала я. — Там, в храме, я не была готова к бою с тобой, и он это понимал. Ничего не изменилось. Я по-прежнему сделаю все возможное, чтобы ты обрел свободу.

— Я слышу это уже сто лет, Марьяна, — глухо ответил Али. — От разных людей, в разное время. Но знаешь? Все лгут. И в решающий момент ставят свои желания выше моих. Ты с легкостью продала меня Ромашке, он продаст кому-то еще. А я не раб. Я не желаю им быть.

И отвернулся, а я замерла, не зная, что сказать. Подошла ближе, взяла Али за руку.

— Прости, — прошептала чуть слышно. — Я виновата.

Али покачал головой. Он казался таким угнетенным, что хотелось плакать. Я не выдержала и обняла его за плечи.

— Прости, прости.

Погладила по напряженной спине. Не представляю, каково это — сто лет пробыть в заточении, не имея возможности принимать решения самому. За какое преступление его подвергли такой каре?

За что обрекли на вечные муки?

— Тебя ищут. — Али сделал шаг назад. — Ромашка беспокоится.

— Не злись на него, Али. Он просто...

— Тебя любит, — договорил волшебник за меня. — Открой глаза, Марьяна. Наш князь-некромант влюблен, поэтому и старается тебя уберечь. Но он вряд ли скажет об этом сам, так что действуй, если тебе он тоже небезразличен.

Подернулся дымкой и растаял, а я осталась на поляне одна с кувшином у ног. Подняла кувшин и вздохнула. Что Али имел в виду? Ромашка влюблен в меня? Какие глупости...

Сам предмет нашего разговора как раз появился на поляне.

— С кем ты тут разговаривала? — сурово спросил он.

— С Али, — не стала я скрывать. — Он очень обижен, что ты выкупил кувшин.

— А надо было дать ему тебя убить?

— Ромаш, милый, не преувеличивай. Али не желает мне зла.

Зато желал свободы. Однако я не стала говорить об этом вслух.

— Не желает, да? — Ромашка прищурился. — Марьяна, нельзя ведь быть такой наивной. Сто лет в кувшине. Неужели никто не захотел его освободить?

— А вот и не захотел! — гаркнул Али, появляясь перед Ромашкой. — Потому что все такие, как ты. Главное — исполнять их желания. Три, пять, десять, двадцать. И всем плевать на меня. Я надеялся, что Марьяна другая. Но нет, ты все испортил. И как теперь? Чего изволите, хозяин?

Фигура Али даже начала светиться.

— Тише. — Я шагнула к нему. — Все будет хорошо. Думаю, к концу путешествия желания исчерпаются, и мы с Ромашкой сразимся с тобой.

— Мы с тобой? — Ромашка резко обернулся ко мне. — Ну уж нет!

— Почему это?

— Да потому, что ты не видишь силу этого духа. Признайся, Али, за что тебя заточили в кувшин? Ты кого-то убил? Десятки? Сотни?

— Я любил, — тихо ответил Али. — Этого оказалось достаточно.

И растаял дымкой, а мы с Ромашкой уставились друг на друга. На сердце стало муторно, а еще — до боли жаль Али. Еще больше, чем прежде.

— Ему нельзя верить, — тихо сказал Ромашка.

— По опыту моей недолгой жизни могу сказать: верить нельзя никому, — ответила я. — А теперь идем к ребятам. Они, наверное, волнуются.

И поспешила прочь, чтобы скрыть выступившие на глазах слезы. Ромашка догнал меня уже на поляне. Слав удивленно взглянул на нас, но промолчал, а вот Тишка не отличалась его деликатностью.

— Марьяш, ты что, ревела? Он тебя обидел? — налетела она на меня.

— Не ревела, что-то в глаз попало, Ромашка помогал вынуть соринку, — ответила я, но, конечно, мне никто не поверил. Итен и тот поглядел на Ромашку неодобрительно.

— Где будем ночевать? — Я решила сменить тему.

— В деревне Старая Сосна, — сказал Итен, отвечавший за наш маршрут. Да, названия деревень в Альбертине были живописные. Поговаривали, что старые города сохранили старинные названия на древнем магическом языке, а уж деревушки называли в зависимости от того, кто где селился. Поселились возле старой сосны — получите.

Я бережно поставила кувшин на землю. Но стоило отвернуться, как любопытный пикси сунул туда свой нос и каким-то чудом протиснулся в горлышко кувшина.

— Ай-йй-йй, застрял! — завопил он на высокой ноте.

— Это что за гадость? — вылетел из кувшина Али.

— Вор! — закричал Слав. — Итен, держи его.

— Да не вор это, — попыталась я вразумить Златовласку, но, видимо, моя сила внушения подействовала плохо, потому что он кинулся на Али. Али предусмотрительно исчез, и Итен грохнулся прямо в разведенный огонь, к счастью еще достаточно слабый. Его одежда вспыхнула, и мы кинулись ее тушить. Пикси продолжал верещать, Али — высказывать все, что думает о нашей глупости, и только Ромашка посмеивался, наблюдая за возней.

Я первой взяла себя в руки и огляделась по сторонам. Итен сидел на земле и громко ругался, Любима причитала над ним, Тишка и Слав тоже возились вокруг, пикси кричал, застряв в кувшине, а Али завис над компанией, но растаял, стоило Тихвине повернуть голову.

— Это кто был? — опомнилась она.

— Давайте сначала освободим малыша. — Я вытряхнула пикси из кувшина. — А кто это был...

— Вор! — вместо меня ответил Слав.

— Нет, тебе показалось. Это был мой... хм... друг. Он временно заточен в кувшине, и я пытаюсь ему помочь.

— Заточен в кувшине? — нахмурился Итен. — За что это?

И этот туда же!

— Случайно, — ответила я.

— Марьяна, ты не представляешь себе саму силу заклинания, способного привязать живого человека к предмету. Это очень сложный процесс, опасный для того, кто его проводит, и обычно это не один человек, а около десятка. Представляешь, что надо сделать, чтобы тебя заточили?

Я только вздохнула и пожала плечами.

— А с ней бесполезно разговаривать, — вмешался Ромаш. — И, кстати, кувшин мой. Так что не о чем беспокоиться.

Я закусила губу. Не стоит нам сейчас ссориться, успеем и потом.

— Давайте кушать, — вздохнула Любима. — Путь еще долгий.

И в эту минуту я была ей благодарна, несмотря на то что есть не хотелось совсем. Тем не менее заставила себя проглотить пару кусочков мяса, немного хлеба и огурчик. Запила прохладной водой и пошла обратно к лошадям, захватив кувшин.

— Не обижайся, — пискнул пикси, присаживаясь на мое плечо. — Ромашка беспокоится, это видно. А твой друг в кувшине — неплохой парень, он помог мне выбраться.

М-да, он помог, а вытряхивала пикси я. Может, Али подтолкнул изнутри?

— Ты прав, — улыбнулась малышу. — Но все равно обидно. Мы едем вместе, а до конца друг другу не доверяем. Вот что я знаю об Итене? О Любиме? О Славе? Не говоря уже о Ромашке. Если бы мы не познакомились с его семьей, так бы ничего и не знала.

— Ничего, это дело наживное. Я вот тоже родился маленьким, как мушка. А сейчас смотри, какой богатырь! — заявил пикси, выпрямляясь во весь рост — как раз с тот огурчик, который недавно съела. — Все растет, все изменяется.

Я кивнула. Пикси был мудр не по годам. Или не по размеру? Как тут разберешь? А ребята уже собрались и снова рассаживались на лошадей. Я забралась на лошаденку, примостила кувшин, поправила мешок с вещами и ощутила на себе взгляд. Ромашка, кто же еще... Но извиняться не стал. Вместо этого пришпорил коня и быстро вырвался вперед. Я же, наоборот, плелась в самом хвосте. Вопреки всему, слова Итена и Ромаша засели в голове. За что же могли осудить Али? И может, он действительно все время мне врет? Как разобраться?

ГЛАВА 21

Уже к вечеру мы добрались до той самой деревушки Старая Сосна. Настроение после размолвки с Ромашкой не улучшилось. Я никак не могла понять, то ли он обижается на меня, то ли злится. Я тоже и злилась, и обижалась, и не могла понять, почему Ромашке так мешает Али. Да, отобрав кувшин, он пытался меня защитить. Но сейчас? Сейчас-то что? Загадка... А еще не давали покоя слова Али, что Ромаш в меня влюбился. С момента моей неудачной помолвки я и не думала о любви. Мой мир сосредоточился вокруг учебы, зелий и заклинаний, попыток избежать встречи с родителями, затем диплома и практики. А любовь...

Я покосилась на Ромашку. Да, он нравился мне. Глупо отрицать очевидное. Нравился таким, как есть, со своими достоинствами и недостатками. С жутковатой фобией и скрытностью, с надежностью и лихим бесстрашием во всем другом. Но любовь? Что это такое? Как определить, что именно я чувствую к Ромашке? Вот взять Итена. Он тоже хороший, надежный, я даже к нему привыкла, но, когда думаю о нем, в груди не разливается тепло. Так в чем же дело?

Ох, Али, задал ты мне задачку. Но если бы Ромаш меня любил, он бы сказал, ведь правда? Или нет? Спать мы легли в большом бревенчатом доме местного старосты. Конечно, никому прямо не говорили, куда едем и по чьему поручению, но отец Ромашки достал для нас великокняжескую бумагу, которая открывала двери домов и обеспечивала пропитание и ночлег. Мы с Любимой и Тихвиной заняли одну спальню, парни — другую, а пикси приравнял себя к парням и улетел с ними. При этом кувшин остался со мной, несмотря на протесты Ромашки. Стоило закрыться двери, как девчонки загалдели разом:

— Марьяна, а давно у тебя этот кувшин? А твоему другу нужна пища? Часто ли он оттуда выходит?

Я попыталась ответить на град вопросов, а потом махнула рукой и сказала:

— Пусть сам говорит. Али!

Волшебник появился среди комнаты, мрачный и угрюмый. Но, увидев, что вокруг только девушки, игриво улыбнулся.

— Добрый вечер, — поклонился на восточный манер. — Рад знакомству с такими прекрасными госпожами. Мое имя...

— Али, — вместо него сказала я, опасаясь, что он снова начнет нести тарабарщину. — А это Тихвина и Любима.

Девушки настороженно уставились на волшебника, но он улыбался так обезоруживающе и говорил так ласково, что их настороженность постепенно таяла.

— Откуда вы родом, Али? — спрашивали они. — Давно ли заключены в кувшине? А почему?

Я слушала их, как посторонний шум. Историю Али я вкратце знала и сомневалась, что девушкам он расскажет больше, чем мне. Хотелось спать и мучило что-то непонятное, засевшее в груди.

— Увы, слишком сложно избавить меня от власти кувшина, — как раз говорил Али. — Люди ставят свои желания выше чужой свободы, как вы уже могли убедиться. Ромашка обманом заставил Марьяну отдать ему кувшин, и я теперь должен исполнить его три желания.

Девушки переглянулись. Уже что-то задумали? Или их тронула печальная история Али? Мне тоже было его жаль, но только я не сомневалась — Ромашка выкупил у меня кувшин, чтобы защитить от Али, а не для того, чтобы исполнять свои желания. Увы, для Али это означало лишние дни заточения. А между тем, если бы не этот ком событий, у меня была мысль, как сразиться с ним — и победить. И зелье я уже придумала, оставалось только воплотить. Жаль, но в лабораторию светлой школы меня больше не пустят.

— А если уничтожить кувшин? Что будет с вами? — спрашивала Любима, а я насторожилась.

— Я не знаю, — пожал плечами Али, — пока никто не пытался. Но, думаю, погибну.

А это вопрос хороший. Надо задать его нашим всезнающим мальчикам. Возможно, кувшин просто нельзя уничтожить. Или можно вместе с Али? Надо выяснить. Вдруг это реальный способ его освобождения. Я бы прямо сейчас подняла с постели Ромашку, если бы мое бегство не выглядело подозрительным.

— Марьяна устала и хочет спать, — заметил Али. — Давайте продолжим наше, без сомнения, приятное знакомство в другой раз.

— Да, конечно.

Тихвина с Любимой переглянулись. Вот спелись ведь! Зато, если Слав все-таки переборет свой страх и сделает Тихвине предложение, одна из сестер будет очень даже не против женского пополнения в их доме.

Али исчез, мы завозились, укладываясь спать.

— А знаешь, Марьяна, он такой милый, — шепотом сказала Любима. — Этот Али.

— Зато наши мальчишки думают, что его стоит опасаться, — ответила я.

— Ты считаешь, что они правы?

Я пожала плечами. Не знаю. Ничего не знаю, но слова Ромашки все-таки засели в голове, как и слова Али о самом Ромашке.

Утром мы продолжили путь. Пока все складывалось хорошо, даже слишком. Для меня это было верным признаком того, что приближаются неприятности. Можно сказать, что я чуяла их тем местом, на котором обычно сидят. Но мои спутники казались спокойными, день был солнечным, нам не приходилось думать о пище и воде, и все мои опасения выглядели глупыми донельзя. Когда начали сгущаться сумерки, я только уверилась в том, что меня посетила паранойя. Но то и дело оборачивалась, проверяя, не сверлит ли спину чужой взгляд. Никого постороннего не заметила, только пикси летал туда-сюда между мной и Любимой, видимо, не решив, кому из двоих он готов отдать свое сердце. Любима косилась на Итена, Тишка — на Слава. Княжич все так же краснел и бледнел, стоило взглянуть на мою подругу, но хотя бы нормально разговаривал в ее присутствии, а это уже плюс. Стали готовиться к ночлегу.

— Не нравится мне что-то, — вдруг сказал Ромашка.

Значит, я не одна такая?

— Что именно? — поинтересовался Итен.

— Не знаю. Такое чувство, будто за нами наблюдают.

И, как и я недавно, повертел головой.

— Нет никого, — сказал Златовласка. — Тишина вокруг, покой. Не нагнетайте.

Тишина и покой. То-то же. Даже птицы не поют. Странно... Вот только додумать мысль я не успела. На поляну вылетели человек десять, окружили нас. Закричали девушки, парни атаковали нападавших, а я достала из сумочки зелье и кинула в ближайшего. Зелье, кстати, тоже было экспериментальное. Разбойник позеленел и сполз на полянку, больше напоминая труп, а я достала следующую склянку. Ромаш взывал к темным силам, и ночная тьма становилась непрогляднее, густела, тянула свои руки ко всем, до кого могла дотянуться.

— Марьяна!

Кричал Слав. Вот только обернуться я не успела. Меня кто-то схватил сзади, сжал горло, и я потеряла сознание. А очнулась от голоса Ромашки:

— Марьяна, очнись. Пожалуйста, не пугай меня.

Хотелось ответить, что бояться нечего и не родился еще тот, кто сумеет меня добить, но язык с трудом ворочался. А еще я осознала несколько не слишком приятных вещей. Первая — я сижу, привязанная к чему-то. Вторая — болит шея и голова раскалывается. И третья — вокруг темно и ничего не видно. Но Ромашка, видимо, разглядел, что я очнулась. Я вообще подозревала, что он видит в темноте, словно кот.

— Слава богам, — прошептал он.

— Марьяшечка! — завопил на высокой ноте пикси.

— Заткнись, — рявкнул на него Ромашка. — Не хватало еще, чтобы разбойники вернулись.

А где все? Почему я слышу только Ромашку? Неужели... Но мои опасения развеялись, стоило услышать голос Тихвины:

— Марьяна, если ты жива, хотя бы пискни.

— Жива, — просипела я. — Мы тут все?

— Все, — обрадовал Ромашка. — Думаю, за нас хотят получить выкуп. И раз ты пришла в себя,

давайте выбирать.

— Как? — поинтересовался Итен. — Призовешь орду мертвецов?

— Я не могу, — сквозь зубы ответил Ромашка.

Еще бы, он же их боится.

— Надо просто позвать Али и попросить, чтобы он нам помог, — сказала я.

— Ты забыла, что его помощь всегда выходит нам боком? — ехидно спросил Ромашка.

Надо же! А я начинала думать, что Ромаш куда более приятный человек, чем кажется, и искренне обо мне беспокоится.

— Ты видишь другие варианты? — спросила у него.

— Я попробую призвать тень.

— Твоя тень не слишком помогла нам в лесу, — вмешался Итен. — Поэтому зови уже своего джина.

— Он не джинн, а волшебник, — поправила я.

— Правильнее сказать, сущность, исполняющая желания, — вдруг вмешался Велеславий. — Как ни назови, суть остается одной. Ему надо платить. И чаще всего эта плата высока. Но я согласен с Марьяной, выбора у нас нет.

Вдруг отворилась дверь, и в подвал, а это был именно он, проник свет. Ура, я не ослепла! И мы действительно были все вместе. А по скрипучей лестнице спускался неприятный мужчина с тяжелым, квадратным лицом. И что-то мне подсказывало, наше знакомство мне не понравится.

— Очухались? — грубо спросил он и сплюнул на пол.

Фу, как негигиенично.

— Кто вы такой? — Переговоры взял на себя Слав. К его счастью, разбойник не был женщиной. — Что вам от нас нужно?

— Деньги, что же еще? — рассмеялся разбойник. — Сейчас каждый из вас напишет письмо своей семье с требованием прислать сто золотых, и если ваши близкие ценят ваши жизни, они заплатят. А если нет, уж извините. Придется вас убить. Кто первый?

— У меня нет семьи, — поторопилась ответить я. Представляю, что будет, если отцу поступит такое письмо. Да он приедет лично и за косу оттащит меня домой!

— Значит, пойдешь на потеху парням, — оскалился разбойник.

— Я за нее напишу своим, — угрюмо вмешался Ромашка. — Давайте бумагу.

— Вот, умная мысль, — покивал разбойник и отвязал Ромаша от балки, к которой тот был привязан. Бросил на бочку бумагу и самописное перо. — Сначала адрес напиши, потом все остальное.

Ромашка, почуввав свободу, потянулся к перу, но вместо этого неожиданно вывернулся и ударил противника в подбородок. Тот сдавленно крикнул и с размаху сел на пол, но опомнился быстро и кинулся на Ромашку. По полу закружились тени, вот только мешали они не только разбойнику, но и Ромашке. Сразу стало заметно, как редко он прибегает к своему дару. Разбойник повалил Ромашку на землю и уже занес кулак для удара, когда Ромаш выкрикнул:

— Чайник, ко мне!

И едва Али очутился в зоне досягаемости, Ромаш схватил кувшин и опустил его разбойнику на голову. Кувшин уже не раз доказал свою надежность, поэтому разбойник тяжело осел на пол, и Ромаш еле сумел столкнуть его с себя. На этом бы все и закончилось, но шум привлек товарищей пострадавшего, и их было много. Слишком много! Да они же просто убьют Ромашку.

Ромаш тоже это понял.

— Али, — скомандовал он, — вызволи нас из западни. Пусть все эти нелюди упадут без сознания и очнутся только через три часа. Выполняй!

— Мудро, — возник перед ним Али. Он улыбался.

А разбойники, как мешки с мукой, попадали на пол. Ромаш тут же кинулся отвязывать нас, а Али мирно стоял в сторонке.

— Я сказал, вызволи, — зашипел на него Ромашка. — Работай!

Волшебник вздохнул и принялся развязывать веревки, поэтому десять минут спустя мы мчались вверх по лестнице, а впереди летел верещаваший пикси. Разбойники валялись и наверху — кто где сидел, тот там и лег. А может, стоял, я не разбиралась. Главное, что мы выбрались из их логова. Снаружи стояла непроглядная ночь. Куда идти? Где наши лошади? Где вещи? Безумие какое-то!

— Давайте поделимся, — предложил Ромаш. — Мы с Марьяной ищем лошадей, а остальные пытаются отыскать наши пожитки.

А сам крепче сжал кувшин. Это единственная вещь, которую невозможно потерять. Али маячил рядом с нами.

— Ты не знаешь, куда разбойники дели наших лошадей? — спросила я у него.

— Знаю, но не скажу, — прищурился волшебник. — Запас желаний Ромаша на сегодня иссяк. Так что ищите сами.

— Я нашел лошадок, — разрушил весь план Али малыш-пикси. — Я пролетел туда, сюда... В общем, они привязаны за домом, а вот вещи свалены рядом мод навесом в кучу. Не знаю, все там или нет.

— Спасибо!

Не удержалась и поцеловала малыша в нос. Тот зарделся как маков цвет, а я попросила:

— Малыш, позови остальных, скажи, что нашел вещи. Нам надо поскорее убираться отсюда, и чем дальше мы успеем уехать, тем лучше.

— Конечно, Марьяна, с радостью, — заверил пикси и умчался быстрее ветра, а мы с Ромашкой поспешили к лошадям, сопровождаемые недовольным Али. Действительно, все здесь. Подбежали ребята, мы быстро прикрепили дорожные мешки обратно к седлам, забрались на лошадей и помчали оттуда во всю прыть. И только когда выехали на какую-то дорогу, почувствовали — наконец-то оторвались!

— А где мы вообще? — оглянулась по сторонам Любима.

Вокруг простирался высокий темный лес. Дорога была добротная, но достаточно узкая — не такая, как мы ехали до того.

— Взгляните, где месяц, — указал Ромашка. — Нам в ту сторону. Рано или поздно выберемся.

В который раз пришлось ему довериться. Я давно заметила, что Ромаш знает куда больше нас, только не всегда говорит, и наш разросшийся отряд потянулся по дороге подальше от логова разбойников.

Лес вскоре закончился, но жилья не было видно, и мы просто ехали вперед по дороге.

— Мне не дает покоя один вопрос, — сказала я Ромашке, который пустил коня рядом с моей лошадкой. — Кто отравил князя Альбертины? Нашли ли этого человека? Или он до сих пор на свободе?

— Лучше поздно, чем никогда, да, Марьяна? — вздохнул Ромашка. — Отец говорит, что ему это неизвестно, а спрашивать о подозрениях поздно. Остается только доставить наследника в столицу, а после уже обдумывать и решать.

— Ты прав, — согласилась я. — Только знаешь, от этого не легче. Наоборот, мне кажется, что мы упускаем какую-то важную вещь. То, на что должны были обратить внимание.

— Марьяна, не нагнетай, — попросила ехавшая с другой стороны Тихвина. — Да, ребята, ввязались мы с вами в дело.

— Не то слово, — вздохнула я.

Только пути назад не было. Мы пообещали доставить наследника в столицу, а слово надо держать.

ГЛАВА 22

Мы ехали очень долго, а лес все тянулся и тянулся. Казалось, что ему нет конца и края, и даже если пройдет год, вокруг будет все тот же лес, а впереди — все та же дорога.

— Плохие тут места, гиблые, — угрюмо сказал Ромашка.

— С чего ты взял, некромант? — спросил подозрительно молчавший до этого Итен.

— Чувствую. Смертью пахнет. Свежей.

— Еще бы, тут же разбойники неподалеку. Наверное, они людей и погубили, — сказала я.

— Нет, дело не в них. Тут что-то другое, но я пока не разобрался.

— Ну, если сам княжич сказал, что другое... — поморщился Итен.

— Чего это они? — шепотом спросил пикси у Тихвины, но так как кругом стояла тишина, то и вопрос, и ответ все прекрасно слышали:

— А это они красуются перед девчонками.

— А Слав почему не красуется? — не унимался пикси.

— Потому что он хорош и так.

И Тишка подмигнула вмиг покрасневшему князю. Тот едва не свалился с лошади, в последний момент чудом удержавшись в седле. Да, благодаря совместным приключениям ребята постепенно привыкали друг к другу, но до полного взаимопонимания было еще далеко. Но хотя бы Слав не шарahalся от Тишки, как от больной проказой. Сегодняшний день не в счет.

Пикси о чем-то серьезно задумался, а затем выдал:

— Я тоже хорош и так, правда, Любима? Значит, не буду красоваться.

И картинно пролетел между нами, девочками, — туда и обратно, видимо, чтобы все оценили, как он подрос и похорошел, а еще и помог нам сегодня. Ох и пиксенька.

— Слушай, малыш, а у тебя есть имя? — вдруг пришло мне в голову.

— Именем пикси наделяет создатель. — Тот повесил нос.

— Так почему ты мне не сказал? Ты же родился в моей комнате. Наверное, я могу в какой-то степени считаться твоим создателем. А может, им и являюсь.

— Правда? — повеселел пикси, маленькие глазки засияли, а плечики расправились.

— Правда.

— Тогда, пожалуйста, Марьяна, дай мне имя.

Упс... Надо ведь придумать что-то хорошее, и быстро. А пикси ждал, глядя на меня, как на изображение всех сил света. Имя, имя...

— Бон! Я назову тебя Бон, — ответила я пикси.

Он на миг засветился, будто светлячок, а потом радостно запорхал вокруг нас, повторяя:

— Бон, Бон, Бон! Какое замечательное имя. Теперь я точно самый лучший пикси в мире.

— Вот так и красуются, — сказал Итен Ромашке, а тот кивнул.

Пикси надулся и примостился у меня на плече.

— Злые вы, — ответил он парням, и те пристыженно затихли. Какое-то время ехали молча, а потом вдруг Ромаш резко остановил коня.

— Дальше нельзя! — сказал он. — Мертвые там.

— Но дорога тут только одна, — напомнил Слав. — Либо мы проедем, либо придется как-то пробираться через лес.

— И потом, кое-кто здесь некромант, — вмешался Итен.

— А давайте вашего призрачного друга пошлем, — вмешалась Любима.

— Он не призрачный, — обернулась я. — И вряд ли Ромашка захочет тратить желание на то, чтобы мертвые нас не заметили.

— А это идея! — оживился Ромаш. — Али, мое второе желание — пусть мертвецы нас не заметят.

— Одно желание в день, — угрюмо напомнил Али из кувшина.

— Так полночь же уже была, — удивился пикси. — День завершен.

Кажется, Али выругался. По крайней мере, из кувшина раздался булькающий звук, а потом Али возник перед нами. Тишка с Любимой переглянулись, у обоих в глазах горело любопытство.

— Идите за мной, я проведу, — мрачно сказал он.

Просто «проведу»? Безо всяких подвохов? Я очень привыкла к Али, но понимала также, что у него свои цели и действует он ради своего блага. Мне все три желания вышли боком. Не получилось бы так снова.

Но пока мы просто тащились за Али по дороге, пытаюсь разглядеть в темноте, что там, впереди. Деревушка! Это была обычная деревушка, окошки приветливо светились, и внутри все зазвенело от облегчения, а недавние страхи показались такими пустыми. Видимо, Ромашка почувствовал сельский погост.

— Ура! Отдых! — заволновались девушки, а грозный Итен догнал Ромашку и теперь ехал вровень с ним.

— Где мертвые, некромант? — спросил он.

— Повсюду, — тихо ответил Ромашка. — Всем молчать!

Мы переглянулись. Может, дар Ромаша лжет? Но прежде такого не случалось. Хотя как не случалось... Он просто терял сознание при виде призраков или умертвий, так что оценить грани его возможностей довольно сложно.

Вдоль дороги потянулись первые дома. Из-за дверей слышались голоса, детский смех, иногда споры, иногда пение.

— Холодно, — прошептала Тихвина.

А я и не заметила, как холодно стало вокруг. Только что стояла душная летняя ночь — и вот уже хочется закутаться в одеяло, а то и растопить печь в каком-нибудь из этих домов. Страшно! Ромашка прав: что-то тут не то.

— Помогите!

Возглас чем-то выделялся из этих голосов. Может, он был слишком... живым?

— Не реагируйте, — сквозь зубы процедил Ромаш.

— Он тоже мертв? — тихо спросила я.

— Нет, жив.

— Тогда мы должны ему помочь.

— Мы все тут ляжем, Марьяна. Не отзывайся.

— Помогите, умоляю!

Я не выдержала первой. Спрыгнула с лошади, поспешила на крик. Он доносился из дома поблизости и становился все глуше. Там погибает человек! Вот и все, что имело значение.

— Стой! Стой, глупая девчонка! — закричал Ромаш. — Али, охраняй остальных.

— Я тебе не сторожевой пес, а желание ты уже использовал.

Это последнее, что услышала, а затем влетела в дом, откуда доносились крики. Влетела — и поняла, что пропала. На меня уставились четверо... Нет, уже не людей. У них даже не было глаз, поэтому и слово «уставились» не особо-то применимо. Пустые глазницы, бескровные губы, синюшные пятна на коже.

— Марьяна, стой! — влетел за мной Ромашка. Я обернулась. Он взглянул на мертвых — и сам начал напоминать их цветом, но каким-то чудом удержался на ногах и не грохнулся в обморок.

— Медленно отходи ко мне, — приказал шепотом некромант.

— Здесь где-то человек, — ответила я.

— Марьяна!

— Ромашка, ты ведь можешь их упокоить?

— На мою магию придут другие. И тогда нам точно не спастись.

— Что тут у вас? — влетел в дом Итен — и резко остановился. — Это что?

— Трупы, — «просветил» его Ромаш. — Самые обычные трупы. Нравятся?

— А почему они живы?

— Некромантия. Откуда — не знаю, тут сама земля проклята.

— Помогите! — раздалось из соседней комнаты.

— Что-то слишком долго он орет, — задумчиво сказал Ромаш. — А должен был уже умереть.

Я плюнула на парней и понеслась на зов. За спиной слышались ругательства, а потом что-то упало. Я надеялась, что не Ромашка, а его противники. В соседней комнате тоже были мертвецы, только двое. Они пытались достать парнишку лет двадцати двух, который каким-то чудом забрался на шкаф и оттуда звал на помощь. На его щеке блестела кровь, светлые волосы спутались, и на одежде тоже бурели пятна.

Эх, и почему было не захватить сумку с зельями?

— Ромаш, — тихонько позвала я, прислушиваясь к наступившей в соседней комнате тишине. — Итен.

— Здесь мы, — шепнул Ромашка, отодвигая меня в сторону. Мертвецы оживились, почуяв некроманта, и кинулись на нас, оставив в покое жертву. Ромашка принялся нараспев читать заклинание, а вперед меня вылетел Итен, ограждая от мертвецов. Кто-то потянул за руку назад, я обернулась — Слав.

— Идем, не мешай им, — шепнул князь. — Давай же, Марьяна!

Наверное, он был прав. Сейчас лучше не мешать Ромашке и Итену, поэтому я позволила вывести меня из дома. В комнате, на удивление, теперь было пусто — ни намека на мертвецов, которых я встретила. Куда же они подевались? Едва мы вышли на улицу, как из дома раздался истошный визг.

— На лошадь! — скомандовал Слав и, оттащив меня к притихшим девушкам и пикси, почти зашвырнул в седло. Итен и Ромашка вылетели следом, к счастью, не одни. Они тащили за собой ничего не понимающего парня. Тот едва перебирал ногами, и Итену пришлось зашвыривать его в седло так же, как Славу — меня. Хорошо, что отец Ромаша приказал захватить запасную лошадь на всякий случай.

— Вперед! Быстро! — рявкнул Ромашка, уже не скрываясь. Было ни к чему, потому что из всех домов потянулись мертвецы. Их оказалось много, слишком много. Ромаш снова начал читать заклинания. Я заметила, что он закрыл глаза. Только бы не упал с лошади! Но нет, Ромашка держался в седле, а нас будто отгородило щитом. Воинственно пищал пикси, остальные напряженно молчали. Мы скакали вперед.

Мертвецы бежали за нами. Это было так страшно! Один вцепился в хвост моей лошади и проехался по земле. Другой кинулся прямо под копыта. Это была безумная скачка, и казалось, что она никогда не прекратится, но голос Ромашки звучал все громче, и мертвецы отступали, тарасились на нас, но не все рисковали подходить.

Деревня осталась за спиной, а мы все еще боялись обернуться.

— Мы в безопасности, — раздался голос Ромашки. — Дальше им хода нет. Давайте отдохнем.

Оторвались? Я не сразу поверила в нашу удачу. Оторвались! С лошади я не спрыгнула, а скатилась, упала в траву, раскинув руки, и закрыла глаза.

— Марьянушка, что с тобой? — заверещал Бон. — Тебе плохо?

— Нет, дорогой, все хорошо, — ответила я, чувствуя, как по щекам катятся слезы после пережитого страха. Ничего, мертвецы остались далеко. Мы им теперь не по зубам. И все-таки, кого мы от них спасали?

Блондин топтался рядом с Итенем. Я села, чтобы лучше его видеть, и спросила:

— Вы кто такой и что это вообще было?

До этого момента, кажется, все просто забыли о постороннем, а сейчас вдруг вспомнили, завертелись.

— Благодарю за спасение, — тихо ответил блондин. — Меня зовут Данелий Крастинский. Я езжу по Альбертине и собираю сказания. Заметил эту деревушку и решил пообщаться с местными, но, как видите, я интересовал их только в качестве ужина.

И Данелий неловко рассмеялся. Видимо, так у него выходил стресс.

— И все-таки, как могло получиться, что там оказалось столько мертвых? — растерянно спросила я.

— У меня есть предположение, — ответил Данелий. — От местных я слышал о таком явлении, как мигрирующие могильники. Могу только предположить, повторюсь, что люди в деревне погибли от проклятия и теперь пытаются пополнить свои ряды.

— Какой ужас! Неужели нет способа хотя бы освободить их души? — спросила я.

— Есть, — ответил Ромашка, — но это сложный ритуал, и, когда мы вернемся, ты не найдешь там деревушку, если господин Крастинский прав. Поэтому нам остается порадоваться, что остались живы. Мигрирующие могильники очень опасны. Их обитатели хитры, и редко кому удается от них спастись. А сейчас нам надо ехать дальше. Недобрые здесь места.

— Могу я спросить, куда вы направляетесь? — уточнил Данелий.

— В город Гусь, — ответил Слав.

— Надо же! Нам по пути, я еду в соседний городок. Возможно, мы могли бы продолжить путь вместе?

— Не могли бы, — в один голос ответили Ромашка и Итен.

— Простите, у нас очень важные дела, и ехать надо быстро, — добавил Слав. — Иначе мы были бы рады вашей компании.

— Но я тоже спешу, а вместе проще защититься от всяких опасностей. Давайте хотя бы совместно доберемся до границы княжества, а там до Гуся уже рукой подать.

А ведь этот юноша и правда может снова попасть в беду, подумалось мне. И потом, какой от него вред? Только с друзьями не обсудишь самое главное. Впрочем, до Гуся оставалось дня три-четыре пути, не так уж много.

— Хорошо, мы можем доехать вместе до границы, — ответила за остальных. — Но дальше наши пути разойдутся.

— Благодарю и на этом. И спасибо, что не прошли мимо, иначе я бы погиб!

— Поехали уже, сказочник, — хмуро сказал Итен. — Вы хоть представляете, где мы приблизительно находимся?

— Да, — ответил Данелий. — К рассвету доберемся до Инсеборга, если не свернем с дороги.

— Получается, мы сократили часть пути, — задумчиво произнес Слав. — Воистину, нет худа без добра. Что ж, предлагаю задержаться надень в Инсеборге и отдохнуть, ночь была тяжелая.

Несмотря на то что мы теряли почти день пути, возражений не последовало. Мы были слишком измотаны, чтобы ехать дальше. Надо выспаться, прийти в себя после встречи с мертвецами и потом уже снова двигаться в путь. На том и порешили. Утром добрались до Инсеборга, сняли номера в придорожной гостинице — снова отдельно для юношей и девушек, наконец-то вымылись, и я уснула, как только голова коснулась подушки.

ГЛАВА 23

Проснулась я ближе к обеду — и поняла, что замечательно отдохнула. Спать больше не хотелось, зато желудок требовательно урчал, поэтому я быстренько умылась, оделась и спустилась в обеденный зал. Даже не удивилась, когда нашла там Ромашку.

— Доброе утро, — улыбнулась ему.

— Скорее уж добрый день, — отсалютовал он свиным ребрышком. — Присоединяйся, тут отлично кормят.

Еще бы! В чем в чем, а в хорошей еде Ромашка знал толк, поэтому я без сомнения заказала такой же горшочек с тушеным картофелем и ребрышками, как стоял перед ним, кусочек черничного пирога и кофейный напиток с взбитыми сливками. Пахло умопомрачительно! Поэтому ела я быстро и справилась одновременно с Ромашкой. Сытость делала меня благодушной, и оставшиеся дни пути не казались такими уж тяжелыми.

— Давай прогуляемся немного, — неожиданно предложил Ромаш. — Я из окна видел красивый фонтан.

— Почему бы и нет?

Действительно, почему? Предупредить бы остальных, но ребята спят, а мы всего лишь немного пройдемся. Поэтому я не стала подниматься наверх, а вместо этого мы сразу пошли к выходу.

Городок оказался довольно многолюдным. День был выходной, поэтому по улицам гулял и стар и млад. Ромашка уверенно повел меня в сторону ближайшего сквера. Да, он не солгал — здесь бил высокими струями фонтанчик. В чаше разместились фигурки трех рыб, и они будто плевались водой в небо. Водичка искрила на солнце, и блики разлетались радужными зайчиками в разные стороны.

— Как красиво! — воскликнула я, схватив Ромашку за руку.

— Да, очень, — с улыбкой ответил он. — Давай посидим вон на той скамье.

Мы разместились у самого фонтана и несколько минут просто смотрели на воду.

— Марьяна, можно кое о чем тебя спросить? — Ромашка первым нарушил молчание.

— Почему нет? — Я обернулась к нему. — Спрашивай.

— Скажи...

И замолчал.

— Что? — насторожилась я.

— Когда все это закончится и мы вернемся в столицу, ты не хотела бы выйти за меня замуж?

Что? Я уставилась на Ромашку. Зачем он произнес это страшное слово? Если бы он предложил мне нечто другое, например, разрешить ухаживать за мной или встречаться, как пара, я бы согласилась, потому что он безумно мне нравился, но замуж?

— Прости, я еще не готова к браку, — ответила ему. — И в ближайшем будущем замуж не собираюсь.

— Нет, это ты прости. — Ромашка отвел взгляд. — Просто мне показалось... Не важно. Идем, нас будут искать.

Он поднялся и протянул мне руку. Я сжала его прохладные пальцы, и мы медленно вернулись в гостевой дом, чтобы разойтись по своим комнатам. На сердце было беспокойно. Я чувствовала себя виноватой, хоть на самом деле разве в этом есть моя вина? В том, что не хочу замуж? Не вижу себя женой и матерью? Но как объяснить это Ромашке — человеку, который за короткое время стал для меня самым дорогим? Как объяснить, насколько большое место занимает он в моем сердце? Почему в моей жизни все так сложно?

— Марьяш, ты проснулась? — подняла голову Тишка.

— Да, и уже прогулялась, — шепотом ответила ей.

— А что такая расстроенная? — Подруга села и взлохматила и без того лохматые волосы.

— Ромаш предложил выйти за него замуж, — ответила я со вздохом.

— А ты?

— А я отказала.

— Ой дура! — Тишка вцепилась в волосы. — Марьяша, ты зачем это сделала? Ой дура безголовая!

— Почему сразу дура-то?

Я ведь и обидеться могу. Насупилась, отвернулась от подруги.

— А потому, что слепому видно, как ты в Ромашку влюблена, — подняла голову Любима.

— А вот и неправда! — сразу откликнулся дух противоречия.

— Правда, правда. — Любима снова легла, но повернулась к нам, чтобы всех видеть. — Просто ты замужества боишься. Вот как наш Слав. Говорит, мы от него невест отваживаем, а сам, как девчонка понравится, сразу краснеет, белеет, двух слов связать не может.

Это правда, Слав по-прежнему боится девушек до одури, и с Тихвиной разговаривает, только глядя в пол.

— Вот видно же — любя ему Тихвина, — продолжала разглагольствовать Любима. — А он что? Ни «ме», ни «му», ничего не пойму. Вот попробуй, жени его.

— Со Славом мы сами разберемся, — бойко ответила Тишка. — А с Марьяной что делать?

— А что с ней сделаешь? Уже отказала ведь. Нет бы подумать до столицы и потом определиться с ответом. Но поздно уже, поздно. Так что, Марьяша, проворонила ты свое счастье. Ромаш — парень видный. К тому же княжич, наследник не последнего человека в Альбертине. Да и нравится он тебе, не отрицай.

А я и не отрицала, но всегда казалось, что любовь — это когда ни есть, ни спать, ни думать ни о ком не можешь, кроме него. А с Ромашкой мы прекрасно ели, сладко спали. Думать и вовсе было некогда. Может, чего-то я не понимаю в любви?

— Ты не расстраивайся, — сразу заметила Тишка. — Все наладится. Если любите, помиритесь.

— Мы и не ссорились, — покачала я головой. — Просто...

И снова вздохнула. Но я действительно не собиралась выходить замуж и не хотела, чтобы Ромашка зря надеялся. Но он ведь не сказал ни слова о любви. О том, что ко мне чувствует. Может, все дело в этом? Но что сделано, то сделано.

Из комнаты было неловко даже выходить, но подруги не желали слушать моих возражений и потащили к парням, чтобы наметить дальнейшие действия. В соседней комнате атмосфера царила еще более угрюмая. Ромаш стоял у окна и смотрел на улицу. Слав и Итен занимались... А ничем они не занимались, сидели и таращились в стены. Пикси не было видно. И только наш новый знакомый казался бодрым и полным жизни.

— А что это вы приуныли? — как раз говорил он, когда мы вошли в комнату. — Хотите, спою вам древнюю балладу о любви?

— Язык вырву, — сурово пообещал Ромашка, а я вздрогнула. И как мне с ним быть?

— А может, дамам понравится, — не унимался сказочник.

Ромашка обернулся, посмотрел на нас — и снова отвернулся.

— Дамы не желают песен, — вмешалась Тишка. — Мальчики, давайте обедать, а потом поедem дальше, пока спадает жара.

— Надо бы припасы пополнить, — ответил Слав, таращась куда-то в пол.

— Вот этим мы с тобой и займемся, — «порадовала» его Тихвина. — Мальчики, а вы пока разведайте дальнейшую дорогу и поинтересуйтесь, не видели ли в этих краях нашего... друга Берта. Мало ли?

— Не вижу смысла, — фыркнул Ромашка, а у меня кольнуло сердце.

— Тогда мы пойдем поспрашиваем с Любимой, — сказала я.

— Я с вами, — тут же присоединился Итен. — А Ромаш пусть присмотрит за пикси, иначе будет слишком много внимания.

— Кстати, а где Бон? — Я огляделась по сторонам.

— Да вон он, спит на подоконнике, — указал Слав.

Бон действительно дремал в какой-то коробке, застеленной платком. И, видимо, видел сладкие сны, потому что улыбался во весь рот.

— Идем, — потянула я Любиму, так как дольше оставаться в компании Ромашки просто не могла. Горечь — вот что я испытывала. Беспросветную горечь. Кажется, оставшиеся дни пути будут очень тяжелыми.

Мы вышли из гостинного дома, и Любима тут же вцепилась в мой локоть, а Итен шагнул далеко позади, не желая мешать девичьим тайнам.

— Вот видишь, что ты наделала, — зашипела она.

— А что наделала? Всего лишь сказала правду: я действительно не хочу замуж.

— И теперь в наших рядах разлад. Ладно, боги с тобой, Марьяна. Идем, прогуляемся по местным магазинчикам.

— Постой, мы ведь собирались поспрашивать об Альберте.

— И как ты собираешься это делать? — рассмеялась Любима. — «Позвольте, у вас княжич не проезжал»? Вот так? Ты сама-то жениха в лицо помнишь?

— Бывшего, — поправила я.

— Пока еще нет. Вот как откажется от помолвки, так бывшим и станет. А пока он настоящий.

— Тогда зачем мы ушли?

— Чтобы Ромашка успокоился, — как ребенку, втолковывала Любима. — Давай купим печенья или пряников, наши парни мигом и подберут.

И потащила меня к длинным торговым рядам, на которых можно найти все, что угодно. Итен с видом мученика присоединился к нам, а Любиму уже было не остановить. Она размахивала руками, разглядывала товары, выбрала себе серьги и кольца, а затем накупила орехов в шоколаде и заморских пряников, сгрузила пакеты в руки Итену и потащила нас обратно. Мы уже уходили из торговых рядов, когда я заметила булавку — обычную мужскую булавку, которой закалывают воротник, но она была украшена золотистой ромашкой.

— Подождите, я сейчас, — крикнула друзьям и подбежала к лавочке.

Торговец, приятный мужчина лет сорока, заулыбался при виде меня, чуя потенциальную покупательницу.

— Чем могу угодить прекрасной госпоже? — спросил он с легким акцентом.

— Сколько стоит вот эта булавка? — указала на ромашку.

— Десять медяшек. Булавка позолоченная, так что недешево, милая.

— Давайте, — вздохнула я, потому что предстояло отдать половину своего запаса. Деньги перекечевали к торговцу, булавка — в мою ладонь, а Итен и Любима посмеивались в сторонке. Похоже, эти двое хорошо поладили, а мне оставалось изводить себя тяжелыми мыслями.

— Идем, — сказала я им, обогнала друзей и почти прибежала в гостинный дом раньше них.

Удивительно, но наши спутники оказались на месте: проходя мимо комнаты парней, я слышала голоса Тишки, Слава и Ромашки. О чем они говорили, было не разобрать. Потом примешался голос Данелия и писк Бона. Точно, полный сбор. А меня в комнате ждал только кувшин. Я приколотла булавку под воротничок своего платья, чтобы не было видно, села на кровать и закрыла лицо руками.

— Стоит ли грустить, прекрасная Марьяна? — Али опустил передо мной на колени и осторожно убрал руки от лица.

— Стоит, — вздохнула я. — Ромаш...

— Я слышал этот печальный рассказ, но, в отличие от подруг, считаю, что ты поступила правильно. Ромашка — перекасти-поле. Сегодня здесь, завтра там. Он не привык сидеть на месте, а тебе скоро

захочется иметь свой угол, спокойно работать над новыми зельями. Тем более он некромант, а некроманты притягивают темную энергию.

— Не в этом дело, — сказала я. — А в том, что я боюсь, Али. А вдруг у нас ничего не получится? А вдруг я люблю его недостаточно сильно? Точнее, что такое любовь? Какая она бывает? И как назвать то, что я чувствую к Ромашке?

— Любовь бывает разной, — улыбнулся мой собеседник. — И раз ты плачешь, значит, любишь. Но на самом деле не о чем грустить. Впереди у вас долгий путь. И на нем будет много разных вех, главное, не доиграйтесь до кувшина.

— Ты говорил, что попал в кувшин из-за любви, Али.

— Да, — кивнул он. — Я очень любил девушку, но ее родители происходили из древнего и знатного рода, а я не отличался знатностью, зато был сильным волшебником. Я похитил Наари и увез далеко-далеко, но и там нас нашли. Ее и нашего сына увезли, а меня заточили в кувшин, так как знали: иначе я верну жену и убью тех, кто нас разлучил. Поэтому я знаю, что такое любовь, Марьяна. И желаю, чтобы ты была счастлива.

Али подернулся дымкой и исчез, а я осталась. Как грустно... Но мы с Ромашкой хотя бы рядом, и у меня есть время разобраться в своих чувствах. Главное, чтобы не было поздно.

ГЛАВА 24

— А сейчас я исполню для вас балладу, написанную совсем недавно, — угрожал Данелий.

— Не надо! — взвыли мы слаженно.

Оказалось, фантазия Дана воистину неистощима, а еще он обладает звучным сильным голосом и может петь часами напролет. За последние два часа мы выслушали историю любви князя Альберта Третьего и его супруги Феодоры, затем фривольные куплеты о супружеской неверности, балладу о битвах последней войны, стихотворение о мертвой деревне, которое тоже грозило со временем превратиться в балладу, так что еще одну историю я бы просто не пережила!

— Между прочим, она очень интересная, — обиделся сказочник, — и посвящается Марьяне. Так как, Марьяна, исполнить?

— Давай в другой раз?

— Как прикажешь, как прикажешь.

Несмотря на вокальные пытки, Дан быстро влился в нашу компанию. Бон ехал у него на плече, Итен и Слав поглядывали на нового спутника вполне дружелюбно, а девушки — заинтересованно, и только Ромашка хмурился. Я так и не отдала ему свой подарок. Почему-то было стыдно и хотелось оправдаться, хоть я и не считала, что отказ делает меня виноватой. Тем не менее Ромаш ехал рядом со мной, и я чувствовала себя в безопасности.

Вокруг давно уже стемнело, и дневной зной уступил место ночной прохладе. Даже хотелось достать из сумки накидку, но я решила потерпеть до привала. Мы должны были остановиться около полуночи. Я ждала этого и боялась одновременно, потому что можно не разговаривать в пути, но на привале глупо сидеть и молчать.

Однако время привала неминуемо настало. Мы решили остановиться на час, легко перекусить, и затем снова двинуться в путь. Итен и Ромаш быстро обустроили место для отдыха, Бон летал над их головами, и только Али оставался скрытым от чужих глаз. Слав же тихонько сидел рядом с Тишкой и бросал на нее влюбленные взгляды, а подруга цвела, как майская роза, и едва ли не пела. Любовь...

Я покосилась на Ромашку. Наши глаза встретились, но мы тут же отвернулись друг от друга. Вот бука! За ужином я села рядом с ним, но мы и словом не перемолвились, будто между нами выросла стена. И что мне с ним делать? Как быть, когда самый родной человек отворачивается?

— Ромаш, нам надо поговорить, — шепнула ему.

— Мы уже поговорили днем, — угрюмо ответил Ромашка.

— Да, но мне кажется, что ты неправильно меня понял.

— Я не дурак, Марьяна, — вздохнул он. — Поэтому сомневаться не приходится. Но ты не беспокойся, я на тебя не злюсь и не обижаюсь, мы все равно остаемся друзьями.

— Что-то незаметно. Пожалуйста, удели мне пару минут.

— Нет.

— А Марьяшка тебе подарок купила!

Бон появился прямо у меня под носом, потянул за булавку на воротнике, а я попыталась забрать находку у завизжавшего пикси.

— Что это? — Ромашка уставился на блеснувший край булавки. А вместе с ним — вся наша дружная компания.

— Мм... Подарок, — ответила я. — Увидела в городе и вспомнила о тебе. Вот, держи.

Отцепила булавку от воротника и протянула Ромашке. Он повертел украшение в пальцах и прицепил на свою рубашку.

— Красиво! — восторженно заверещал Бон. — Теперь у Ромашки есть ромашка. Ух ты!

А я покраснела и отвернулась. Ребята тут же сделали вид, что они ничего не заметили и заняты своими делами, а Ромашка легонько пожал мои пальцы. Я сжала его ладонь в ответ. Правы Тишка и Любима, мне надо было объяснить, что дело не в нем и он дорог моему сердцу, а я вместо этого

обидела Ромашку.

— Может, мы уже поедem дальше? — спросил Данелий, единственный, кто в нашем кругу остался без пары. Бон и Али не в счет.

— Да, поедem. — Я тут же ухватилась за эту мысль и принялась быстро собираться.

Ромашка поднялся, начал мне помогать, засуетились друзья, даже Бон попытался начистить кувшин своим рукавом. Кстати, вот странное дело — на пикси была одежда, и она росла вместе с ним. Крохотный зеленый кафтанчик, темно-зеленые штанишки, блестящие пуговички и начищенные до блеска ботинки. Забавный народец, необычный. А еще говорили, что пикси тоже могут изредка исполнять желания тех, кого считают хозяевами. Но проверять я не собиралась, хватит мне Али. Оказалось, что у любого желания есть подвох, и мне не хотелось разочароваться в малыше Боне.

Наш путь продолжился. Вокруг снова был то лес, то поля. Одна баллада Данелия сменялась другой, пока впереди не показалась граница Северных княжеств. Последнюю остановку мы решили сделать в маленьком городке неподалеку от границы. Здесь было мало гостиниц, только старые постоялые дворы, в комнатах которых выл ветер, так что выбирать не приходилось.

Вечером накануне перехода через границу мы сидели за столом в обеденном зале постоялого двора. Здесь было немногочисленно — в Северные княжества люди потянутся ближе к зиме, а сейчас жители Альбертины в основном ехали к солнцу и теплу.

— Жаль, жаль будет с вами расставаться, хорошие вы ребята, — сетовал Данелий, а мы многозначительно молчали. — Да и ехать вместе было безопаснее, а теперь снова одному. И как быть?

Молчи, Марьяна. Только молчи.

— У вы, здесь наши пути расходятся, — за всех ответил Ромашка.

— Я буду скучать и обязательно посвящу вам не одну балладу, — угрожающе пообещал Дан.

— А может... — начал было Слав.

— Не может, — оборвал его Ромашка.

— Но ехать одному действительно опасно. То разбойники, то мертвая деревня.

Ромашка сделал большие глаза, призывая Слава помолчать, но князь Листвина был очень добрым юношей, и этим пользовались все кому не лень.

— Я мог бы хотя бы пересечь с вами границу, — подал голос Дан.

— Нам не по пути, — отрезал Ромашка.

— Да ладно тебе, — неожиданно вмешался Итен. — Вечно вы, некроманты, во всех видите врагов. Давайте пересечем границу вместе, а там каждый поедет своей дорогой.

— Я буду только рад! — быстренько согласился Данелий. Ромашка хотел было сказать еще что-то, но только махнул рукой — мол, поступайте, как знаете.

Мне нравился Дан. Он оказался веселым, общительным и талантливым парнем, но в данной ситуации я была согласна с Ромашкой: у нас слишком важное поручение, чтобы полагаться на кого-то из посторонних. Надо торопиться. Кто знает, сколько еще папа Ромашки сможет поддерживать тело князя? Альбертине нужна твердая рука наследника, а сам наследник по-прежнему где-то там, в Северных княжествах. Но не идти же наперекор друзьям. Ничего, перейдем через границу и расстанемся с Даном.

Еще не рассвело, когда мы снова отправились в путь, надеясь к обеду увидеть красные столбики пограничной заставы. День выдался жаркий, я то и дело вытирала вспотевший лоб, спутники маялись, и даже Бон притих, задремав у меня на плече. Скорее бы добраться...

К обеду я уже мечтала о том, чтобы оказаться по ту сторону границы, поэтому вид стражей восприняла как высшее счастье. Разговаривал с ними Итен — коллеги все-таки. Он показал бумаги, что-то долго объяснял, зато мы в итоге добились положительного решения, и нас пропустили. Тут бы и расстаться с Даном, но он продолжал ехать с нами, будто так и надо. На очередной стоянке я подседа к Ромашке.

— Тебе не кажется странным, что Данелий так и едет за нами? — спросила шепотом.

— Кажется, — ответил он. — Но вы ведь считаете, что так и надо.

— С чего бы это? Послушай, мне кажется, он шпион. У меня в сумочке есть зелье правды. Может, испытаем его?

— Экспериментальное? — ехидно спросил Ромашка.

— Сугубо экспериментальное, — заверила я.

— Тогда давай.

И мстительно прищурился. Неужели ревновал? Я только украдкой вздохнула.

— Как подливать будем? — спросила у него.

— Есть у меня мыслишка. Где зелье?

Пузырек перекочевал к нему, а я села поближе к Дану, чтобы лично наблюдать, какой эффект произведет мое изобретение. Данелий не подозревал о дурном. Он спорил с Итеном и Славом о литературе. Вкусы у всех троих оказались разные, и слышалось только:

— Да что вы понимаете в Овруции?

— Ваш Тензибор — дурак!

— Князь книги писать не должен, князь должен управлять.

Как бы не дошло до драки.

— Ой, Дан, ты точно прав! — заверещал Бон. — Только, кажется, у тебя в горле пересохло, еще потеряешь голос. Попей водички.

И малыш-пикси попытался подать Дану чашку, вот только разве он мог ее поднять? На счастье, Дан взял чашку сам, сделал большой глоток, и... Мы с Ромашкой подались вперед. Неужели эксперимент не удался?

— А вообще... ик... я люблю читать истории... ик... из народного творчества, — вдруг заявил Данелий.

— Что значит — из народного? — прищурился Итен.

— Ну там... Шпили-вили... Тили-тили...

Это что, та правда, которой я добивалась? Кивнула Ромашке, и тот придвинулся ближе.

— А скажи-ка, Дан, куда ты на самом деле направляешься? — поинтересовался он.

— Ой я горемычный! — запричитал вдруг Данелий. — Ни дома, ни угла-а-а.

— Что это с ним? — испугалась Любима.

— Не беспокойся, все под контролем, — ответила я. — А почему решил ехать с нами, Дан?

— А с кем мне ехать? — Он хлюпнул носом и попытался вытереть лицо рукавом, но вместо этого локтем едва не стукнул Ромашку по носу. Тот, конечно, увернулся, а Дан сокрушенно покачал головой.

— Никто меня не ждет, — сказал он. — Никому мое творчество не нужно. А я от всей души!

— Почему именно Северные княжества? — не сдавался Ромашка.

— Так летом все на юге выступают, вот я и решил на севере. Чтобы зрителей было больше.

Странная теория, но спорить я не стала. Картина ясна. Дан просто ищет свое место в жизни, а к нам пристал, потому что действительно страшно путешествовать одному. Значит, нам нечего опасаться, и когда будет нужно, мы расстанемся. Мы с Ромашкой встретились взглядами, он кивнул. Значит, считает так же.

— И сколько это будет продолжаться? — Итен сразу определил источник странного поведения Данелия.

— А я не знаю, — ответила честно. — Зелье-то экспериментальное. Давайте посадим на лошадь, и, пока доберемся до города, все выветрится.

Хотя я бы не была в этом так уверена. Однако, вопреки опасениям, Данелий уверенно держался в седле, только теперь вместо баллад распевал залихватские народные песни, которые вводили в краску девушек и веселили мужчин. Теперь понятно, что за народное творчество он любит. Лучше бы и дальше пел о возвышенных чувствах.

Так мы и тащились до самого вечера. Запас песен у Данелия постепенно иссяк, и, когда впереди показались стены города под звучным названием Гусь, он уже утомился и клевал носом.

— Давайте оставим его у городских ворот, — шепотом предложил Ромашка. — Не отвяжется ведь.

— Нет, лучше снимем ему комнату в гостинице и оставим там, — так же шепотом ответила я. — Он ведь наш ДРУГ.

— Какой он нам друг, Марьяна?

— Ведьма дело говорит, — вмешался Итен. — Нехорошо бросать человека под действием непонятно чего. Он нам ничего плохого не сделал.

Почему это непонятно? Состав трав был прекрасно мне известен! Но я только покивала, отложив споры на лучшие времена, так что мы мирно въехали в город, сняли комнатку в первой же попавшейся гостинице и отвели туда Данелия.

— А с ним точно все будет хорошо? — спрашивал Бон, когда мы улепетывали со всех ног, оставив сказочника дремать на кровати.

— Конечно, малыш, — отвечала я. — Данелий — взрослый парень, и ничего дурного с ним не случится.

— И все-таки я буду скучать.

Я только вздохнула. Пикси был забавным малышом, совсем еще крошкой, и так легко привязывался к людям. Хотя мне тоже будет не хватать баллад Данелия. Но лучше нам больше не встречаться, особенно пока перед нами — такая сложная миссия.

— Ничего, если судьба распорядится, мы еще встретимся, — сказала Тихвина. — А пока нам нужно как можно скорее найти Альберта и вернуться в столицу, потому что счет идет на дни, если не на часы.

С Тишкой сложно было поспорить, поэтому остаток ночи мы потратили на то, чтобы найти гостиницу и для нас. На сон оставалось часа три, чтобы рано утром мы начали поиски того, за кем, собственно, и приехали. Моего жениха, сама встреча с которым пугала. Меньше всего на свете мне хотелось видеть Альберта, но его обязательно нужно найти. И тогда мы решим не только проблемы государственной важности, но и вопрос с нашей помолвкой. Я надеялась услышать, что она давно разорвана и я свободна. А вот что скажет сам княжич — смогу узнать, только если мы его найдем. И лучше сделать это поскорее.

ГЛАВА 25

Как найти одного человека в огромном городе? Потому что оказалось, за скромным названием скрывается красивейший град с древней историей, удивительной архитектурой и сотнями тысяч населения. Увы, особых примет у моего несостоявшегося супруга не было. Никто не выбил ему зубы, не лишил глаза, а родинки... Не разглядывала я родинки! Торопилась сбежать, чтобы не потащили в храм с высокомерным гусем, не в обиду городу будет сказано. И вот теперь предстояло самой отыскать того, кого когда-то отвергла. К счастью, не для брака, но вряд ли он будет рад меня видеть.

— Давайте поделимся, — предложила я этим утром друзьям. — Хотя бы по парам. Так будет проще вести поиски.

— А может, я просто загадаю желание и Али найдет княжича? — зевнул Ромашка.

— Ты готов со мной сразиться? — Тут же из воздуха возник Али.

— Нет, он не готов! — рявкнула я, и оба поморщились. Но если это действительно единственный выход? Кстати, у меня было время подумать, как победить Али в случае нашего боя, вот только кто же мог представить, что сражаться с ним придется Ромашке?

— Кажется, кто-то решил за меня, — недовольно сказал Ромаш. — Но, помнится, ты сама хотела, чтобы Али обрел свободу, Марьяна.

— Я до сих пор этого хочу, — ответила ему. — Но не уверена, что сейчас лучший момент для этого. Давайте попробуем отыскать Альберта самостоятельно, а если уж ничего не выйдет, прибегнем к помощи Али. И потом, он ведь может и не быть в Гусе.

— Тогда я иду со Славом, — вмешалась Тихвина, не дав князю опомниться.

— А я с Итеном, — присоединилась к подруге Любима.

— Я с Марьяной! — завопил Бон и вцепился в меня. — А Ромашка пусть с Али идет.

— Не пойду я с ним! — Ромашка и Али ответили одновременно.

— И потом, без желания я не буду искать вашего князя, — добавил Али. — Так что Марьяна пойдет с Ромашкой, и пусть берут с собой Бона, а я останусь здесь, в кувшине.

И исчез. Какой нервный... Мы с Ромашкой покосились друг на друга. Да, мы помирились, но общаться с ним все еще было неловко. Однако друзья уже разбились по парочкам, и нам оставалось только смириться. Вот только Бона попросили остаться и присмотреть за Али, насилу уговорили.

— Идем? — спросил Ромашка.

— Идем, — кивнула я.

Мы разбрелись в разные стороны: Слав с Тишкой свернули на юг, Итен с Любимой — на север, а мы с Ромашкой пошли прямо по улице от дверей гостиницы. Договорились, что встретимся вечером, а пока каждый будет искать, как считает нужным.

— Думаешь, у нас есть шансы так просто найти Альберта? — спросил Ромашка, пока мы шли вдоль улицы.

— Просто — шансов нет, — ответила я. — Давай подумаем. Вот мы с тобой — маги. Увы, среди моих заклинаний нет ни одного, которое могло бы помочь в поиске. А среди твоих?

Ромашка задумался, я старалась ему не мешать.

— Есть одно, — нехотя ответил он, — но давай оставим его на крайний случай. Если до вечера не найдем твоего Альберта, испробуем его.

— И никакой он не мой! — обиделась я. — А то, что жених, — так я согласия не давала. Кто знает? Может, если поискать, и у тебя невеста найдется.

— Не найдется, — отрезал Ромашка.

— Тебе виднее.

Разговаривать расхотелось, и мы занялись делом. Заходили в лавчонки и кабаки, расспрашивали местных о приезде из столицы, описывали Альберта, как только могли, потому что портрета у нас, увы, не было. Нас слушали с вежливым вниманием, отвечали, что никого похожего не видели, и мы

шли дальше. Начало темнеть, и даже надежды на то, что друзьям повезло больше, чем нам, не осталось.

— Ромаш, а твое заклинание сильно неприятное? — устало спросила я.

— Сильно, — ответил он. — Но другого все равно нет, поэтому идем.

И увлек меня куда-то в сторону.

— И куда это мы? — поинтересовалась я, вяло передвигая ногами.

— На кладбище. Давай, Марьяна, скорее.

— А почему ты уверен, что кладбище именно там?

— Некромант его всегда найдет.

И действительно, минут десять спустя впереди показался невысокий заборчик, отделявший мир мертвых от мира живых. Ромашка перемахнул через него с легкостью и подал мне руку. Я, наоборот, перебралась с трудом — слишком устала от ходьбы по городу.

— А теперь стой здесь и, если почувствуешь что-то неладное, немедленно перепрыгивай обратно, — напутствовал Ромаш.

Я хотела было спросить, что следует считать неладным, но он уже отошел шагов на десять, присел у надгробия и опустил на него руки. Поились заклинания на странном языке — я никак не могла разобрать слов, будто все слилось в единый монотонный звук. А потом стало холодно и отовсюду хлынули тени. Они окружили Ромашку, закачались, как деревья на ветру, зашелестели.

— Я ищу княжича Альберта, наследника Альбертины, — отчетливо произнес Ромашка. — Нет ли его в мире мертвых?

Тени что-то прошелестели.

— А видите ли вы его в мире живых?

Снова таинственный шелест.

— Благодарю за службу.

Ромашка вдруг вынул из рукава тонкое лезвие, чиркнул по ладони и пролил на землю кровь. Тени зашипели и растворились, а я присела на заборчик, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Сам Ромаш вдруг тоже подозрительно зашатался и с размаха сел на чье-то надгробие.

— Ромашечка, ты живой? — позвала я.

Ответа не последовало, поэтому подобралась ближе, села рядом и обняла его за плечи.

— Все хорошо?

— Нет, — тихо ответил он.

— Неужели Альберт...

— При чем здесь Альберт? — вспыхнул он. — Разве дело в нем? Боюсь я мертвых, понимаешь? Боюсь! И больше не стану с ними общаться, даже ради блага страны.

— Ну, миленький, все ведь хорошо, — зашептала, глядя его по спине. — Все в порядке. Они уже ушли. Что сказали хоть?

— Что Альберт в городе, в западной его части с кем-то пьет. Там какой-то кабак, а на вывеске — котел, и...

— Идем же! — Я схватила Ромашку за руку и потащила за собой, козой перепрыгнув через заборчик. — Вдруг он куда-то уйдет? Давай, Ромашка, не отставай. Где тут запад?

— Подожди.

И мой друг остановился как вкопанный.

— Что? — Я обернулась в недоумении, а Ромаш вдруг шагнул ко мне и поцеловал.

Голова сладко закружилась. Я обвила руками Ромашкину шею и ответила на поцелуй, и стало

хорошо-хорошо, будто мы не стоим в нескольких метрах от кладбища и не побежим искать наследника Альбертины, а находимся в каком-то прекрасном месте.

— Люблю тебя, — шепнул Ромаш мне на ушко.

— И я тебя, — ответила тихо и отвернулась, скрывая пылающие щеки. — Но замуж не пойду.

— Это мы еще увидим!

Я в своем решении была тверда, но, видимо, и Ромашка был из твердолобых, потому что подхватил меня под локоток. Я попыталась вырваться, но он не позволил и повел меня в ему только известном направлении. Оставалось надеяться — он знает, что делает.

— Ромаш, а ты уверен, что призраки не солгали? — пыталась спросить я.

— Вот пойдем и проверим, — ответил он.

И правда, пойдем и проверим. Главное, чтобы это не оказалось ловушкой для незадачливого некроманта и его спутницы. Широкие улицы сменились узкими проулками. А я все думала: неужели подручные папы Ромашки не смогли отыскать Альберта-младшего, зная, в каком городе он находится? А может, он просто никому это не поручал? Побоялся? Что вообще происходит?

— У тебя так же много вопросов, как и у меня? — спросила у Ромашки.

— Да, — ответил он. — Но главный — где же этот кабак?

— Вот же он, взгляни!

На вывеске действительно был нарисован большой котел, в котором что-то булькало. Правда, это больше походило на зелье, чем на пищу, но не было времени придирааться, и мы с Ромашкой ввалились внутрь. Нос тут же заложил от хмельного запаха алкоголя. Я поморщилась и зажала нос пальчиками, чтобы не чихнуть, а Ромашка огляделся по сторонам.

— Вон там свободная скамья, — указал мне.

— Нам не скамья нужна, — воспротивилась я.

— Садись.

Ромашке виднее, хотя бы в этом случае, поэтому он усадил меня на скамью, на пару минут исчез, а вернулся с двумя кружками. Одну протянул мне, я принялась — к счастью, это был какой-то местный напиток, напоминающий компот со специями.

— Пей, не бойся. — Ромашка присел рядом со мной. — А теперь ищем Альберта.

Да, действительно, сейчас мы похожи на обычных посетителей и не привлекаем внимания. А кабачок пользовался популярностью, и так просто разглядеть Альберта среди трех десятков мужчин было непросто. Вдруг послышались гитарные переливы. Богата талантами родная Альбертина — я едва от Данелия в себя пришла, как уже следующий менестрель нарисовался. Уф!

Жила-была красавица-княжна, Она своей красой всех затмевала, Ночами солнцем землю озаряла, И днем светила равной была. Посватался к княжне однажды князь, Он звал ее делить с ним бремя власти, Но кто же знал, что юной девы счастье — То колдовство, а не любовь и власть? Она сбежала той же ночью прочь, А он ее ушел искать по свету, И о княжне поет он песню эту, В надежде, что сумеет песнь помочь.

— Слушай, Марьяна, а не о тебе ли песенка? — поинтересовался Ромашка, а я едва не подпрыгивала, стараясь разглядеть, кто поет, но, увы, за спинами посетителей ничего не было видно.

И в поисках свою он встретит старость, Но нет княжны, и слух прошел о том, Что дева эта милая, как сон, На самом деле ведьмой оказалась.

— Ведуньей, — по привычке поправила я, все-таки пробившись ближе к менестрелю.

Альберт икнул, отложил гитару и уставился на меня. А я подумала, что княжич-то изменился! Нет, он по-прежнему был хорош собой. Ясные глаза, темные кудри до плеч, мужественные черты лица. Вот только, судя по всему, Альберт был безнадежно пьян. Он стал старше, потерял былую грацию движений. Или так казалось из-за алкоголя?

— Ведьма! — радостно выкрикнул он.

— Где? — завертелись посетители, а я покраснела. Вот подлец!

— Марьяна — ведунья, — вмешался Ромашка. — А вам лучше пройти с нами, господин певец.

— Не пойду, — заупрямился тот, вцепившись в гитару. — Марьяна... ик... я искал тебя. Стой, негодная!

И попытался до меня дотянуться. Я взвизгнула и спряталась за Ромашкину спину, жалея, что сумка с экспериментальными зельями осталась под присмотром Бона. Вот бы сейчас зелье роста волос под руку попало! И связали бы Альберта волосами. Впрочем, защищать меня Ромашке не пришлось. Княжич споткнулся и растянулся на полу. Гитара упала, жалобно звякнув, а зрители рассмеялись.

— Вот как напился, — сказал Ромашка.

— Да он тут каждый вечер пьет как не в себя, — поделился с ним розовощекий парень. — И поет про ведьму свою, и в каждой девушке ее видит. Знамо, сильно в сердце запала.

— Думаю, вы правы, — покивал Ромаш, а сам подхватил Альберта под одно плечо. — Марьяна, помогай.

Мне пришлось подхватить под второе, а в другой руке сжать гитару, и мы потащили княжича к выходу. Ох, тяжеленный! Хорошо бока наел на песнях.

— Слушай, Ромаш, а может, тут его бросим? — предложила я.

— Второй раз к духам не пойду, если пропадет, — буркнул тот. — Тащи.

И мы тащили. Прохожие оборачивались вслед. Кто-то смеялся, кто-то сочувственно вздыхал, а я чувствовала себя... нет, даже не лошадью, ослом. И зачем я в это ввязалась? Захотела послужить родине? А зачем Альбертине запойный князь? Прошлый в подобном, кстати, замечен не был. Но наше дело — дотащить Альберта до столицы, а там пусть Ромашкин папа разбирается сам.

Когда впереди замаячили двери гостинного дома, я возблагодарила всех богов. Ромашка тоже как-то сдавленно охнул. Все-таки большая часть веса Альберта пришлась на его плечи. А на пороге нас уже поджидал хозяин гостинного дома.

— За этого доплачивать будете? — спросил угрюмо. — Предупреждаю, за пьяного — двойной тариф, а то потом мебель ломают, денег за нее не добьешься.

— Будем, — пообещала я, — включите в стоимость комнаты.

И мы с Ромашкой потащили Альберта внутрь, пересчитали его ногами все ступеньки на лестнице и наконец ввалились в мужскую комнату. Слав и Итен уже были здесь.

— Ой, что это с ним? Убили? — взвыл Бон, взмыв под потолок.

— Живой он, — охнула я и бросила Альберта. Ромашка тоже его не удержал, и княжич рухнул на пол. — Пьяный только.

— Кто пьяный? Я не пьяный! — Альберт на миг открыл затуманенные глаза — и снова рухнул на пол, приложившись затылком.

— Мм, и это будущий князь? — с сомнением спросил Слав.

— Да, — «радостно» подтвердила я. — Он самый, женишок мой несостоявшийся. Ходит по миру и про предательницу-ведьму поет. Зараза!

— Кстати, о песнях. — Слав как-то настороженно и виновато посмотрел на нас. — Мы случайно встретились с Данелием, и он опять увязался за нами. Он сейчас девчонок песнями развлекает.

Я прислушалась. К счастью, стены в гостинном дворе были толстые, иначе я бы сошла с ума от чужих вокальных талантов.

— Потом разберемся с Данелием, сейчас важнее княжич, — заявила друзьям. — Оставляю его на вас, пусть проспится, а я — к себе.

— А что сказать Данелию? По поводу Альберта.

— Что они оба спят на полу, — ответила я и вышла за дверь.

Бон вылетел следом, а из комнаты парней послышался богатырский храп. Вот так-то!

ГЛАВА 26

— Кажется, я начинаю понимать, почему ты так не хотела выходить замуж за этого типа, — ранним утром заявлял Ромашка.

Впрочем, в нашу комнату он сбежал еще ночью, хотел лечь спать на полу, но я подвинулась — мне не жалко. Поэтому проснулись мы рядом и тихонько шептались, чтобы не мешать Тишке, Любиме и Бону, который в очередной раз выбрал для сна ящик стола.

— Когда Альберт приезжал в наш замок, он не пил, — отвечала я. — Просто казался таким высокомерным! Как будто он делает великое одолжение, посватавшись именно ко мне, и я должна быть ему благодарна до конца своих дней.

— И ты благодарна? — рассмеялся Ромаш.

— Тише ты, девчонок разбудишь. Да, благодарна, потому что из-за него я уехала из дома, окончила школу, повстречалась с вами. Все из-за него.

— Тогда при случае скажу княжичу спасибо.

Я только улыбнулась. Да, не помешало бы, но почему Альберт застрял в Гусе и его никто не мог отыскать? Почему ведет такой образ жизни? Что произошло? Ответ на эти вопросы мог дать только сам Альберт, а он, увы, до сих пор сотрясал храпом всю гостиницу. Бедные Итен и Слав. Вот кому не позавидуешь. Стоит ли упоминать, что к завтраку парни спустились мрачными как сычи?

— Как спалось? — ласково спросила Тишка.

— Замечательно, — поморщился Слав.

— Отвратительно, — поддержал его Итен. — В следующий раз с княжичем и Данелием спите вы.

— Фи, как это неприлично, — возмутилась Любима. — Оставлять нас в компании двух полузнакомых мужчин.

К слову о Данелии, сказочник как раз появился на лестнице. Он зевал во весь рот, а заметив нас, радостно оскалился и помахал рукой. Вот неунывающий демон.

— Доброе утро. — Сказочник плюхнулся за стол. — Как я рад вас снова видеть! Так жалел, что мы расстались, не попрощавшись. Я за вчерашний день написал с десятков новых песен о злой разлуке и узнал столько же новых местных сказаний. У вас, вижу, тоже день прошел с пользой — вас стало на одного больше.

— Это наш друг Берг, — пояснила Тишка.

— Тот самый, которого вы искали?

— Да, — вместо нее ответила я. — И раз уж нашли, сегодня же отправляемся домой.

— Так и я с вами! — «обрадовал» Данелий. — Сказания я уже записал, с местными жителями пообщался, пора и честь знать. В столице скоро начнется ежегодный поэтический турнир, хочу на него успеть.

— Извини, ничего не выйдет. — Ромашка похлопал его по плечу. — Берг будет против.

— Но почему? Мы даже не знакомы.

— Вот поэтому и будет. Так что, Данелий, обратно в столицу ты поедешь сам.

— Ну как знаете, — вздохнул тот. — Тогда позвольте хотя бы оплатить ваш завтрак в благодарность за то, что все эти дни были рядом.

Мы переглянулись. Да, совесть кольнула, и, уверена, не только меня. Данелий не сделал нам ничего дурного, но посвящать его в дела княжества нельзя. Тем не менее я понимала, что мне будет его не хватать: простодушного и лиричного парня, который знает больше баллад, чем у меня волос на голове. Эх, Данелий...

— Ничего, может быть, когда-нибудь встретимся, — сказала ему. — А сейчас пойду, проводаю Берта.

— Я с тобой, — тут же поднялся Ромашка.

— И я, — присоединился Итен.

— А мы побудем здесь. — Тишка покосилась на Данелия, и Слав с Любимой не стали возражать, поэтому на второй этаж мы поднимались втроем. Я открыла дверь в комнату парней — и отшатнулась, покраснев. Альберт проснулся. Он стоял посреди комнаты в одних портках и рассматривал грязную рубашку. Да, за эти годы изменилась не только я. Альберт стал шире в плечах. Откуда-то взялись литые мускулы, впалый живот. Совсем не тот паренек, что приезжал ко мне свататься. А вот горделивая осанка и тяжелый взгляд были у княжича и при нашем знакомстве.

— Ты! — Альберт прищурился, даже не подумав прикрыться.

— Да, я, — ответила тихо. — Здравствуй, княжич.

— Здравствуй, ведьма.

Ощутила, как пальцы Ромашки сомкнулись на моем запястье. И что это было? Молчаливая поддержка? Или ревность перед соперником? Я склонялась к первому.

— Давно не виделись, — глухо сказал Альберт.

— И не виделись бы еще дольше, но меня привело к тебе неотложное дело.

— У нас с тобой только одно неотложное дело, ведьма, и это наш брак. Ты хоть понимаешь, какие беды навлекла на мою голову?

— Попрошу говорить почтительно с моей... подругой, — вмешался Ромашка. Увы, я не дала ему права использовать другой «титул».

— А ты кто такой? — Альберт зло уставился на неожиданную преграду.

— Ромаш Ветерей.

— Некромант? — процедил сквозь зубы Альберт. — Наслышан, наслышан. Такой же беглец, как и эта женщина.

Я недовольно фыркнула.

— Не твое дело.

Ромашка тоже принял правила игры, и его фамильярный тон говорил об этом лучше всего.

— Зато женщина — моя.

— Еще чего! — Я задрала нос. — Ты вообще моего согласия не спрашивал.

— Так решили наши родители. Кто мы такие, чтобы противиться их воле?

— Люди умные и самостоятельные, — ответила я. — Кстати, о родителях. Нас послал к тебе князь Ветерей, Альберт, и просил найти тебя, потому что верховный князь при смерти и ты должен немедленно вернуться в столицу.

— О да, — вдруг зловеще рассмеялся Альберт. — Теперь я могу вернуться в столицу, ведь я нашел тебя, ведьма.

— Во-первых, ведунья. Во-вторых, не вижу взаимосвязи.

— А взаимосвязь такова, что отец запретил мне возвращаться, пока тебя не найду. Видишь ли, он не хотел и слышать о том, что я на тебе не женюсь, и почему-то решил, будто я виноват в твоём побеге. Обидел тебя чем-то, вот ты и сбежала.

— А что, не так? Смотрю, новости тебя совсем не взволновали.

— Плевал я на старого князя. Он сам отправил меня с глаз долой. Ему важнее оказалась какая-то пигалица.

— Тем не менее вам придется проехать с нами в столицу и принять бремя власти, — вмешался Итен. — Только дар князя Ветерея держит жизнь в теле вашего отца. Как только нить оборвется и верховный князь умрет, в Альбертине начнется борьба за престол.

— И на Альбертину мне тоже плевать! — выверился Альберт. — Никого не интересовало, где я был пять лет. Никто не спрашивал, как я жил. Нет, отцу было важнее мнение друга, у которого, видите ли, сбежала дочь. Так какое мне дело до этой страны? До борьбы за власть? Мне и здесь хорошо!

— Пить? — холодно поинтересовалась я.

— Петь!

— Жуткие песни. Только я не уговаривать тебя приехала, Альберт. Ты поедешь с нами в столицу, а потом делай, что хочешь.

— Или что? — прищурился княжич.

— Или я тебя заставлю это сделать.

— Ты? — Он громко рассмеялся. — Не смейся мои подошвы, ведьма. Мерзкое порождение мрака.

Ромашка метнулся вперед раньше, чем успела его перехватить. Он был ниже Альберта и субличнее, что уж там, но одним ударом сбил его с ног и перехватил за шею.

— Извиняйся! — рыкнул он, и даже мне стало страшно. Захотелось покаяться во всех проступках. — Извиняйся, княжич, или убью, а потом мертвым приведу в столицу.

— Приношу извинения, Мария, — просипел тот, и Ромашка ослабил хватку.

— Хорошо, забыли, — ответила я. — Но вопрос с твоим возвращением в столицу остается открытым.

— А что тут обсуждать? Я поеду с вами и откажусь от престола. И пусть делают, что хотят.

— Право твое, — признала я. — Собирайся, у нас мало времени. Вечером выдвигаемся в обратный путь.

И пошла прочь. Почему-то стало горько до слез. Может, потому что Альберт винил меня в своих бедах. Может, потому что вспомнила прошлое. Но на самом деле никто меня не обижал, я просто не хотела навязанного брака. Не хотела, чтобы будущий муж смотрел на меня так же, как сейчас, — свысока, будто на пустое место. Это не была вина Альберта. Он желал этой свадьбы не больше меня. И я до сих пор не знаю, какая муха укусила верховного князя, когда он решил породниться с моим домом. Возможно, дело действительно было в том, что они с отцом много лет дружили, участвовали в битвах, прикрывали друг другу спину. Отец говорил что-то про долг жизни, но я не вслушивалась. Вероятно, папа когда-то помог верховному князю, и тот решил отплатить. Вот только кто спрашивал, нужна ли мне такая милость?

Открыла дверь нашей, девчоночьей комнаты, и ко мне подлетел Бон.

— Что такое, Марьяна? Тебя кто-то обидел? — допытывался он.

— Альберт ее обидел, — вместо меня ответил Ромашка.

— Вот негодник! — Пикси напыжился и начал напоминать ежа. — Не плачь, Марьяна, я ему покажу, где пикси зимуют.

— Не надо, — отмахнулась я. — Альберт ни при чем. Он хотел жениться на мне не больше, чем я — выйти за него замуж.

— А по-моему, он виноват, — угрюмо добавил Ромашка.

Я обернулась. Итена не было — значит, остался приглядывать за будущим верховным князем. Слезы действительно покатались по щекам. Ромашка вздохнул, шагнул ко мне и обнял. Я уткнулась носом в его рубашку.

— Не реви, глупая. — Он гладил меня по голове. — Просто Альберт Двенадцатый плохо воспитал своего наследника, ты здесь не виновата.

Но я все равно плакала. Ромашка усадил меня на кровать, продолжая обнимать, как маленькую девочку, зашептал какие-то глупости, и стало спокойнее. Я тоже обняла его в ответ. Ромашка... Сердце наполнилось теплом. Хороший мой, родной. Любимый... Такое страшное слово, которое я сама боялась произносить, но оно так и рвалось изнутри. Мой любимый.

— Похоже, нас ожидает слишком длинный обратный путь, да? — Я нехотя выбралась из объятий Ромашки и вытерла слезы.

— Да, Марьяна, — невесело улыбнулся тот. — Скажи, а ты уверена, что не хочешь замуж за этого Альберта?

— Ромаш, ты опять? — Я вскочила с кровати. — Не хочу! Не имею ни малейшего желания! Понятно?

— Не злись. — Ромашка поднялся следом за мной. — Просто любая другая была бы рада стать

правительницей Альбертины.

— Я — не любая.

— И это верно. Ладно, давай заберем Слава и девушек из плена Данелия. Нам надо запастись едой на обратный путь, а Итен пусть присмотрит за Альбертом, чтобы не сбежал.

— За Альбертом присмотрю я, — мстительно пообещал Бон.

— Не стоит, малыш. — Я подхватила его на ладошку и чмокнула в нос. Бон мигом покраснел, зарделся — и упорхнул в открытую Ромашкой дверь.

— Идем, — поторопил Ромаш.

Я захватила сумку и поспешила за ним. Слав, Любима и Тишка все еще слушали грустные рассказы Данелия. Слав откровенно зевал, Тишка опустила голову ему на плечо и едва ли не дремала, и только Любима казалась бодрой и свежей.

— А, вот и вы! — Данелий заметил нас. — Я тут как раз рассказываю, как накануне услышал дивную легенду...

— Извини, нет времени, — пробормотал Ромашка, подхватывая Слава, а девчонки потянулись за мной. — Рад был знакомству, Данелий. На этом наши пути расходятся.

— Взаимно, — удивленно ответил тот, а Ромаш уже тащил нас к выходу.

— Зачем ты с ним так? — спросила я. — Он не желал нам зла, ему просто одиноко.

— Когда мне было одиноко, никто не спрашивал меня, желаю ли я чьей-то компании, — буркнул Ромаш. — А Данелий не хочет от нас отвязываться. Не удивлюсь, если, когда мы вернемся, он так и будет сидеть в общем зале и поджидать нас.

Однако мрачные прогнозы Ромашки не сбылись. Мы купили еду, пополнили запасы воды и вернулись в гостиный дом только для того, чтобы пообедать, отдохнуть пару часов и отправиться в путь. Данелия в общем зале уже не было, зато там нашлись Итен, Альберт и Бон. Причем перед парнями на столе стояла запотевшая бутылка, явно не с соком, а Бон завис под потолком и наблюдал за ними. Итен наполнил стаканы, и они выпили. То есть Итен выпил благополучно, а Бон с визгом спикировал вниз на лицо Альберта. Тот поперхнулся, выпустил стакан, подскочил, стараясь отодраться от лица резвого пикси, но не тут-то было. Бон держался не на жизнь, а на смерть. Альберт кашлял, тряся, махал руками.

— Бон, отпусти его немедленно! — кинулась я к пикси, подхватила его на руки, и красный, как яблочко, Альберт рухнул на скамью.

— Это что было, проклятая ведьма?! — рявкнул он, восстанавливая дыхание.

— Еще раз оскорбишь ее и будешь иметь дело со мной, — встрял Ромашка.

— Отстань, блоха на моем ботинке.

Ромаш сжал кулаки. Из углов поползли тени, но я повисла у него на руке:

— Ромашка, не слушай дураля! Не видишь, что ли? Он последние мозги выкашлял. Идем лучше обедать, только сядем подальше от этого ненормального. Итен, ты тоже не сидел бы с ним, а то заразишься.

Слав и девчонки рассмеялись. Альберт покраснел еще больше, а я утащила Ромашку и Бона за дальний стол, купила пикси большой леденец, а мы с Ромашкой заказали плотный обед. Альберт так и продолжал испепелять нас грозными взглядами. Друзья подумали — и подсели к нам, только Итен остался на своем месте. Видимо, чтобы княжич не сбежал. После обеда мы разбрелись по комнатам, немного подремали, и на закате снова нагрузили наших лошадей едой, кувшином и сумками, чтобы отправиться в обратный путь. К счастью, у Альберта лошадь была своя, и мы не тратили время на ее поиски. Вот только сам княжич смотрел на меня так, будто мечтал придушить, а я начинала сожалеть, что мы вообще его отыскивали.

ГЛАВА 27

Как я и предполагала, обратный путь сложно было назвать приятным. Мы снова разбились на парочки: впереди ехали Итен и Любима, затем — одинокий Альберт, Слав с Тишкой и мы с Ромашкой. На плече у Ромашки восседал Бон. Он что-то шептал тому на ухо, и Ромашка задумчиво кивал. Что они уже задумали? Впрочем, меня в общие планы не посвящали. Мы ехали почти всю ночь, затем утром ненадолго остановились отдохнуть и снова двинулись в путь, за это время едва обменявшись парой слов. Так же молча пересекли границу Северных княжеств — нас никто не стал останавливать. Кажется, до столицы я разучусь говорить.

Зато времени хватило, чтобы провести ревизию в сумке, аккуратно рассортировать зелья, проверить, что можно использовать, а что лучше выбросить — не все из них были длительного пользования. К вечеру мы снова остановились на привал, я оставила сумку и пошла к реке умыться. Очень хотелось искупаться, и я даже подумывала попросить Ромашку подежурить на берегу, чтобы никто не подглядывал.

— Что, слишком жарко? — Тот будто прочитал мои мысли.

— Да, — вздохнула я.

— Так давай искупаемся.

— А может, ты подождешь на берегу, пока я поплаваю? Потом поменяемся.

— Думаешь, твой жених решит подсматривать? — прищурившись, спросил Ромашка.

— Возможно, — честно ответила я.

— Тогда я подежурю. Купайся.

Я быстро разделась и вошла в воду. Она была такой приятной, что хотелось не выбираться из нее целую вечность. Ромашка сидел на берегу спиной ко мне и что-то насвистывал, и я чувствовала себя в безопасности — ровно до того момента, как с полянки, где расположились друзья, раздались оглушительные вопли. Вылетела из воды прямо в том, в чем была — в тонкой сорочке, которую надевала под платье, и кинулась на поляну. Ромашка побежал за мной. А когда остановились, взгляду открылась удивительная картина: Альберт сидел на земле, крепко сжимая в кулаке покрасневшего Бона. Малыш едва не задыхался, и я тут же кинулась на помощь, как-то мимоходом отмечая главное: кожа Альберта была приятного бирюзового цвета.

— Пустите малыша! — закричала я, вцепившись в его руку. — Ты, чурбан неотесанный! Выпусти Бона немедленно!

— Эта дрянь... — Альберт только сильнее сжал пальцы, но вдруг вскрикнул и выпустил пикси, будто увидел что-то, чего тут уж точно не должно быть.

Я благодарно кивнула Ромашке, и он убрал свою жуткую силу.

— Это не дрянь, а маленькое существо, которому ты сделал больно! — Ткнула пальцем в грудь Альберта.

— Он вылил на меня зелье, — пытался оправдаться тот.

— Ты обижал Марьяну, — слабо пропищал пикси, а Тишка уже подхватила Бона на руки.

— А вы-то что стояли? — Я развернулась к Славу и Итену. — Любовались, как малыша убивают?

— Мы ничего не успели сделать, Марьяна. Альберт — маг, — тихо, виновато ответил Слав.

— А то я не знаю!

— Пока мы справились с его силой, прибежала ты.

— Марьяна, ты не одета, — напомнил Ромашка, я взвизгнула и бросилась прочь, обратно на берег, где оставались мои вещи.

Вернулась одетая и злая, с друзьями демонстративно разговаривать не стала. Оставила на пару минут, а они чуть пикси не погубили. Самое забавное, что Альберту никто не сказал о его бирюзовом лице. Он так и сидел, уплетая бутерброды с ветчиной, а я тоже не горела желанием выслушивать его мнение о моем замечательном зелье. Кстати, самом обычном, для подкраски волос. Оно меняло цвет и при этом не вредило самим волосам, и так же легко смывалось другим зельем, которого у меня с собой не было. Либо же эффект исчезал ровно через сутки. У зелья было

только одно противопоказание: нежелательно, чтобы оно попадало на кожу. Что, собственно, и произошло с Альбертом.

Бон уже пришел в себя и летал рядом со мной, бросая на Альберта обиженные взгляды.

— Бон, ты зачем облил княжича? — шепотом спросила я.

— Так он же тебя обидел, — заявил малыш. — Поделом!

Мой защитник. Даже глаза защипало от нахлынувших эмоций, а княжич зло покосился в нашу сторону.

— Давайте продолжим наш путь, времени все меньше, — вмешался в нашу идиллию Итен.

— И то верно, — откликнулась я. — Некогда отдыхать.

— Марьяна, а Альберт теперь так и останется синим? — поинтересовалась мстительно Любима.

— А по-моему, приятный бирюзовый цвет, — захихикала Тишка.

— О чем это они? — прищурился княжич.

— О цвете твоего лица. — Ромашка похлопал его по плечу.

— Что-о-о?

Я пожала плечами и пошла к лошадям. Надо собираться, пока в Альбертине не начались волнения. Увы, времени становилось все меньше.

— Эй, ведьма, — перехватил меня Альберт, — что мне теперь делать?

— Не жаловаться, — фыркнула я. — И извиниться перед Боном, иначе так и останешься бирюзовым. То-то в столице порадуются.

— Извиняться не стану, — прошипел Альберт, расправляя плечи.

— Дело твое.

Как раз подоспели друзья, мы забрались на лошадей, и наш путь продолжился. Дорога вела вдоль густого леса. Деревья тянули к небу массивные вековые стволы, и казалось, что с кривых ветвей за нами кто-то наблюдает. Страшно...

— Все хорошо? — тихо спросил Ромашка.

Я кивнула. Да, хорошо. Было. Ровно до той минуты, пока впереди не появилось что-то темное. Сгустки мрака, преграждавшие нам путь.

— Не приближаться! — гаркнул Ромашка и поехал вперед. — Кто ты? Покажись!

— Что он делает? — поинтересовалась Любима.

— Думаю, общается с коллегой по ремеслу, — сурово ответил Итен, обнажая меч.

Я удивилась, когда в руках Слава возник кинжал — будто из воздуха. Князь Листвина и оружие — казалось, что они совершенно несовместимы. Тем не менее кинжал был, и мерцал он тусклым синеватым светом. Альберт доставать оружие не стал. Он только, будто натянутая струна, весь напрягся, чтобы вступить в бой.

А Ромашка ехал вперед, ближе и ближе.

— Выходи! — крикнул он.

Вдруг стало темно. Конечно, можно сказать, что была ночь, но до этого я хотя бы что-то видела, а сейчас тени сгустились, и только пятачок, где стоял Ромашка, будто светился. А перед ним в поле света вышла еще одна фигура, и нашего врага я с удивлением узнала.

— Данелий.

Сказочник... Нет, некромант поднял голову и отвесил нам поклон.

— Рад снова видеть вас, друзья, — благодушно сказал он. — И спасибо, что облегчили мне работу и нашли княжича Альберта. Увы, до столицы он не доедет. И вы тоже, хоть я и глубоко сожалею по этому поводу. Прощу простить.

— Мерзавец! — рывкнул Ромашка.

— Возможно. — Данелий пожал плечами. — Знаешь ли, жажда власти портит людей, и я не исключение. Некроманту сложно не понять, что Альбертиной правит мертвец. Но и мне невыгодно было рушить заклинание Теодора Ветерея, пока существует наследник. Нет наследника — нет проблем.

— Кто ты? — спросил Ромаш.

— Я же представился. Данелий. Князь Фергарда, если вы об этом. А теперь довольно разговоров.

Взметнулась тьма. Она заклубилась вокруг Данелия, будто живая. У нее были десятки щупалец, которые потянулись к каждому из нас.

— Не подходить! — крикнул Ромашка, и его фигура тоже подернулась мраком, а из леса выступили тени. Кто их призывал? Ромашка или Данелий? Я ставила на второго, потому что Ромаш их боялся. Тьма ударила Ромашку в грудь, и тот отлетел на несколько шагов, но быстро поднялся и кинулся на врага. Нет, тени все-таки были его. Они обступили Данелия, но тот с легкостью рассеял их и рассмеялся. Итен и Слав попытались пробиться к Ромашке, вот только оказалось, что пятно света, в котором сражались некроманты, находится будто под куполом. Я спрыгнула с лошади и кинулась туда же, но будто наткнулась на стекло. Била по нему, но стекло не поддавалось. Итен и Слав пытались пробить преграду своим оружием, Тишка поспешно доставала зелья, и пошли в бой первые пузырьки, а с пальцев Альберта сорвался самый настоящий смерч, только куда меньше, чем бывал в природе. Он ударился о пелену и рассеялся, будто и не было. Даже Бон — и тот бился о непонятную преграду, пытался облететь ее сверху, и ничего.

А Ромаш и Данелий призывали тьму — снова и снова. Страшно сверкали молниями черные вспышки. Из леса тянулись тени, и я видела, как кровавые полосы остаются на телах некромантов. И поняла главное: Ромашка проигрывал. Да, он был силен, но, видимо, долго не использовал свою магию, и все чаще заклинания срывались, а Данелий действовал четко, уверенно.

— Ромаш! — кричала я в отчаянии, все еще пытаюсь пробиться к нему. Схватила с лошади сумку и плеснула на преграду первым попавшимся зельем. Ничего. Второе, третье... Ромашка сосредоточился, и теперь Данелий отступал. Сказочник казался удивленным, будто не ожидал, что кто-то сможет его побороть. Я кинула очередное зелье — и пелена расступилась, а я вывалилась по ту сторону, чтобы преграда сомкнулась за моей спиной. И тут же тьма сдавила горло. Ее щупальца подняли меня над землей.

— Все еще хочешь защитить княжича, некромант? — В голосе Данелия слышалась насмешка. — Тогда попрощайся с ведьмой.

Тьма сильнее сдавила горло, я захрипела, слышно было, как в ужасе кричат друзья.

— Али, спаси Марьяну. Это мое третье желание.

Голос Ромашки будто перекрыл все звуки, а Данелий вскрикнул. Тьма исчезла, я ухнула вниз — в руки Ромашки. Он поставил меня на землю и так посмотрел, что было неясно, убьет или поцелует, а затем снова развернулся к противнику. Али замер рядом с Ромашкой.

— Я помогу тебе, — сказал волшебник тихо. — Помогу, а потом убью.

И они разом ударили Данелия. Тьма и свет смешались — оказалось, что сила Али сияет, будто солнце. Брызги магии Данелия летели в разные стороны, а потом вдруг погасли, и стало совсем темно.

— Ромаш? — тихо позвала я.

Тьма рассеялась. Данелия не было, зато Али и Ромашка уже стояли друг напротив друга.

— Нет, не надо! — вскрикнула я.

— Ты не имеешь права вмешиваться, — обернулся Али. Его глаза перестали быть человеческими. — Никто из вас. Это только наш бой.

И поле силы снова отгородило нас от места боя. Я не выдержала — села на землю там, где стояла. На мое плечо спланировал Бон, рядом села Тишка и обняла, с ужасом наблюдая за разворачивающейся битвой. Сейчас Ромаш и Али кружили друг напротив друга, будто примеряясь, как лучше ударить. Кто же атакует первым? Как не дать им причинить друг другу вред? Это было безумие! Страх и боль, потому что я ничем не могла помочь.

Вспышка света, вскрик Ромашки, взметнувшаяся тьма. Али был сильнее. Если в бою с Данелием

еще можно было надеяться на чудо, то сейчас все мы видели: Ромашке не победить.

— Может, сломать кувшин? — предлагал Слав.

— Он не ломается, — глухо ответила я.

— Я могу попробовать, — вмешался Альберт. Он выглядел непривычно серьезным и сосредоточенным.

— Попробайся. — Я пожала плечами, и княжич схватил кувшин, швырнул на землю и ударил магией. Остались только темные разводы, но друзья не сдавались. Пока я в безмолвном отчаянии наблюдала за боем, они вместе пытались уничтожить тюрьму Али.

А Али снова атаковал. От вспышек его магии стало светло, будто днем. Ромашка отступил к самому краю образовавшегося купола, уперся в него спиной — и ударил в ответ. На этот раз тени пришли очень быстро. Они облепили Али, обвинили плотными веревками, но тот разорвал их и снова вступил в бой. Вспышка — тьма. Вспышка — тьма. Я сбилась со счета, потерялась в этом безумном кружении магии.

— Не беспокойся, Марьяна. Ромаш обязательно победит, — причитал Бон. — Вот увидишь!

Но я не хотела, чтобы погиб хоть кто-то из них. А еще безумно жалела, что сказала Ромашке «нет». Потому что только сейчас, когда он в любую минуту мог погибнуть, поняла: люблю. Я люблю этого незадачливого некроманта, который боится собственных созданий и кладбищ. Упрямого, иногда вспыльчивого, иногда нежного. Слишком мало похожего на наследника княжеского рода — и в то же время такого сильного. Люблю.

Али ударил. Ромашка отлетел шагов на десять и замер на земле. Я глухо вскрикнула.

— Ромашка, вставай! Пожалуйста, — зашептала, словно заклинание.

— Вот и все, — сказал Али, подходя к поверженному противнику. В его руках заблестели сгустки пламени, он замахнулся — и сдавленно охнул. Одна из теней вонзила черный кинжал ему в спину. Волшебник упал — медленно, будто не веря, что падает. Ромашка поднялся и склонился над ним.

— Добей, — просипел Али.

— Нет, — тихо ответил Ромашка. — Я не хочу тебя убивать. Я хочу, чтобы ты был свободен.

— Получилось! — раздался восторженный голос Любимы.

Я обернулась. Кувшин разлетелся на осколки. Друзья вытирали пот со лба, измученные, но довольные. Раздался странный шелест, и осколки исчезли. Али!

Вопреки моим опасениям, волшебник все еще был жив. Он лежал на земле. Черного кинжала тени не осталось. Не было ни раны, ни крови. А еще Али дышал, как обычный человек. И казался моложе, чем до этого, — совсем мальчишка. Я кинулась к нему. Мы с Ромашкой склонились разом и столкнулись лбами.

— Живой? — спросила я, помогая Али подняться.

Он удивленно смотрел на нас, будто впервые видел.

Затем глубоко вдохнул воздух, ощупал свою грудь, ища следы от раны, и вдруг по смуглым щекам покатились слезы.

— Эй, ты чего? — испугался Ромашка. — Сильно задел? Извини, сам виноват, смерть не входила в мои планы.

— Ты освободил меня. — Али смеялся сквозь слезы. — Освободил, глупый некромант.

— Это кто из нас глупый? — оскорбился Ромаш, а я тихонько хихикала, до того стало весело.

На нас налетели друзья. Они разом что-то спрашивали, сами же отвечали, тормозили Ромашку и Али. Только княжич Альберт остался рядом с лошадьми. Я высвободилась из общего круга и подошла к нему.

— Спасибо, — протянула руку.

— За что? — угрюмо спросил тот.

— Что помог разбить кувшин.

Альберт все-таки пожал мою ладонь.

— А по поводу краски не переживай, она за пару дней сойдет, — «утешила» я. — В столицу приедешь нормальным.

Княжич кивнул и отвернулся. Да, нелегка ты, княжеская доля.

— А что случилось с Даном? — спросил Бон. — Он погиб?

Хороший вопрос.

— Боюсь, что нет, — откликнулся Ромашка. — Сбежал, урод! Надо быть осторожными и поспешить. Али, в седле держаться сможешь?

— Думаю, да.

— Тогда в путь. Пока поедешь со мной, в ближайшем поселке или городке найдем для тебя лошадь.

Я еще не успела прийти в себя, как меня уже зашвырнули в седло и куда-то потащили. Мысли путались, но главное, что и Али, и Ромашка остались живы, и Али теперь свободен. А значит, у нас есть шанс успеть в столицу до того, как станет слишком поздно.

ГЛАВА 28

Мы ехали вперед, почти не останавливаясь. Завернули только в один небольшой городок, чтобы раздобыть лошадь для Али. Если и отдыхали, то спали пару часов где-нибудь на лесной поляне, и снова отправлялись в путь, потому что казалось, будто мы опаздываем. Бирюзовая краска, как я и предсказывала, пару дней спустя сошла с лица Альберта, но это не прибавило ему дружелюбия. Он по-прежнему смотрел на нас сычом и казался чем-то недовольным. Впрочем, никто не желал углубляться в душевные терзания будущего правителя Альбертины. Однако все мы за своими переживаниями упустили главное: речь идет об отце Альберта. И как только сам княжич доберется до столицы, его отец умрет. Можно сколько угодно говорить, что они не ладили, но факт остается фактом. А еще, после того как княжич помог нам освободить Али, я посмотрела на него другими глазами. Ведь Альберт не спрашивал, что это за кувшин, кто этот волшебник, помог — и все. Нет, это не значит, что я прониклась к нему неожиданной симпатией, но относиться стала лучше.

Каждый день мы опасались очередного нападения. На кратких привалах спали по очереди, все время вглядываясь в дорожную пыль — не появится ли враг. Иногда мимо проезжали всадники или экипажи, но им дела не было до нас. Между тем до столицы Альбертины оставались какие-то сутки езды.

— Надеюсь, мы успеем, — тихо сказала я Ромашке.

Мы сидели на поляне вокруг ярко пылающего костерка, только поужинали, и друзья легли спать, а мы дежурили.

— Я тоже очень на это надеюсь, Марьяна, — ответил Ромаш. — Иначе плохи наши дела.

Оставалось надеяться, что Теодор Ветерей не обманул нас, но эти мысли я уже держала при себе. Нечего расстраивать любимого человека. Опустила голову на плечо Ромашки и закрыла глаза. Рядом с ним было хорошо и спокойно, будто весь мир где-то далеко-далеко, и только мы — здесь.

Али сонно поднял голову.

— Что такое? — тихо спросила я.

— Не знаю, показалось, — зевнул тот и снова закрыл глаза.

Вот уж кто радовался каждому дню нашего пути. Али будто открывал мир заново: деревья, цветы, дуновение ветра, вкус пищи. Он быстро уставал — видимо, заточение в кувшине не прошло бесследно, и я отпаивала друга бодрящим сбором. Итен беззлобно посмеивался и советовал пригладеться к пузырьку. Мол, Марьянино зелье можно использовать только против врагов, но Али улыбался и пил. И ему становилось лучше, между прочим. Так что я втайне торжествовала.

— Давай-ка я проверю территорию, — поднялся Ромашка, — а ты присмотри за ребятами. Я быстро.

Не хотелось его отпускать даже на пару шагов. Почему-то стало очень тревожно, в голове застучали молоточки страха.

— Ромаш, не уходи, — позвала я, но не услышала собственного голоса. Что происходит? Поляну окутала тишина. Я попыталась крикнуть — и ничего. А затем сверху упала сверкающая сеть. Я дернулась, стараясь вырваться, вот только молоточки в висках стали еще громче, а Ромашка упал там, где стоял. Я попыталась сопротивляться, но последним, что увидела, было бледное лицо Ромашки.

— ... они особо опасны, — слышалось сквозь сон.

— И что прикажешь с ними делать?

Что происходит? Почему все не так? Попыталась сбросить оцепенение, но не получалось.

— Казнить. Они ведь заговорщики, как и Ветерей.

Заговорщики? Какие мы заговорщики? С трудом подняла голову, и мир закружился, как в калейдоскопе. Рядом лежал Ромашка. Он все еще был без сознания. А где остальные? Что это за место? Подвал? Тюрьма? Где мы?

— А, очнулась, — слышался знакомый голос, и ко мне шагнул Данелий. — Здравствуй, ведьмочка.

— Здравствуй, сказочник, — просипела я.

— Ты вовремя. Твои друзья еще спят.

— Где все? Где Слав, Итен? Альберт, Тишка, Любима...

— Молчать! — рявкнул Данелий и добавил уже мягче: — Ваш заговор не удался, дорогуша. Все арестованы.

— За что? Какой заговор? Что ты несешь?

— Тот самый, лидером которого был Теодор Ветерей. Он убил князя Альберта и подчинил его своей воле. К счастью, мы раскрыли заговор раньше, чем кому-то был нанесен существенный вред.

Я не могла поверить в услышанное. Мы — заговорщики? Какая ересь? Что за бред? Кто вообще мог поверить в такое? Но Данелий опередил нас, приехал в столицу раньше... зачем? Чтобы всем раскрыть тайну: на престоле мертвый князь. Как он узнал об этом? Наверняка получил новости из столицы, иначе не стал бы молчать, и вся Альбертина узнала бы, что князь мертв. Может, Данелий тоже разыскивал Альберта-младшего? Только не для того, чтобы тот занял престол, а чтобы убить?

— Молчишь? Молчаливая Марьяна — то еще зрелище, — усмехнулся Данелий. — Не беспокойся, вас казнят вместе с Ветереем и его семьей. Справедливость восторжествует.

— У престола Альбертины есть законный наследник! — выкрикнула я.

— Да? — Данелий сделал большие глаза. — Увы, его давно никто не видел. Пропал княжич, так жалко. А ты подумай о своей несчастной судьбе. Скоро расследование завершится, все будет по букве закона.

И дверь в подземную тюрьму закрылась за спиной Данелия. Я первым делом кинулась к Ромашке.

— Ромашка, Ромашечка, — затрясла его. — Просыпайся. Беда.

— Что случилось? — сонно спросил любимый. — Где мы?

— В тюрьме. Данелий раскрыл, что князь Альберт мертв, и твоего отца обвиняют в заговоре, а нас — в пособничестве ему. Якобы мы искали Альберта, чтобы его погубить.

Ромашка сел, ошоловело покачал головой, поморщился.

— Что за глупости? — спросил сипло.

— Глупости не глупости, а мы в тюрьме. Поэтому веселого мало, Ромаш.

Он огляделся по сторонам. Было бы что рассматривать: серые стены, зарешеченное окошко под самым потолком, гора соломы, дыра в полу и ни крупички магии.

— Какое милое место, — пробормотал Ромаш.

— Милее не бывает, — завершила я. — Что делать будем?

— А что мы можем сделать, Марьяна? В этом каменном мешке — точно ничего, здесь нет магии. Боюсь, выпустят нас отсюда только для того, чтобы казнить.

— Но Альберт...

— Под замком у Данелия, если не мертв, — ответил Ромашка, и сложно было с ним не согласиться. Я надеялась, что под замком, вот только умом понимала — княжич Альбертины не нужен настоящим заговорщикам живым. И что с ним сейчас? Самое скверное, ничем нельзя помочь — ни нам, ни ему.

— Не грусти. — Ромашка обнял меня и привлек к себе. — Все образуется.

Такая сладкая ложь. Увы, я в нее не верила, но кивнула и улыбнулась.

— Конечно, образуется. Разве может быть иначе?

И сама потянулась за поцелуем. Хотелось ощутить тепло Ромашкиных губ, его уверенные объятия, раствориться в чувствах.

— Зачем? — Ромаш чуть отодвинулся.

— Я...

И почувствовала, как алеют щеки. Ромашка тоже все понял — обнял меня крепче и поцеловал уже

сам. Настойчиво, горячо, утверждая право быть со мной не только сейчас, но и до последнего вздоха. Увы, этот момент мог настать очень скоро. Мы целовались, как подростки, пока не заболели губы, а потом я опустила голову ему на плечо и замерла. Если бы наши жизни не висели на волоске, я бы сказала, что счастлива.

— Люблю тебя, — прошептал Ромашка, почти касаясь губами ушка.

— И я тебя, — ответила тихо. — И я тебя люблю.

Как выбраться из тупиковой ситуации? Особенно когда понимаешь, что шансы равны нулю. И не просто выбраться, а и вытащить любимого человека? Именно этот вопрос я решала, когда скрипнула входная дверь и на пороге замерли шестеро.

— Что происходит? — поднялся Ромашка, загораживая меня собой.

— Ромаш Ветерей, Мария Эрдерин, — заговорил мужчина в сером балахоне с капюшоном, — совет князей принял решение, что за преступления против Альбретины вы оба приговорены к немедленной смерти.

— Подождите! — вмешалась я. — Как это смерти? Нас не допросили, не выяснили, что произошло.

— Все и так ясно, княжна Мария, — сурово ответил серый балахон. — Советую не сопротивляться и выпить зелье. Вы просто уснете, и ваша смерть будет быстрой и безболезненной.

— А если откажемся? — угрюмо спросил Ромаш.

— Мы вас все равно уьем, только не так гуманно. Советую выпить, княжич.

И протянул нам с Ромашкой два пузырька с мутной жидкостью. Что делать? Что же мне делать? Видя наше замешательство, стражи взялись за кинжалы. Понятно, либо мы пьем яд, либо нас заколют на месте. Любой из этих вариантов ужасен.

— Давай выпьем, — тихо сказала Ромашке, чувствуя, как внутри все обрывается от страха. — Не хочу, чтобы тебя убили у меня на глазах либо наоборот.

— Хорошо, Марьяна, — с печальным достоинством ответил тот. — Давай выпьем. Только... Пожалуйста, оставьте нас на пару минут.

Это предназначалось серым балахонам.

— Простите, но мы не можем, княжич, — ответил их предводитель.

— Ладно, так тому и быть. Марьяна, я хотел сказать, что эти месяцы, которые мы провели вместе, стали лучшими в моей жизни. До встречи с тобой мне казалось, что мир безнадежно сер и пуст, а ты... Ты стала моим солнцем.

Я ощутила, как крупные горячие слезы катятся по щекам, а сердце болезненно замирает. Невыносимо! Горько, больно и невыносимо! Вот и все, что могла сказать. Хотелось кричать от отчаяния, но я заставила себя улыбнуться Ромашке.

— Я тоже люблю тебя, Ромаш, — сказала тихо. — И рада, что мы встретились. И ни о чем не жалею.

Мы взялись за руки. Мне казалось, что чувствую, как стучит сердце Ромашки — в унисон с моим.

— Времени мало, — напомнил серый балахон.

— Давайте яд, — уверенно сказал Ромашка.

Пузырьки переключались в наши руки. И почему я не выработала у себя привыкание к ядам? Хотя Ромашка ведь все равно выпьет его вместе со мной, значит, нет смысла сопротивляться. Нет смысла дальше бороться. Все закончится здесь и сейчас. Мы откупорили пузырьки одновременно.

— За тебя, — улыбнулась Ромашке.

— За тебя, — мягко ответил он, и мы выпили. У яда не было ни вкуса, ни запаха. Я придвинулась к Ромашке, он обнял меня. Веки стали тяжелыми, будто кто-то привязал к ним грузики. Сквозь подступающий холод показалось, что кто-то пытается забрать меня из Ромашкиных объятий и громко ругается очень знакомым голосом, который я не слышала довольно давно, но никогда не сумею забыть.

Я пошевелила губами, стараясь позвать того, кого слышала, но ничего не получилось. Тело занемело, и постепенно пришла тишина.

ГЛАВА 29

— Марьяна. Марьяна, ну же, открывай глазки, — уговаривал кто-то, но просыпаться не хотелось.

Я так устала! Чего они от меня хотят? Поэтому повернулась на другой бок и с головой укрылась одеялом. Подождите-ка. Одеялом. Я — и одеяло. Что-то тут не так. Резко села, потерла гудящий лоб. Что вчера было-то? А потом пришли воспоминания, и я глухо охнула. Ой, мамочки! Ромашка. Где Ромашка? Завертелась по сторонам, но нашла только папу. Папу? А я думала, мне показалось, что слышу его голос.

— Доброе утро, Марьяна, — улыбнулся отец.

— Здравствуй. — Уставилась на свои руки, сложенные поверх одеяла. — Что произошло?

— Это ты мне расскажи, дорогая дочь, как вдруг стала заговорщицей. Если бы князь Ветерей не рассказал, куда ты умчалась сломя голову, все могло бы закончиться куда более плачевно.

— Князь Ветерей? Отец Ромашки?

Папа сел на край кровати. За те годы, что мы не виделись, он ничуть не изменился — такой же высокий, темноволосый, красивый, только морщинок у глаз стало чуть больше. Маме всегда все завидовали. Моя мама не была писаной красавицей, как и я, зато вышла замуж по любви за первого жениха ее родного княжества — самого князя.

— Рассказ будет долгим, — улыбнулся папа. Такая знакомая улыбка! На сердце сразу стало теплее, хоть я все еще злилась на него за историю с Альбертом. Кстати, а сам Альберт? А...

— Тише. — Отец накрыл рукой мою ладонь. — Сначала выслушай, потом будешь спрашивать. Князь Ветерей связался со мной сразу после того, как вы уехали на поиски Альберта. Он опасался, что вам не дадут вернуться, но в то же время взял слово, что не стану вмешиваться, если ситуация не ухудшится.

— Куда уж хуже, — пробормотала я.

— Но я вмешался. Так что наверняка хуже некуда, — улыбнулся отец. — Но давай начнем с самого начала.

— С младенчества?

— Марьяна!

— Ладно, слушаю. Это нервное, — признала я.

— Заметно, — поморщился папа. — Ты сбежала из дома...

— Я думала, мы не об этом.

— И об этом тоже. Я долгое время пытался тебя найти, но, когда нашел, ты училась в светлой школе, а этот осел, директор Расс, отказался пускать меня в учебное заведение и даже не сказал, куда отправил на практику.

Значит, папочка давным-давно узнал, где пропала непутевая дочурка, и стоит сказать спасибо директору, что меня не оттащили за косы домой. Хотя какие там косы?

— Но я не сдался, — продолжал отец, — и выяснил, пусть и год спустя, что ты уехала в деревню Тихие Углы. Тогда я попросил капитана Хардинского...

— А вот с этого места подробнее, — сердито сказала я. — Это что же, ты прислал ко мне Златовласку?

— Почему Златовласку-то? — уставился на меня отец.

— А потому! Думаю, когда вы встретитесь, капитан Хардинский с радостью поведает тебе о наших высоких отношениях. А я-то все никак не могла понять, почему Итен поджидал меня в домике и потом так настырно преследовал. А это ты!

— Марьяна... — смутился папа.

— Что — Марьяна? Никак не успокоишься? Зачем было меня разыскивать?

— Ты — моя дочь, — припечатал отец. — И я хочу быть уверенным, что с тобой все в порядке. Поэтому прости, но я все равно буду поступать так, как считаю нужным.

— Хорошо, допустим. И оставим этот вопрос на потом. Скажи лучше, как тебе удалось забрать нас с Ромашкой из тюрьмы?

— Это уже более сложный вопрос, — вздохнул отец. — Я знал, что верховный князь практически мертв. Мы с Ветереем давно знакомы, и у меня нет поводов ему не доверять. Поэтому, когда он тебя нашел, сразу же сообщил мне. К тому времени я знал от Итена, что ты где-то в городе, но не мог представить, где именно, потому что Итену так и не удалось тебя поймать.

Да, бедный Златовласка измучился, гоняясь за мной. А еще заплатил волосами — хорошо хоть они потихоньку отрастают, иначе вышло бы совсем скверно.

— Конечно, мне не понравилась идея Теодора отправить тебя на поиски Альберта, — продолжал отец. — Но кто меня спрашивал? Он рассказал об этом только тогда, когда вы оба были уже далеко. И ты, и его сын Ромаш. И вся ваша гвардия, что уж там.

Да, князь Ветерей — тот еще угорь, это я поняла предельно четко. Как только узнал, чья я дочка, тут же и снарядил нас за тридевять земель. Да, с благой целью, и мы его просьбу выполнили. Главное, чтобы сам Альберт не пострадал, как и мои друзья.

— Теперь понимаю, что решение было оправданным, — вздохнул отец, — иначе вы бы давно погибли здесь, в столице. А насчет тюрьмы... Заговорщики уверены, что я на их стороне. Для всех вы с Ромашкой мертвы.

— А ребята? Что с ребятами?

— Они под замком, и решать их судьбу будет совет князей, который собирается править вместо Альберта. И я тоже в него вхожу.

— Подожди, я совсем запуталась, — потрясла головой. — Как ты объяснил, зачем решил меня казнить?

— Сказал, что ты моя дочь и я крайне разочарован твоим участием в этой истории, — вздохнул папа. — А так как вы с Ромашкой вроде как обручены...

— С каких это пор?

— Так Теодор сказал.

Ну Теодор! Мы же пошутили. По-шу-ти-ли. Но об этом потом, сейчас есть проблемы куда важнее.

— Поэтому я попросил для вас легкой и быстрой смерти, и мне не отказали.

Я схватилась за голову. Ох, папа-папа. Ладно, с нами все понятно. Ромашка, если я правильно поняла, тоже где-то здесь. А ребята?

— Где Ромаш? — решила прояснить окончательно.

— Твой друг в соседней комнате. Он еще спит, — с мягкой улыбкой ответил отец. — И, признаться, я рад твоему выбору, Марьяна. Род Ветерей — честные и добропорядочные люди, хоть и некроманты.

Сказал как отрезал. «Хоть и некроманты». А сам ведь сейчас упоминал, что дружен с отцом Ромашки.

— Нам надо освободить моих друзей, и чем быстрее, тем лучше. И князь Ветерей... Где он?

— Тео обвиняют в измене, он тоже в тюрьме, — вздохнул отец.

— А Альберт? Куда заговорщики дели Альберта?

— Пока заперли. Если у них все получится, убьют. А если нет — Альберт станет еще одной фигурой на шахматной доске.

— Марьяна! — послышался голос Ромашки и оглушительный грохот. Мой любимый ввалился в комнату, размахивая неведомо откуда взявшейся доской. Вот тебе и спит...

— Ты! — Ромаш замахнулся доской на моего папу. — Немедленно прочь от Марьяны!

И почему не использовать магию? Прислушалась к своей силе: она была, но какая-то слабая. Наверное, последствия зелья, вот и Ромашка припас куда более весомый аргумент.

— Ромаш, опусти доску, — вздохнула я. — Это всего лишь мой отец.

— Всего лишь? — Ромашка замер и осоловело моргнул, а папа довольно улыбнулся.

Видимо, радовался произведенному эффекту. Доску Ромаш, к счастью, опустил. Интересно, откуда он вообще ее взял? Какой предмет мебели пострадал?

— Рад знакомству, княжич Ветерей, — кивнул папа. — Лоренс Эрдерин — старый друг вашего отца и, как вы уже поняли, родитель Марьяны.

— Это что, шутка такая?

— Боюсь, нет, — ответила я, сжимая Ромашкину руку. — Это и правда мой папа, и у него есть что тебе рассказать. Идем.

Мы прошли в комнату, где я проснулась. Самочувствие все еще оставляло желать лучшего, поэтому я присела на краешек кровати, борясь с желанием лечь, а Ромашка робко остановился рядом со мной.

— Присаживайтесь, княжич. — Отец махнул рукой. — Не скажу, что сейчас сложились лучшие обстоятельства для нашего знакомства, но все же не нам их выбирать.

— Что здесь происходит? — Ромашка все-таки сел рядом со мной на кровать.

Папа снова принялся рассказывать о том, как они с Теодором пытались сохранить единую власть в Альбертине, и о своем участии в заговоре. Поведал и о том, что для общества Альбертины мы теперь мертвы.

— С ума сойти, — пробормотал Ромашка. — Где мой отец? Как заговорщикам удалось заставить его выпустить из рук нить жизни Альберта?

— Они напали ночью, — ответил папа. — Ворвались в ваш дом. Князь Теодор был там с немногочисленной охраной. Он всегда предпочитал справляться сам.

— А мама? Сестра?

— Ваша сестра сейчас в доме мужа, а матушку Теодор заставил уехать в родное княжество. Так что он был почти один, а нападавших — много. Они задержали его по обвинению в заговоре против князя, отвели в камеру с заблокированной магией, и ниточка жизни Альберта Двенадцатого прервалась.

— И что нам теперь делать?

Отец молчал. Мы с Ромашкой уставились друг на друга. Вариант был всего один: спасти друзей, пока не стало слишком поздно. Но как? С чего начать?

— Думаю, стоит выяснить, где держат Альберта, — глухо сказал Ромашка. — Если найдется наследник престола, князьям придется отступить или же устраивать открытый мятеж.

— А если за это время ребят убьют? — тревожно спросила я.

— Не думаю, — вмешался отец. — Заговорщики хотят устроить показательную казнь, обвинить ваших спутников в убийстве Альберта Двенадцатого и попытке переворота. Думаю, скажут, что и младшего Альберта они убили. Тем более вас непременно видели вместе с ним.

— Данелий, — вспомнила о сказочнике. — Князь Данелий из Фергарда. Он один из заговорщиков и пытался напасть на нас по пути, так что да, видел нас вместе.

— Данелий — тот еще угорь, — поморщился отец. — Его род обеднел, и титул — все, что осталось. В Фергарде правят другие люди, но Данелий решил, что лучше возглавит Альбертину в составе совета князей, чем будет бороться за Фергард.

— И он — некромант, — добавила я.

Папа удивленно моргнул.

— Правда? — Он уставился на меня. — Я никогда об этом не слышал. О Данелии ходит странная слава, будто он объездил всю Альбертину, собирая сказания.

— Думаю-таки, объездил, — поморщился Ромаш. — Болтать он горазд. А еще — скрывать свою силу, потому что я ни на миг не заподозрил в нем некроманта.

— Тип силы не написан на лбу, — вздохнул отец. — Это ваша магия является наследственной, княжич Ромаш, поэтому легко угадываемой. А в случае Данелия — как тут узнаешь, если его род давно канул в небытие?

Ромашка согласно кивнул. Да, я тоже никак не могла заподозрить в Данелии некроманта. А еще он ловко обошел мое зелье. Теперь мне казалось, что оно и вовсе на него не подействовало. Или же Данелий как-то защитился? Вряд ли он расскажет.

— В одном вы правы, — подытожил отец. — Я постараюсь узнать, где держат Альберта Тринадцатого, и тогда можно будет попытаться предъявить его народу. А пока отдыхайте, дети, и, прошу, не делайте глупостей. Мы с вами на одной стороне. Я, как и вы, хочу прекратить этот произвол. Пойду распоряжусь, чтобы накрывали на стол. Вы, наверное, голодны.

И отец удалился. Я даже злиться на него перестала. Никогда не подозревала, что мой благовоспитанный и правильный папа может вести двойную жизнь. С ума сойти! А Ромашка угрюмо молчал.

— Ромаш, все будет хорошо, мы справимся, — пожала его прохладные пальцы.

— Да, справимся, — отстраненно ответил он. — Вот когда пожалеешь, что мы выпустили Али из кувшина.

— Зато вы оба живы. Бедный Али, снова он под замком. А где может быть Бон? Как думаешь, он с ребятами?

— Надеюсь на это. Магию пикси нельзя ограничить. Хотя малыша могли засунуть в какую-нибудь банку или кадушку.

Представила Бона в банке, и стало дурно. Ничего, мы обязательно его найдем. И все еще была надежда, что Бон отыщет нас раньше. Он ведь чувствует мою магию, а пикси маленький и верткий, его не так просто поймать.

— Кстати, вы с папой похожи, — вдруг улыбнулся Ромаш.

— Неправда, я похожа на маму, — ответила ему, но слышать, что и с отцом есть сходство, было приятно.

— Уверен, он такая же заноза, как и ты, — усмехнулся мой любимый. — Поэтому неудивительно, что вы разругались в пух и прах.

— Ромашка!

А Ромаш рассмеялся и крепко меня обнял. Сразу стало легче и спокойнее. Заговор? Я бы на месте заговорщиков не стала со мной связываться. Пара экспериментальных зелий — и их родные матери не узнают, это я могу гарантировать. Так что справимся. Главное — узнать, где Альберт. А дальше поглядим.

ГЛАВА 30

Нет на свете ничего утомительнее, чем ждать. Я сходила с ума от неизвестности. Что с моими друзьями? Как их вызволить? Отец говорил, что пока их просто держат взаперти и они здоровы. Сам отец выглядел угрюмым и осунувшимся. Каждый раз, когда смотрела на него, сердце терзала совесть. Мало ему политических проблем, еще и пришлось беспокоиться обо мне. Да, он сам виноват, надо было прислушаться, когда я говорила, что не хочу замуж за Альберта. Но и мне стоило хотя бы написать домой, что жива и здорова. Жаль, из-за своей обиды слишком поздно поняла, как сильно волновались мои родители. Если я так беспокоюсь за Итена, Тихвину, Слава, Любиму, Али и Бона, то каково было им? Вряд ли лучше.

Ромашка тоже угрюмо молчал. Приговор его отцу пока не вынесли — видимо, судить его будут вместе с нашими друзьями. А надежда все таяла и таяла...

— Где находится Альберт — строжайшая тайна, — говорил этим вечером отец. — Думаю, только Данелий знает правду.

Мы втроем сидели в гостиной дома, который временно стал нашим, и гадали, что же делать дальше. Увы, отец наотрез запретил пользоваться Ромашкиным методом поиска, потому что Данелий тоже некромант и может ощутить всплеск родственной силы.

— А если... — мелькнула шальная мысль. — Если обратиться в светломагическую школу? Они ведь владеют заклинаниями поиска. Директор Расс так точно. И уж наш директор не вступит ни в какие заговоры.

— Приятна твоя вера в наставника, Марьяна, — улыбнулся отец. — Действительно, директор Расс сейчас закрыл двери светлой школы и не поддерживает дележ власти. И да, он точно владеет поисковыми заклинаниями. Но где гарантия, что поисковое заклинание сможет пробиться через антимагический заслон?

— Лучше сделать хоть что-то, чем сидеть и ничего не делать, — ответила я. — Ромашка, идем.

— Вы куда? — подскочил отец.

— Навестим директора Расса. Надеюсь, он будет рад меня видеть.

— Марьяна, ты слышала, что сказал князь? — Ромашка хмурился. — Ворота светлой школы закрыты, твой кирпичик убрали. Как ты собираешься попасть внутрь?

— С помощью зелий.

И тут же вспомнила, что моя сумка погибла где-то на поле боя.

— Папа, а мои вещи? — обернулась к отцу. — Сумка с зельями — где она?

— Разве мне было до этого дело, Марьяна? — ответил отец. — Я спасал твою жизнь, а не вещи.

Я только горестно вздохнула. Прощай, подарок, мне было с тобой хорошо.

— Тогда давай попробуем просто постучать, — сказала Ромашке. — Может, откроют?

— Я вас никуда не пушу!

Отец поднялся с кресла и возмущенно смотрел на нас. Но разве есть другой выход? Нет его, нет.

— Ладно. — Кажется, родитель понял, что перегнул планку, и есть все шансы, что непутевая дочь снова сбежит. — Я иду с вами, собирайтесь.

А что собираться-то? Мой гардероб был крайне скуден. Поэтому я отряхнула платье, Ромаш поправил одежду, папа выдал нам по плащу с капюшоном, и мы втроем вышли из особняка. Снаружи уже темнело. На улицах почти никого не было — видимо, жители города решили отсидеться дома, пока не пройдут лихие времена. Ромаш подал мне руку, и мы поспешили к светлой школе. Отец только вздыхал. Я чувствовала, как вокруг нас пологом колышется магия. Наверняка прохожие не могли нас видеть либо просто не обращали внимания, отвлекаясь на что-то другое. Когда впереди показались родные стены, я возликовала. Все-таки я любила свою школу, несмотря на то что директор отказал мне в продолжении практики. Однако этот вопрос я не считала закрытым. Ворота, как и говорил папа, оказались заперты. Я подошла и постучала, дожидаясь ответа.

— Кто там? — раздался незнакомый голос.

Что ответить? Правду? А если там враги?

— Студентка Марьяна вернулась с практики, — сказала я. — Прошу пропустить к директору Рассу.

— Ожидайте.

За воротами повисла тишина. Я нервно теребила оборки на платье. Казалось, сойду с ума от беспокойства. Неужели так много времени надо, чтобы найти директора и передать мою просьбу о встрече? А если директор и вовсе не захочет со мной встречаться? Что тогда? Перебираться через забор? Вряд ли получится, даже у ворот я чувствовала магическую защиту, которой обычно не было. Наверное, директор жалел студентов и давал возможность пробраться в школу тайком, а теперь жалеть было некого, все и так под замком.

Наконец снова слышались шаги и — о счастье! — звук открывающегося замка.

— Входите, — сказал незнакомый парень. Наверное, кто-то из новой охраны, потому что иначе он бы прекрасно знал меня, а я — его.

Мы вошли на территорию школы, и ворота закрылись за нашими спинами. А еще я увидела директора Расса. Он стоял на пороге главного корпуса, скрестив руки на груди, и выжидал. Мы подошли ближе.

— И почему я не удивлен, что слухи о вашей смерти несколько преувеличены, Марьяна? — угрюмо спросил он.

— Здравствуйте, директор Расс. — Папа отодвинул меня в сторону. — Прошу прощения, что беспокоим вас в такие тяжелые времена, но нам нужна ваша помощь.

— Не собираюсь помогать заговорщикам.

Мы с папой переглянулись. Кого имел в виду Расс? Его или меня?

— Директор Расс, пожалуйста, выслушайте нас, и мы уйдем, — взмолилась я.

— Хорошо, у вас пять минут, — ответил директор и пошел в здание.

Мы поспешили за ним, поднялись по ступенькам на второй этаж и вошли в хорошо знакомый мне кабинет. Сколько раз я попадала сюда за шалости. Сколько раз директор Расс читал мне нотации, просил, требовал... И вот я снова здесь.

— Слушаю вас.

Директор сел в тяжелое кресло на изогнутых ножках, а мы остались стоять перед ним, как провинившиеся ученики. Слова как-то разом выветрились из головы. Для меня это был дурной знак, зато заговорил Ромашка:

— Директор Расс, нам нужна ваша помощь. Заговорщики похитили и удерживают наследника престола, и, чтобы его найти, нужна магия поиска. Ни я, ни Марьяна и ее семья этой магией не владеют, зато владеете вы. Помогите нам отыскать Альберта.

Директор Расс таращился на нас, будто увидел, как у нас выросли рога и копыта. Я и чувствовала себя примерно так же: странным существом, на которого окружающие косятся с подозрением.

— А чем вы докажете, что не заговорщики? — спросил директор. — От вас, Марьяна, всего можно ожидать.

— Но-но! — Папа шагнул вперед. — Повезливее с моей дочерью.

— Спокойно, князь, — прищурился директор Расс. — Кстати, я слышал, что и вы поддерживаете раздел Альбертины.

— Вам солгали.

Директор покачал головой. Вот так и бывает в жизни: сначала ты, пусть и не со зла, пакостишь кому-то, а потом этот кто-то — единственный, способный тебе помочь, а главное — тот, кому ты доверяешь.

— Хорошо, — прозвучал приговор. — Я попытаюсь отыскать княжича. Он в столице?

— Мы приехали сюда вместе, — вмешалась я, — но не могу гарантировать, что он все еще здесь. Его могли увезти куда угодно.

— Это скверно, круг поиска ограничен. Но все же попробуем. Марьяна, идите за мной. А вы, господа, посидите-ка здесь. Только ничего руками не трогать.

Это, кстати, тоже камень в мой огород. Я однажды от нервов разбила в кабинете директора жутко дорогую вазу. Оставалось надеяться, что мы позабудем прошлые разногласия. Сегодня уберут Альберта, а завтра все эти княжества захотят главенствовать, начнется грызня. То, о чем предупреждал папа Ромашки. Этого нельзя допустить. И потом наш князь, Альберт Двенадцатый, правил мудро. В Альбертине давно не было войн, наверное, с начала его правления. Князья не ссорились между собой, благосостояния всем хватало. Да и простые люди не жаловались, я уже давно живу среди них.

— Марьяна, не спите на ходу!

— Иду, директор Расс. — Я догнала наставника и пошла с ним в ногу.

— Это что же, юноша этот — действительно ваш жених? — поинтересовался директор Расс.

— Пока нет, — ответила я. — Но предложение он мне сделал, только я отказалась.

— И почему же вы отказались, Марьяна? — поинтересовался наставник.

— Не разобралась в своих чувствах. — Я пожала плечами. — Теперь разобралась, но некогда. Одним словом, не жизнь, а кроссворд: только и разгадывай, что будет дальше.

Директор усмехнулся и покачал головой. Да, ему ли не знать, как иногда со мной сложно.

— Рад, что вы помирились с отцом, — сказал он.

— Мы еще не мирились, но общие трудности сближают.

Хотя, конечно, я уже понимала, что была не права. Но и папа тоже оказался далек от истины, поэтому квиты. А мы вошли в большое светлое помещение, в котором я никогда не бывала. Из полуоткрытого окна дул приятный ветерок, на столе лежала кipa бумаг, перевязанных лентой, чтобы не потерялись. А дальше... Дальше была моя мечта: огромная лаборатория с ровными рядами новейших и редчайших ингредиентов для зелий, заклинаний, исследований. Неужели я попала на небеса?

— Не стойте столбом, — хмыкнул директор, но было заметно, что он польщен таким вниманием к его лаборатории. — Присядьте вон туда.

И указал на белоснежный стул. Я села, а директор Расс достал несколько колб, смешал их содержимое в большой стеклянной миске, и над ней поднялось облачко розоватого пара. Мой наставник вытянул руки перед собой, вокруг пальцев заискрило. Создание любого заклинания — это искусство, особенно когда работает профессионал, а директор Расс, без сомнения, им был. Настоящим профессионалом, за работой которого приятно наблюдать.

Медленно, тягуче полились слова заклинания. И вдруг облачко исчезло, а директор недовольно тряхнул головой. Снова смешал зелья в чистой миске, дождался появления облачка, начал читать заклинание, и... ничего.

— Не получается? — тревожно спросила я.

— Не получается, — недовольно ответил наставник. — Увы, магия не способна проникнуть туда, где держат наследника, Марьяна. Стоят мощные заслоны. Я чувствую движение силы, но оно сразу же обрывается, и даже направления определить нельзя.

— Директор Расс, миленький, попробуйте еще раз! — взмолилась я отчаянно.

Директор покачал головой, но зелье приготовил. Только и на этот раз ничего не вышло. Тишина. Я закрыла лицо руками. Пока мы не найдем Альберта, в опасности не только мои друзья, но и вся страна. И вдруг что-то упало мне на макушку.

— Ой, кажется, у меня что-то в волосах. — Я махнула рукой.

— Не «что-то», а «кто-то», — исправил директор. — И, кажется, это ваш пикси.

— Бон! — радостно воскликнула я, достала малыша, путавшегося в прическе, и прижала к себе. Как же я была счастлива его видеть! Моего замечательного друга, отважного малыша, который всегда стремился меня защитить.

— Тише, Марьяна. Задушишь, — сдавленно пропищал он.

— Я думала, тебя схватили, заперли где-нибудь.

— Марьяна, — откашлялся директор, — отпустите пикси. Мне кажется, это существо пытается что-то вам сказать.

Я разжала руки, и Бон спланировал на столешницу.

— Меня нельзя запереть, — заулыбался он. — Зато я сам полетел за вами, но, когда Альберта увели отдельно, я подумал: вас много, а он один, и мне стало его жаль. А еще я подумал, что его потом будет очень трудно найти, и...

— Ты проследил за ним? — Я снова подхватила Бона. — Пожалуйста, скажи, что ты за ним проследил!

— А то. — Бон выгнул грудь колесом. — Только я долго не мог к тебе долететь. Сначала я боялся, что Альберта перевезут в другое место, потом не мог тебя почувствовать, и вот теперь нашел.

— И где же княжич Альберт, пикси? — поинтересовался директор Расс.

— Вообще-то меня зовут Бон, — пискнул мой brave друг. — А Альберта заперли в подвале особняка с колоннами. К нему приходил Данелий. Он хотел, чтобы Альберт подписал отречение от престола Альбертины, но княжич отказался. И тогда Данелий сказал, что его убьет, но потом ушел куда-то, а я помчался сюда. Давайте его спасать!

Я подхватила пикси и помчалась прочь.

— Марьяна! Марьяна, стойте! — Директор Расс мчался за мной. — Немедленно остановитесь, вздорная девчонка.

Но я уже вбежала в кабинет директора. Ромашка и мой папа о чем-то спорили, я уловила слово «свадьба», но они замолчали, стоило появиться в дверях.

— Бон? — Ромашка удивленно взглянул на маленького пикси. — Ты здесь откуда взялся?

— Прилетел, — гордо заявил тот. — Позвать на помощь, чтобы вы спасли Альберта.

— Идемте, быстрее, — поторопила я.

— Стоять! — гаркнул ввалившийся в кабинет Расс. — Никто никуда не идет. Вы с ума сошли? Вас всего трое. Представляете, какая там охрана? Вас переловят, как блох.

Блоху, кстати, поймать очень трудно. Я пыталась достать одну для зелья, но не вышло. Правда, уточнять этот немаловажный факт не стала.

— А что вы предлагаете, директор Расс? — тихо спросила я.

— Оставайтесь здесь, — уже спокойнее ответил тот. — На школе хорошая защита. А мы с вашим отцом, Марьяна, пойдем с пикси и разведем, где именно держат Альберта и как туда попасть.

Неизвестно, до чего бы мы договорились, но на директорский стол спланировал желтоватый листок. Княжеский вестник, вот что это было. Подобным образом для жителей Альбертины доводили особо важные указы. Директор Расс подхватил его, прочел и нахмурился.

— Завтра на рассвете ваших друзей публично казнят, как убийц князя Альберта и заговорщиков, — угрожающе сказал он.

— Нам надо их вытащить! — вскрикнула я.

— Конечно, надо, — спокойно ответил директор. — Но если устроить им побег, Альберта в ту же минуту могут убить. Я предлагаю сначала спасти княжича, а затем предъявить его людям, и ни у кого не получится казнить ваших друзей как заговорщиков, потому что Альберту известна правда о смерти отца.

— Директор Расс прав, — кивнул папа. — Сейчас мы должны заняться освобождением Альберта. Время до завтрашнего утра еще есть, так что сейчас ваши друзья в относительной безопасности, чего не могу сказать о княжиче. Директор Расс, давайте обсудим операцию.

— Обсуждайте, что хотите, но мы идем с вами, — вмешался Ромашка.

— Еще чего не хватало!

— Или так, или никак.

Папа махнул рукой, что означало то ли отказ, то ли согласие, но нам этого было достаточно. Только бы получилось! И только бы мы успели спасти отца Ромашки и наших друзей.

ГЛАВА 31

Особняк, в подвале которого держали Альберта, принадлежал одному из князей. Его звали Фредерик Залесский. Я никогда его не видела и даже не слышала этого имени. Где находится Залесье? В какой части нашей необъятной родины? Впрочем, разве это имело значение? Остаток дня ушел на то, чтобы составить мало-мальски дееспособный план. Я всегда знала, что директор Расс — человек умный, но не подозревала, что настолько. Основную канву нашего плана создал именно он. Папа спорил с ним до посинения, но Расс стоял на своем, а мне было все равно, как действовать, лишь бы помочь людям, которые стали ближе всех на свете. Даже противному Альберту хотелось помочь. По сути, разве он был так плох? Или плохим его делала наша помолвка? Пусть будет здоров, правит Альбертиной и женится на хорошей девушке. Если пожелает, я ему даже помогу такую найти, у меня подруг много.

— Когда ты сидишь с таким лицом, мне становится страшно, — шепнул Ромашка.

— Не беспокойся, — улыбнулась я. — Это всего лишь мой мыслительный процесс.

— Никогда не думал, что думающая девушка может быть настолько пугающей.

Рядом с Ромашкой мне было легче. Все тревоги будто отступали, делились надвое: часть ему, часть мне. Храбрый Бон дремал у меня на коленях, изредка пуская носом пузыри. Если бы не он, разве нашли бы мы Альберта? Удивительный малыш.

— А я говорю, надо использовать снотворное зелье!

Отец ударил кулаком по столу.

— Вы как собираетесь его использовать, князь? — Директор Расс морщился. — Заливать каждому в рот? Нет, не подойдет. Я предлагаю «туман грез». Это достаточно сложное заклинание, зато оно действительно даст нам время.

— Пространство там точно защищено от магии, — все-таки вмешалась я.

— Но не весь же дом! — выпалил отец. — Скорее всего, только подвал, где держат Альберта. Ничего, с охраной мы справимся.

— Нам бы желательно не спугнуть заговорщиков, — встрял Ромашка. — Иначе, узнав о бегстве Альберта, они могут убить наших друзей, не дожидаясь часа казни.

— Согласна с Ромашкой.

— А я говорю... — начал было отец, но в руки ему спланировало срочное магическое письмо. Он пробежал глазами по строчкам, нахмурился и сказал: — Увы, вам придется идти без меня. Мои... гм... товарищи хотят, чтобы я присутствовал на подготовке к казни.

— Где нам вас искать, князь? — спросил Расс. — С вами ведь пикси нет.

— Кстати, а возьми с собой Бона, — предложила я. — Он маленький и умеет быть незаметным.

Бон сонно заморгал, услышав свое имя.

— Надо присмотреть за твоим папой? — спросил он. — Я с радостью! Бон справится.

— Искать меня не придется, — нахмурился отец. — Я буду там же, где и все, — на площади судить заговорщиков. Со мной будет отряд преданных людей. Узники содержатся в городской тюрьме на нижних этажах. Проникнуть туда шанса нет, иначе я не стал бы разыгрывать фарс со смертью дочери, так что лучшее — это привести Альберта на площадь. Думаю, там мы и сразимся с врагом.

— Будь осторожен. — Я крепко обняла отца. — Бон, а ты присматривай за ним хорошенько и в случае чего — немедленно ко мне!

— Договорились, — закивал пикси. — Вы тоже будьте осторожны, Марьяна. Я не переживу, если с тобой что-то случится.

Я обняла малыша, а затем он перелетел на плечо к папе и почти слился с обстановкой. Его магия тоже росла, как и сам пикси. Отец вышел из кабинета, а мы склонились над заметками директора.

— Итак, остановимся на заклинании грез, — сказал он, радуясь отсутствию оппонента.

— Я могу предложить другое, — вмешался Ромашка, и директор неодобрительно на него взглянул. — Вот только... Есть ли у вас возможность замаскировать мою силу?

— Допустим. — Директор Расс задумчиво кивнул. — И в чем же ваш замысел?

— Я могу наслать на охрану духов. Духи будут гнать их прочь от дома, а мы за это время освободим Альберта.

— А если они поднимут тревогу? Нет, греза лучше.

— Согласна с директором, — сказала я, пожимая Ромашкину руку. — И силу твою скрывать не придется.

— Поступайте, как знаете.

Оставалось надеяться, что Ромаш не слишком на меня обиделся, но было необходимо, чтобы все прошло так, как надо, иначе цена будет слишком высока. Остаток дня мы потратили на подготовку. Директор Расс пустил меня в лабораторию, и я создала несколько зелий, встреча с которыми точно не порадует наших врагов. Ромашка наблюдал за мной. Он казался спокойным, но я понимала: это не так. Его отец — там же, в руках заговорщиков. Но сегодня ночью мы сделаем все, чтобы забрать у них главный козырь.

— Марьяна, ты доверяешь этому директору Рассу? — спросил вдруг Ромаш.

— Да, — ответила я. — Он терпел меня все годы учебы и не выдал отцу, поэтому я доверяю ему, Ромашка.

— Это хорошо, — вздохнул мой любимый. — Потому что я уже не знаю, кому верить.

Видеть его таким потерянным было больно. Я прижалась к Ромашке, нашла губами губы, поцеловала, вкладывая в поцелуй все свои чувства. Любимый мой, хороший, самый лучший.

— Люблю тебя, — шепнула ему на ухо.

— И замуж выйдешь? — прищурившись, поинтересовался он.

— Подумаю, — ответила я с улыбкой. — А теперь давай отдохнем. Ночь будет длинной.

Мы устроились на узком диванчике в комнате рядом с моей лабораторией. Спать не хотелось, но нам нужны были силы, и я лежала, обнимая Ромашку и стараясь уснуть. Удалось не сразу, конечно, но все же удалось, и разбудил нас директор Расс бодрым:

— Пора.

Я редко видела директора без строгого костюма, и сейчас поразила его повседневной одежде. Без приталенного сюртука он стал казаться моложе и ближе, что ли, ведь директор Расс всегда казался студентам величиной недостижимой. Для меня директор тоже подыскал новую одежду — тренировочный комплект, в котором мы занимались спортом во время учебы. Он состоял из кофты и достаточно широких брюк, которые тем не менее для бега были удобнее платья. Сверху я накинула плащ, как и Ромашка, и мы вышли в ночной сумрак.

Накануне казни столица будто замерла. Не было привычного движения на улицах, лишь изредка мимо проезжали экипажи с плотно задернутыми окнами. Страшно. Но я знала, зачем шла по безлюдной столице. Чтобы освободить Альберта, а затем — друзей. Чтобы Альбертина осталась целой и ее не захлестнули мятежи, а может, и нечто худшее. Когда до нужного дома оставалось всего лишь повернуть за угол, Расс остановился.

— Дальше я иду один, — сказал он шепотом. — Ждите сигнала.

И двинулся в ночной тени, как и было оговорено. Ни я, ни Ромаш не владели заклинанием, которое собирался использовать директор, поэтому сейчас мы бы ему только мешали. Потекли тягостные минуты ожидания. Я маялась, стараясь хоть чем-то занять голову, чтобы не думать о возможной неудаче с заклинанием. Ромаш был непривычно молчалив. И вдруг послышался тихий свист. У директора получилось!

Мы с теми же предосторожностями, что и он, двинулись к дому. Каждый шаг казался оглушительным в воцарившейся тишине. Шаг, еще шаг. Приоткрытые ворота. Расс ждал нас за ними. Ворота закрылись, отделяя нас от улицы. И это было только начало пути.

Пятеро охранников сидели и полулежали на земле. У них были такие счастливые лица, что на миг кольнула зависть. Конечно, я не желала оказаться на их месте, но, увы, сейчас совсем не чувствовала себя счастливой. Интересно, что они видят?

— Не отвлекайся, — шепнул Ромаш, и мы шагнули за дверь особняка. Внутри тоже все то ли спали, то ли грезил. Один из мужчин оперся на перила лестницы, да так и замер. Другой лежал на

ступеньках, положив ладони под щеку, как ребенок. На полу, на стульях в самых немыслимых позах замерли заговорщики. А мы спешили в подвал. Теперь уже Ромаш вырвался вперед. Мой любимый до сих пор боялся призраков, но сейчас, в минуту опасности, будто забыл об этом, закрывая меня собой. А ведь никто не мог сказать, что там, в подвале. Мы замерли перед массивной дверью.

— Дальше защита, — сообщил директор Расс. — Заклинание не подействовало на тех, кто там находится, но не думаю, чтобы магия была полностью заблокирована. Это защита от внешнего воздействия.

Мы с Ромашкой переглянулись. Пора идти. Ромаш дернул дверь на себя.

— Заперто, — сказал он.

— Подожди. — Я отодвинула его и порылась в тайных карманах плаща, доставая склянку с зельем. — Лучше отойдите.

И, как только мужчины отступили, вылила зелье на замок. Оно зашипело, завоняло так, что Ромашка и директор закашлялись, зато в железе образовалась огромная дыра, и дверь со скрипом отворилась — ровно для того, чтобы в меня полетели пульсары. Я пригнулась, давая возможность атаковать Ромашке и Рассу. Здесь защита от магии, так что можно не бояться: никто не ощутит некромагическую силу Ромашки, даже если попытается. Ромаш взмахнул руками, и в коридоре стало темно. Я поднялась на ноги и сжала следующую склянку. Послышались возгласы. Лишиться возможности видеть — что может быть хуже? А я уже кинула на звук одну из своих склянок. Кто-то сдавленно охнул. Ничего, это всего лишь временное воздействие зелья паралича. Увы, я не могла точно сказать, сколько оно продлится, потому что перед выпуском не успела провести научные эксперименты. Вот и проведу.

— Сюда!

Директор Расс потащил нас вперед. Он будто видел в темноте, а я вот совсем не видела, поэтому споткнулась о чьи-то ноги и упала. Ромашка рывком поставил меня на ноги, и тьма перестала быть такой уж непроглядной.

— Осторожнее, — шепнул он.

Еще одна дверь, и четверо стражей перед ней. Мы атаковали одновременно. Когда с рук директора Расса слетела настоящая молния, я испытала шок, зато Ромашка не растерялся, и от стен отделились три черных силуэта. Я не хотела знать, почему призраки жили именно в этом подвале. Сейчас, несмотря на прокушенную до крови губу Ромашки, они были на нашей стороне. Ромаш позеленел, но отступать не собирался. Наоборот, ринулся вперед, повалил на пол одного из стражников и приказал духу:

— Стереги!

Страж закричал, но крик тут же стих. Он будто тоже оказался под воздействием моего зелья.

— Марьяна, этот замок тоже придется расплавить, нет времени искать ключ, — гаркнул директор Расс.

Я плеснула зельем на дверь, оно зашипело, но дверь не отворилась.

— Все-таки придется искать, — покачал головой директор и принялся обыскивать стражу. Мы с Ромашкой кинулись ему помогать. Чего только не нашлось в карманах воинов! Носовой платок, обертка от конфеты, детская заколка, подсолнечное семечко и даже чья-то лента. Вот только ключа не было.

Ромаш ударил ногой по двери. Та загудела, будто большой колокол. Хорошо, что прибегать сюда было некому. Где же ключ?

Директор Расс испробовал на двери с десятков заклинаний — и снова ничего. Мы с Ромашкой помчались наверх, обыскивать всех, кто был в доме, а Расс остался присматривать за стражей.

— Ключ! — радостно воскликнул Ромашка. — Бежим.

Неужели? Неужели мы действительно сделали это? Вопреки опасениям, ключ идеально подошел к двери, замок щелкнул, и неясный свет из коридора залил камеру. Даже не камеру. Каменный мешок. Альберт сидел у стены, закрыв глаза. Он был такой бледный, что на миг показалось: мы опоздали. Но вот княжич осоловело заморгал, увидел нас и, похоже, подумал, что мы ему снимся.

— Здравствуй, Альберт, — подбежал к нему Ромашка. — Вставай, надо уходить.

— Некромант? — Альберт все еще не верил тому, что видел.

— Нет, прекрасная княжна. Поднимайся!

Увы, обнаружилась еще одна проблема. Лодыжку Альберта обвивало металлическое кольцо, и от него к стене тянулась цепь.

— Марьяна, ваш выход, — скомандовал директор Расс.

— Не мой, а зелья. — Я достала заветный пузырек. На ногу лить остереглась — мало ли? Ничего, кольцо можно снять и потом, а вот ногу княжичу никто не отрастит. Цепь зашипела и распалась. Готово!

Коридор, ступеньки вверх, дверь... И знакомая фигура, преградившая нам путь. Данелий.

— А я-то думаю, кто здесь буянит, — усмехнулся некромант. — Всё те же лица. Решили восстать из мертвых, княжич, княжна? Мои поздравления.

— Издохни! — взревел Ромашка.

— Не подходи к нему близко! — Я вспомнила купол и страшную битву, в которой лишь с помощью Али Ромаш остался жив. Вот только было поздно. Некроманты покатались по полу, а нас с директором Рассом отшвырнуло, будто волной, и впечатало в стену.

Я тут же вскочила и бросилась обратно, но не смогла пробиться к Ромашке. А еще запоздало поняла: Альберт тоже остался там, под куполом магии смерти. Оставалось только замереть на полу и беспомощно наблюдать за боем. Фигуру Ромашки окутала тьма. Альберт застыл рядом с ним, только оружия у него не было, лишь магия. Двое против одного — это уже шанс, но довольно призрачный. Этот один только взмахнул рукой, и за его спиной появились пять умертвий. Все пятеро кинулись на Ромашку и Альберта, а сам Данелий шагнул из-под купола, оставив врагов сражаться с его существами, и склонился надо мной.

— Ах, Марьяна, вы даже умереть спокойно не можете, — вздохнул он. — Впрочем, рад, что вы живы. Такой талант! Настолько качественного зелья правды я еще не пил, еле справился с последствиями. Так хотелось вам довериться. Хорошо, что не стал, иначе эта история закончилась бы гораздо раньше. Но ничего, теперь уж вы точно умрете.

Директор Расс взмахнул рукой, но Данелий с такой легкостью отбил его атаку, словно это ничего не стоило. Расс упал и замер. Ну все! Я прыгнула на Данелия. Он, видимо, не ожидал от меня такой силы, потому что неловко отступил назад и споткнулся. Не надо злить светлую ведунью! Она и проклясть может.

— Чтоб тебе век удачи не видать! — выпалила я и вылила на него зелье, которое приличные ведуньи обычно не варят.

Ничего не произошло. Данелий не покрылся пупырышками, не облысел, не позеленел. Он хрипло рассмеялся, сделал шаг ко мне — и снова споткнулся. Провел ладонью, призывая магию, но черное пламя, появившееся над ней, неожиданно обожгло, упало вниз, прямо на его брюки. Некромант истошно закричал, пытаясь сбить пламя, а я в ужасе отступила. Надо его потушить! Но чем?

— Отойдите, Марьяна. — Директор Расс тяжело поднялся, и с потолка хлынула вода, загасив черное пламя, а я уже кинулась к Ромашке и Альберту. Они сидели на полу спина к спине и тяжело дышали. Останки умертвий выглядели тошнотворно, но я постаралась не обращать на это внимания.

— Как вы? — присела рядом с Ромашкой.

— Жить будем, — сипло ответил тот. — А вы?

— А мы схватили Данелия.

Некромант был все еще жив, и директор лично оттащил его в ту самую антимагическую камеру, в которой держали Альберта, запер на ключ, и ключ забрал с собой. Не выберется, даже если его пособники придут в себя. Мы поднялись на первый этаж и уже шли к выходу, когда я глянула в окно.

— Светает, — прошептала взволнованно. — Но ведь светать должно только через два часа.

— Это магия, — выдохнул директор Расс. — Кто-то торопится.

— Бежим!

И мы помчались прочь, туда, на свет. Лишь бы не оказалось поздно!

ГЛАВА 32

Никогда в жизни я не бегала настолько быстро. Нас было всего четверо, и вчетвером мы собирались противостоять целому миру. Да, преувеличение, но я ощущала себя именно так. Там, на площади у дворца князя Альбертины, должны казнить моих друзей. Людей, с которыми я не один день шагала плечом к плечу, которым доверяла, за которых готова была сражаться с кем угодно.

— Надо спешить, — поторапливала Альберта. Он едва шел, заметно прихрамывая. То ли нога плохо действовала после тяжелой цепи, то ли эту рану он получил в бою с умертвиями Данелия — я не знала.

Ромаш держался рядом со мной. Хорошо, что на его темной рубашке не было видно разводов крови, иначе я бы сошла с ума. Он тоже время от времени морщился, будто от боли, и так хотелось обнять, убедиться, что с ним все в порядке. Увы, на это тоже не было времени. А площадь все так же оставалась в недосыгаемости, но в воздухе уже можно было различить гул многотысячной толпы. Чужая казнь. Что может быть интереснее? Я сжимала кулаки, чтобы не дать воли гневу, но удавалось с трудом. Жаль, в карманах плаща оставалось не так много зелий, но еще на бой хватит, если вдруг появление Альберта не заставит заговорщиков отступить.

Наконец мы вылетели на площадь, и стало тяжело дышать. Да, они все были здесь, замерли на страшном помосте. Стоял, чуть ссутулившись, князь Теодор Ветерей. Его щеку пересекала глубокая царапина, а шея пестрела кровавыми бороздами. Слав и Тихвина — плечом к плечу. И куда подевался робкий князь Листвина? Сейчас Слав смотрел на толпу гордо, без тени страха. Любима не сводила глаз с Итена. Тот ободряюще ей улыбался. В паре шагов от них замер бескровной тенью Али.

— Жители Альбертины, — зычно вещал незнакомый мужчина, — перед вами — заговорщики, которые посмели посягнуть на жизнь князя Альберта Двенадцатого, коварно отравили его, чтобы нарушить покой в Альбертине. Да, им удалось погубить князя, но мы, правители княжеств Альбертины, готовы сделать все, чтобы в нашем государстве сохранилась справедливость и равновесие, пока не найдется прямой наследник Альберта, который, увы, бесследно исчез.

— Я здесь! — крикнул Альберт.

Несмотря на то что площадь была заполнена людьми, голос княжича лавиной разлился по площади, и показалось, что его не услышал только глухой. Люди начали оборачиваться, тыкать в нас пальцами, что-то бормотать, спорить, а Альберт пошел к помосту: спокойно, будто корабль в родных водах. Я шла за ним, сжимая руку Ромашки. Замыкал наше шествие директор Расс.

— Вы говорите, я пропал без вести? — Альберт взобрался на помост, никто не посмел его остановить. — Так вот он я! Вот только люди, которых вы собираетесь казнить, не имеют никакого отношения к смерти отца. Более того, подозревая заговор, он отправил их на мои поиски, и вернулись мы вместе — только для того, чтобы нас схватили, меня заточили, а их попытались выдать за преступников. Так как, князь? Кто готов мне рассказать о настоящих преступниках, которые решили разделить Альбертину на части и властвовать в ней, тянуть из нее соки? А?

Князя замерли. Мой отец первым склонился перед Альбертом, признавая в нем наследника Альбертины, а вот остальные подозрительно молчали.

— Самозванец! — воскликнул князь Буррет, которого я знала с детства. — Это не Альберт.

— Это Альберт, — крикнула я.

— Врешь, девчонка.

— Моя дочь не лжет, — нахмурился папа. — А вам бы следовало извиниться, князь Буррет. Марьяна — гм... подруга Альберта, ей ли его не знать?

Толпа заволновалась, загудела.

— Стража, освободить заключенных, — приказал Альберт. — А князей, которые собирались править Альбертиной во время моего отсутствия, задержать и допросить. Исполнять!

Стражники, переглядываясь, принялись снимать веревки с запястий моих друзей. Я готова была хлопать в ладоши от радости! Наконец-то свободны! Вот только и князя не собирались сдаваться.

— Вздор!

— Нарушение!

— Заговор!

Их крики звенели в ушах, а на площади заволновались люди.

— Взять их! — скомандовал князь Буррет, указывая на Альберта, меня и Ромашку, который как раз освобождал отца. Директор Расс все еще стоял у помоста.

Оружие! Я заметила его блеск под плащами людей на площади. Увидела — и испугалась. Их слишком много! Но и ряды стражи сплотились, заслонили собой Альберта.

— Самозванец должен умереть!

Две силы, две волны схлестнулись так быстро и неожиданно, что я не успела осознать сам момент, когда началась схватка. Вспышки магии озарили рассветный сумрак, послышался лязг оружия. Я тут же достала пузырек с зельем, и друзья почему-то от меня попятнулись. Ладно Итен, но остальные-то почему?

— Марьяна, не лезь, — перехватил меня Ромашка и подтолкнул к отцу, но мой папа тоже шагнул в гущу боя. Даже Бон пронзительно запищал — и вцепился кому-то в волосы. Да скоро эта площадь будет усыпана трупами! Нет, нельзя этого допустить.

— Али! — Я вцепилась в волшебника. — У меня тут зелье правды. Ты сможешь усилить его так, чтобы накрыло всю площадь?

— Я попытаюсь, Марьяна, — ответил тот с колкой усмешкой, произнес заклинание над моим пузырьком, и хрупкое стекло треснуло, брызнули осколки, а маленькие, крохотные капельки зависли над площадью — и пролились дождем.

— Князя, — крикнула я, — признайтесь, что вы собирались сделать с Альбертиной?

— Править.

— Она моя!

— Нет, моя! — слышались крики.

— Моя, моя Альбертина!

— Моя!

Безумие, чистой воды безумие. Зато люди все поняли и пришли нам на помощь. Простые люди, которые хотели жить в счастливой и благополучной стране. Увы, это зелье — все, чем могла помочь, зато теперь народ Альбертины услышал правду и сделает свой выбор. А сейчас можно было разглядеть темные вихри в руках Теодора Ветерея, грозную силу Ромашки, яркие вспышки из рук моего отца и директора Расса. И враг начал отступать, послышались торжествующие возгласы. Мы победили! Победили!

И вдруг чужой клинок прижался к спине. Этого юношу я видела впервые, но внешне он очень походил на Данелия. Он ни о чем не спрашивал, ничего не просил. Просто нажал сильнее, и я задохнулась от боли. Мир почему-то стал алым.

— Марьяна! — послышался крик Ромашки. Вот только он был последним, что я услышала.

— Марьяшечка, ну же, открывай глаза, — ласково уговаривал кто-то.

Я поморщилась. Просыпаться не хотелось, слишком устала.

— Марьяна, пожалуйста, дочка.

Это уже папа. В его голосе сквозила тревога, до того сильная, что я даже забеспокоилась.

— Хватит ее будить! — прозвучал шипящий голос Али. — Марьяна идет на поправку. Это все, что вам нужно знать. Князь Эрдерин, немедленно прекратите панику.

— Если бы это была ваша дочь...

— Марьяна — моя подруга, — с тем же холодком ответил Али. — И я беспокоюсь о ней так же, как и вы, но от вашего волнения ей легче не станет, вы должны это понимать.

— Я в порядке, — просипела, чтобы прекратить этот скандал.

— Марьяна!

Сразу три лица склонились надо мной. Все бледные, осунувшиеся.

— Я что, так долго болела? — Обвела мужчин мутным взглядом.

— Да, милая, — ответил папа. — Три дня.

Я снова закрыла глаза. Слышала, как шипит Али, убеждая, что вот теперь точно надо оставить меня в покое, и будет всем хорошо. Папа вышел, а вот Ромашка, судя по всему, остался. Он тихонько сидел у кровати, а я прислушивалась к его дыханию, пока снова не провалилась в сон.

Следующее пробуждение было уже приятнее. Солнечные зайчики прыгали по комнате, а в воздухе восхитительно пахло куриным бульоном со специями. Я вдруг поняла, что дурноты больше нет, зато чувство голода такое, будто не ела... три дня.

— А вот и наша больная проснулась, — склонилась надо мной мама.

В носу защипало. Мамочка!

— Ты чего, Марьяша? — Мама уставилась на меня. — Не плачь, глупая.

И сама заревела в три ручья. Так мы и плакали, пока мама вдруг не всплеснула руками:

— Бульон остынет! Надо покушать. Твой друг Али сказал, это поможет быстрее восстановиться.

Кормить меня пришлось с ложечки — я была слишком слаба и с трудом смогла сесть, но Али оказался прав. С каждой ложкой возвращались силы. Уверена, мой обед он еще и приправил магией. Наконец в тарелке показалось дно, а я довольно откинулась на подушки. Хорошо!

— Мам, а где все? — спросила я. — Али, Ромашка, ребята.

— Ждут, пока тебе станет лучше. — Она улыбнулась. — Кстати, нам с папой очень нравится твой жених.

И подмигнула. Когда это Ромаш успел обаять мою маму? И с каких это пор он — мой жених? Это вообще вопрос спорный.

— Ты прости нас, Марьяна, — вздохнула мама. — Мы не хотели, чтобы все так получилось. Нам казалось, что вы с Альбертом будете замечательной парой.

— Дело прошлое, — ответила я. — Готова признать, Альберт не так уж плох, но его женой я все равно не стану. Вы тоже меня простите. Я не подумала, что вы будете так волноваться.

Мама улыбнулась и погладила меня по голове. На сердце сразу стало тепло и спокойно, будто все тревоги и печали остались далеко-далеко.

— А теперь я хотела бы увидеть друзей.

Мама не стала спорить. Она вышла, а через несколько минут комната наполнилась шумом и гамом.

— Марьяна-а-а! — Бон пищал на высокой ноте.

— Марьяна, ты как? — причитала Тишка.

Слав и Итен толпились у двери, Любима только вздыхала. Посреди этого хаоса появление Али и Ромашки я восприняла как высшее благо.

— А ну молчать!

Али гаркнул так, что в комнате мигом воцарилась тишина. Да, в нашем друге пропадают великие способности командира.

— Марьяну не утомлять, — прошипел Али. — Громко не говорить. Через пять минут все вон!

— Марьяшечка, ты как? — полушепотом спросила Тихвина.

— Уже хорошо, — улыбнулась я. — Что случилось?

Все почему-то покосились на Али, и тот кивнул.

— Там, на площади, был младший брат Данелия, — сказал Итен. — И когда он понял, что дело проиграно, решил забрать жизнь главной виновницы в крушении их планов. Твою жизнь, потому что ты осталась одна, без защиты. Прости нас, Марьяна.

— Все хорошо, — успокоила друзей. — Я жива, преступники схвачены. Схвачены ведь?

Друзья слаженно кивнули.

— Большую часть мятежников задержали на площади, — ответил Слав. — Несколько человек погибли. Брат Данелия тоже под замком, вот только сам Данелий бесследно исчез.

— Но как? Ведь та комната... Ее двери нельзя было открыть ни снаружи, ни изнутри.

— Мы не знаем, — сказал князь Листвина. — Но, думаю, мы его больше не увидим, а всех виновных будут судить по закону Альбертины. Альберт передает тебе привет. Он тоже хотел бы быть здесь, но дел очень много. Князь занимается восстановлением порядка и готовится к восшествию на престол. И очень надеется, что к тому дню ты будешь достаточно здорова, чтобы присутствовать на торжественной церемонии.

— Передавайте мою благодарность за приглашение.

— А теперь вон! — скомандовал Али, и друзья послушались. Остался только Ромашка. Али взглянул на него угрюмо, но промолчал, вышел следом за ребятами и закрыл дверь. Ромаш сел рядом с кроватью.

— Ты напугала меня, — сказал он тихо. — Очень напугала, Марьяна.

— Прости меня, такую непутевую. — Я придвинулась ближе к нему. — Но главное, что все позади. Раны затянутся, и все будет хорошо.

— Обязательно, — кивнул Ромашка, обнимая меня. — И раз уж все наладилось, повторю свой вопрос. Ты выйдешь за меня замуж, Мария Эрдерин?

— Да, — тихо сказала я. — Но при одном условии.

— Каком? — Ромашка уставился на меня.

— Уговори директора Расса назначить мне новое место для практики.

Ромаш рассмеялся. Он хохотал, хватаясь за бока, пока не выступили слезы.

— Ты неподражаема! — заявил он. — Недаром отец от тебя в восторге.

— Как он? — спросила я. — Здоров?

— Да, только сильно магически истощен, слишком долго удерживал Альберта Двенадцатого, но скоро резерв пополнится, и папа снова будет внушать ужас всему двору верховного князя Альбертины.

— Вы помирились?

— Можно и так сказать. — Ромашка пожал плечами. — Мы не говорим о прошлом. Вчера вернулась мама, так что за папой есть кому присмотреть.

Я улыбнулась. Крепче прижалась к Ромашке и почувствовала себя абсолютно счастливой.

— Люблю тебя, — шепнул Ромаш, осторожно меня целуя.

— И я тебя, — ответила ему. — Всем сердцем.

ГЛАВА 33

Время мчалось незаметно. Я была ужасно занята: Слав и Тихвина решили пожениться, не отставали от них и Итен с Любимой, поэтому мы с Ромашкой тоже готовились к свадьбе. Три свадьбы в один день — что может быть лучше? Родители хватались за голову, пытаясь успеть подготовить все в срок. В столицу приехали оставшиеся сестры Слава, и князь сразу куда-то исчез вместе с Тишкой. Мы с Ромашкой нашли их в светлой школе. Князь и подруга облюбовали мою комнатку у лаборатории, где не было никаких шумных родственников и предсвадебной суеты. Увы, за пару недель до свадьбы мы попрощались с Али. Он решил, что отправится путешествовать и навестит родные земли.

— Останься! — просила его я. — Куда тебе спешить? Хотя бы до праздника останься.

— Прости, Марьяна, — грустно отвечал волшебник. — Я так давно не был дома и не могу больше ждать. Умом понимаю, что там не осталось ничего, что было мне дорого и знакомо, но очень хочу снова увидеть свою родину.

— Хорошо. — Я опустила голову. — Но ты ведь вернешься?

— Да, обязательно, — пообещал Али. — Только не скоро.

— Так и я не скоро вернусь в столицу. У меня еще два года практики. Мой папа и папа Ромашки просили у директора, чтобы я проходила практику здесь, но тот сказал, что его нервная система меня не выдержит, поэтому ехать придется далеко.

— А как же Ромаш? — спросил Али.

— Ромашка едет со мной, только его родственники пока об этом не знают. Ничего, после свадьбы сообщим. Ты точно не удержишься?

Али покачал головой. Что ж, я его понимала. Он слишком долго был привязан к кувшину и подчинялся чужой воле, а теперь хотел ощутить свободу, снова жить. Поэтому и рвался в путь, и не было такой силы, которая могла бы его удержать.

— Али-и-и. — Откуда-то сверху спикировал Бон. — Я не хочу, чтобы ты ехал один! Марьяша, ты будешь сильно против, если я поеду с Али? Тогда ему не будет грустно.

Мой добрый маленький пикси.

— Конечно, я буду только «за», — улыбнулась ему. — И обязательно возвращайтесь вместе, магия поможет вам меня найти.

Тем же утром, попрощавшись с друзьями, Али отправился в путь, а на следующий день состоялось еще одно важнейшее событие в истории Альбертины: вступление на престол Альберта Тринадцатого.

Город летел на крыльях музыки, пестрел флагами, гудел торжественными мелодиями. Мы с Ромашкой, отложив предсвадебные дела, ехали во дворец верховного князя. Я никогда не была внутри этого величественного и прекрасного здания. Казалось, что оно должно скрывать все красоты мира. Снаружи дворец был выполнен в бледно-голубом и белом цветах. Длинные лестницы вели к резным дверям, диковинные растения благоухали в вазонах, статуи поддерживали арку над входом.

— Что-то мне не по себе, — шепнула я Ромашке, непривычно собранному и серьезному, слишком юному без привычной щетины и незнакомому в дорогом сюртуке, жемчужно-серой рубашке и узких штанах.

— Слишком много было испытаний за последнее время, — ответил он. — И я хотел сказать, что ты прекрасна, Марьяна.

Я покраснела и поправила диадему в волосах. Для церемонии выбрала платье бледно-персикового цвета, украшенное живыми цветами и кружевом, до того тонким, что казалось, будто это изящные паутинки, а не творение человеческих рук.

— Спасибо, — пробормотала под нос.

У входа нас уже дожидались родители — и мои, и Ромашкины. Они быстро сдружились, поняв, что контролировать проблемных детей проще вместе. Но как бы не так! Правда, они пока об этом не догадывались, зато хитро переглядывались, когда думали, что мы не замечаем.

Во дворце нас уже ждали и проводили в тронный зал. Я видела много красивых мест, но

великолепие дворца верховного князя поражало. Правда, жить здесь я бы не стала — слишком роскошно, мне же больше нравился простор. Зато никто не запрещал любоваться!

Наши друзья уже были здесь: и Итен с Любимой, и Слав с Тишкой и сестрами. Кстати, Тихвина прекрасно справлялась с гнетом старших сестер князя. Мне даже казалось, что они побаиваются мою бойкую подругу. А еще Тишка заявила, что останется преподавать в столице, поэтому и Слав решил тоже остаться, хотя бы на время, пока за княжеством присмотрят сестры.

Мы едва успели поздороваться, когда заиграла торжественная музыка и в зал вступил Альберт. Он изменился за эти дни, стал сдержаннее, серьезнее. Новый верховный князь шел вдоль рядов приглашенных, гордо расправив плечи, и, лишь заметив нас, слегка улыбнулся. Он знал, что мы на его стороне.

Альберт замер перед ступеньками, ведущими к трону, и повернулся лицом к гостям.

— Я, Альберт, — громко, четко проговорил он, — готов принять на себя бремя власти. Клянусь править Альбертиной честно и мудро, заботиться о ее народе, руководствоваться законом и справедливостью, уважать старших, защищать малых. Да будет так.

Грянула музыка. Альберт сел на трон, и светлые жрецы в длинных белых мантиях опустили ему на голову золотой венец.

— Да здравствует Альберт Тринадцатый! — Возгласы наполнили зал. — Да здравствует Альберт Тринадцатый!

И в третий раз вновь повторили слова признания нового верховного князя Альбертины. Главы княжеских родов потянулись, чтобы принести клятву верности новому правителю. Они шли и шли, а мы ждали своей очереди, чтобы поздравить друга, и лишь полчаса спустя оказались перед Альбертом.

— Поздравляю, — улыбнулась я своему несостоявшемуся жениху, помолвка с которым официально была расторгнута.

— Спасибо, что помогли мне, Марьяна, Ромаш, — ответил он. — Я никогда этого не забуду.

— Не теряйтесь больше, верховный князь, — с улыбкой сказал Ромашка.

— Кто бы говорил, — рассмеялся Альберт. — Я уже наслышан о ваших похождениях, совместных и по отдельности. Так что скучно вам точно не будет.

Мы с Ромашкой посмотрели друг на друга и слаженно кивнули. Да, скука нам не грозит.

После церемонии был роскошный бал, но, признаться, меня так утомляла дворцовая суета! Видимо, такая жизнь все-таки мне не подходила. Оттанцевав с десятков танцев, мы с Ромашкой сбежали и до утра бродили по городу, заглядывали в торговые палатки, покупали лакомства. Эх, жаль, с нами не было Бона — я бы купила ему леденец размером с пикси. Но, увы, малыш уехал с Али. Их обоих не хватало.

— Ты грустишь, — заметил Ромашка.

— Да. — Я присела на скамейку у озера, в эту ночь переливавшегося всеми цветами радуги, и Ромаш опустил рядом. — Как думаешь, с Али и Боном все в порядке?

— Уверен в этом, — ответил мой жених. — Али не даст Бону пропасть, и наоборот. Скоро мы встретимся, вот увидишь.

Хотелось бы, очень хотелось. Так мы и сидели, пока небо над столицей не разукрасили искры фейерверка. Они расцветали диковинными цветами, порхали бабочками, горели символами Альбертины — мечом и колосом. Удивительное зрелище, и довольно редкое, потому что требует огромного количества магии. Не скоро еще выпадет возможность полюбоваться подобным.

— Идем домой? — предложила я, обернувшись к Ромашке, как только погасли последние огоньки. А он привлек меня к себе и поцеловал: нежно, бережно. Домой сразу же расхотелось, но до свадьбы оставалась всего неделя, и дел на день было столько, что можно утонуть с головой. Не мешало бы хоть немного поспать. Пришлось возвращаться и снова окунаться в водоворот предсвадебных хлопот.

И тем не менее, когда настал день торжества, я поняла, что совсем к нему не готова. Стояла перед зеркалом в традиционном ало-золотистом платье и белом венке, смотрела на незнакомку в отражении и дрожала. Замуж! Я выхожу замуж! Вокруг суетились подружки из школы, потому что самые близкие — Любима и Тишка — были заняты своими приготовлениями.

— Марьяна, ты такая красивая! — говорили девчонки.

Да, красивая и счастливая. И перепуганная до ужаса. И вообще, я еще слишком молода для замужества. Даже покосилась на окно, обдумывая, не провернуть ли трюк с бегством, опыт уже есть, но представила, что на это скажет Ромашка, и бежать расхотелось. Он не заслужил, чтобы с ним так поступили. А еще я очень его любила и хотела, чтобы он был счастлив. Придется говорить «да». Пора.

В дверях появился отец. Он взглянул на меня замороженно, подошел и поцеловал в щеку.

— Ты прекрасна, девочка моя, — сказал папа тихо и отвернулся, но я все равно увидела слезинку, мелькнувшую в уголке глаза. По традиции именно отец ехал с невестой в карете к месту свадьбы, поэтому он подал мне руку и повел вниз, туда, где уже ждал наш транспорт, запряженный белыми лошадьми и украшенный цветами. Волшебство! Мы сели, и карета покатила по улицам города. Сердце билось часто-часто, будто пыталось выпрыгнуть из груди. Я искусала губы, едва не обгрызла ногти, хоть и никогда не страдала подобным, а когда мы вышли у храма, и вовсе едва не потеряла сознание. Позор! Но папа был намерен довести меня до жреца и передать в руки жениха, поэтому мы шли и шли, миновали двери храма, тоже украшенные белыми цветами. На скамьях сидели многочисленные гости. Я только надеялась, что моя свадьба не закончится так, как церемония сестры Ромашки. И приехала я последней — Любима и Тихвина уже вошли в храм и сейчас стояли рука об руку с женихами. Они выглядели волшебно! Итен и Слав глаз не сводили со своих нареченных, и только Ромашка заметно нервничал, поглядывая на дверь. Увидел меня, и лицо его просияло. Видимо, не верил до конца, что приду. А еще я заметила на его жилете ту самую ромашку, которую ему подарила. Глаза защипало от слез.

— Береги ее, — шепнул папа жениху и отступил.

— Ты прекрасна, — улыбнулся Ромаш, а я сглотнула подступивший к горлу комок.

Церемонию проводили сразу трое: светлый жрец, князь Ветерей и... Альберт. Вот кого не ожидала увидеть! Но верховный князь улыбнулся мне и подмигнул. Вот еще заговорщик, у кого только научился? Ничего, будет жениться, я ему это припомню.

Потянулись слова заклинаний. Я сжимала Ромашкину руку и чувствовала, что то ли сойду с ума от счастья, то ли разревусь. Хорошо хоть женятся раз в жизни. Ладно, некоторые не один, но ко мне это не относится. Наконец Ромаш надел на меня браслет супруги, а я дрожащими руками надела на него браслет супруга. С моей головы сняли венок невесты, и на нас надели венки из живых цветов, а затем опоясали поясом — одним на двоих.

— Клянусь любить и беречь тебя, Марьяна, — торжественно произнес Ромаш, глядя в глаза. — Заботиться о тебе, защищать, всегда быть рядом до последнего вздоха. Моей жизни не было до тебя, ты и есть моя жизнь.

— Клянусь любить и беречь тебя, Ромаш, — ответила я. — Заботиться о тебе, быть верной супругой, разделить и счастье, и беду. И всегда быть рядом, что бы ни ждало нас впереди.

Грянула музыка, и к нам потянулись поздравляющие. Сестры Слава плакали, мои родители тоже вытирали глаза. Мама Ромашки и сестра держались, но было заметно, что с трудом. Я впервые увидела родителей Итена — они лучились гордостью за сына. Приехала мама Тишки. И посреди этого хаоса были непоколебимы два человека: Теодор Ветерей, придворный некромант Альбертины, и директор Расс. Какая же свадьба без него? Более того, директор выглядел откровенно счастливым. Видимо, думал, что избавился от меня навсегда. Я не стала ему говорить, что после практики планирую пойти по стопам Тихвины и преподавать в светлой школе. Зачем? Пусть хоть два года порадуется.

Наконец отгремели поздравления. У выхода из храма ждали три кареты — теперь уже для каждой пары. Праздновать решили в особняке князя Ветерея, потому что там было больше места, чем у Итена и Славы. А еще, думаю, Теодор просто заставил парней согласиться. Кто в здравом уме будет спорить с некромантом? До самого рассвета играла музыка и кружились пары, но, конечно, пользуясь правом молодоженов, мы сбежали куда раньше. И, целуя своего супруга, я думала о том, что даже под личиной угрюмого некроманта, который страшно боится призраков, может скрываться любящий мужчина с огромным сердцем, такой родной, что я не представляла, как жила без него.

ЭПИЛОГ

— А я говорю, поеду! — кричала я на весь дом.

— Ни за что, — твердил отец. — Мы только обрели тебя, Марьяна, и не хотим потерять снова.

— Почему потерять, папочка? Я еду на практику, всего на два года. Тем более я замужем и супруг согласен с моим решением.

Супругу, кстати, пришлось куда хуже. Князь Теодор уверовал, что теперь-то Ромашкин дар будет служить Альбертине, поэтому накануне мой муж явился в комнату злым как демон и заявил, что мы уезжаем немедленно. Еле удалось уговорить его подождать, пока попрощаюсь со своими родителями.

— Твой супруг — мальчишка, — кричал отец. — И абсолютно безответственный. Ты сама знаешь, как мало осталось некромантов и как много у них работы.

— Ромашка не любит некромантию, папа. Ему тоже нужно время, чтобы принять свой дар.

А мама не вмешивалась в нашу ссору. Она только подошла и крепко меня обняла.

— Счастливого пути, доченька, — сказала, вытирая слезы. — Пиши, что у тебя все хорошо, а то мы будем беспокоиться.

— Обязательно, мамочка. — Я крепко обняла ее в ответ. — Вы у меня самые лучшие. До встречи.

Затем обняла отца и поспешила прочь. Ромашка ждал меня у экипажа. Направление на практику уже было при мне, и готова поклясться, директор Расс радовался, вручая мне его, потому что наш путь лежал в глухой городишко в Северных княжествах. Там давно требовалось магическое вмешательство — слишком много нечисти развелось вокруг. Так что найдется работа и для меня, и для Ромашки.

— Как все прошло? — угрюмо спросил супруг.

— Отлично, — ответила я. — Пожелали счастливого пути.

— И все?

— И все. — Я уверенно кивнула, не став уточнять, что «и все» — это очень масштабное понятие и может включать в себя что угодно.

Мы сели в экипаж, и вскоре столица Альбертины осталась далеко позади, а после двух недель пути мы прибыли в городок Северрер. Здесь нам полагался большой деревянный дом, который грозил рухнуть на голову, но разве это помеха для счастья? Два дня спустя после приезда мы с Ромашкой отправились гулять за город. Увы, лето закончилось, на деревьях желтели листья, и в воздухе пахло дождем. Ромаш держал меня за руку, шелестела сухая трава, а впереди поблескивала синь реки.

— Волшебное место, правда? — улыбнулась своему супругу.

— Лучше не бывает, — согласился он.

Действительно, лучше не бывает. Я стояла и думала. Больше всего о друзьях, которые остались в столице. Тишка вернулась к работе, Итен — на службу, и его шевелюра тоже постепенно отросла, правда, не до пояса, но вряд ли он расстроился. Слав занимался обустройством семейного быта и тоже рвался преподавать, но, когда узнал, какое количество девушек обучается в светлой школе, быстро передумал. Любима ходила в гости к брату каждый день, но я не думала, что Славу и Тишке это слишком мешало. Как они там без нас? Наверняка скучают. Я украдкой вздохнула.

— Что такое? — насторожился Ромаш.

— Ничего, просто соскучилась по ребятам, — ответила я, прижимаясь щекой к его плечу.

— Да, я тоже.

— Ой, смотри! — Я побежала вперед, раздвинула траву и указала супругу на цветок, который неведомо как оказался здесь среди осени. Это была полевая ромашка.

— Она ждала нас, — рассмеялся Ромаш.

— И сомнений нет. — Я улыбнулась и поцеловала мужа. Как же хорошо!

— Марьяна!

— Ромаш!

В нашу идиллию ворвались голоса, которых тут точно не должно было быть. Мы медленно обернулись, до конца не веря себе. К нам спешили Итен, Слав, Любима и Тихвина. Они махали нам руками.

— Эй, вы что тут делаете? — кинулась я к ребятам и потерялась в их объятиях.

— Мы решили, что вам без нас будет безумно скучно, — заявила Любима.

— Как и нам без вас, — краснея, добавил Слав. — Поэтому Итен перевелся служить в этот город, а мы поехали с ним.

— Какие чудные новости, — поморщился Ромашка, но и он выглядел абсолютно счастливым, хоть и старался принять грозный вид.

А я не верила своим глазам и в то же время понимала: город Северрер навсегда запомнит день, когда мы поселились в его стенах, потому что ближайшие два года скучно не будет не только мне с Ромашкой, но и никому вокруг.